

литературный проект
ВЕЩЕСТВО

№2

ВОДА

2017

SUBSTANTIA

SECTION II
ВОДА

[...] Как мусор с ледяных высот –
Изнанка образов зеленых –
Вода голодная течет,
Крутясь, играя, как звереныш.
(О.М.)

литературный проект «вещество»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ΠΡΩΤΕΥΣ / ПОДВИЖНЫЙ ДОМ

- Виталий Шатовкин. Игры в Иону /7/ Андрей Дмитриев. Освобождение /17/
Александр Петрушкин. Будка Люмьера /21/ Дмитрий Машарыгин.
Рыбаки и дети /28/ Константин Латыфич. Из «Песен воды» /32/
Сергей Ивкин. Явная доктрина /41/ Алексей Мионов. Где выше воздуха
вода /49/ Игорь Силантьев. Домашнее задание по водоотведению /53/
Евгения Изварина. По краю /57/ Наталья Хмельёва. Дунаида /60/
Изяслав Винтерман. Терменвокс /64/ Дмитрий Дедюлин. Семеро самураев /72/
Александр Бубнов. Триптих о воде /77/ Нина Александрова. Наизнанку /82/
Виктор Качалин. Подвижный дом /85/ Сергей Чернышев.
Принадлежности для гадания /88/ Сергей Шуба. Дождь беспощаден /95/
Александр Ринский. Над скважиной /98/ Тейт Эш. Бури в подстаканнике /101/
Александр Корамыслов. Стихотворения и танкетки /106/
Александр Ходаковский. Если нет облаков /110/ Татьяна Зоммер.
Чистая лирика /116/ Ольга Андреева. Оставаясь водой /119/
Владимир Алейников. Раковина /122/

MURI IN ANGSTIA TEMPORUM / МЕЖЕВАЯ ВОДА

- Екатерина Садур. Праздник Старух на Море /129/
Фотя Витрыло. Водяные духи. Реальная история /193/

CLEPSYDRA / БАПТИСТЕРИЙ

- Константин Медведев /197/ Зиновий Антонов /198/
Юлия Долгановских /199/ Егор Мирный /200/
Алёна Рычкова-Закаблукская /202/ Владимир Бойков /204/
Нина Косман / Kossman /209/ Ольга Логош /210/
Александр Поповский /212/ Клавдия Смирягина /213/
Михаил Моисеев /214/ Марина Чиркова /216/ Янис Грантс /218/
Артём Петров /220/ Радислав Власенко-Гуслин /222/
Лариса Пушина /224/ Александр Карпенко /226/ Олег Копылов /227/
Рикардо Пеньяроль /228/ Александра Инина /230/ Эдуард Учаров /232/
Алекс Трудлер /235/ Наталья Рубинская /237/ Дмитрий Близнюк /238/
Владимир Монахов /240/ Галия /241/ Сергей Сумин /242/
Евгений Ивачевский /243/ Ирина Кадочникова /244/
Юлия Новоселова /246/ Светлана Башкатова /247/ Виктория Берг /248/
Алексей Мишуков /250/

LES FLUMINA SUB TERRA / ЛЕС ПОДЗЕМНЫХ РЕК
Тина Борисова /253/ Галина Булатова /255/ Жанна Сизова /257/
Екатерина Дайс /261/ Ефим Гаммер /265/ Ярослав Пичугин /269/
Евгения Баранова /273/ Ольга Вириазова /275/ Нина Злаказова /277/
Александр Тихонов /280/ Алёна Шипицына-Иванке /282/ Елена Коро /284/
Александр Соболев /286/

ΣΤΥΛΟΣ / ПИСЬМО ПАЛОЧКОЙ НА ВОДЕ
Мargarита Пальшина. Четыре эссе из книги «Живая вода» /291/
Александр Бубнов. «Запечатлённая» вода... /302/
Белла Верникова. «Взрвут водяные быки». Эссе-рецензия /308/

AQUA DICTIONARY / РЕЧЬ ИЗ ВОДЫ
Александр Бубнов /315/ Евгения Изварина /330/

ВСЁ, ЧТО ЗА КАДРОМ
Марина Хоббель. Демон нехватки /336/

ΔΙΑΙΡΕΣΗ / СТИКС
Евгений Туренко /5, 127, 195, 251, 289, 313/

Авторы номера /344/

ΠΡΩΤΕΥΣ

Что ли уже ночь или всё ещё слепота.....
Вспомни проклясть на милость да прости ни с чем.
Вначале был понедельник, потом упадёт листва.
Хочешь, скажи - что есть. Но не обманись насовсем.

Или - поверь скорее, а то настанет вчера.
Твоей несусветный ангел что же так нищ и тощ?
А если первична курица, то ввечеру будет дождь.
Иноязычней Псалтыри лёгкая мыслям вода.

ПОДВИЖНЫЙ ДОМ

Но не жалея о времени, имя ему ничто.
Хлеб измельчает, влага покроется млечною тьмой,
тонкая птица взлетит надо всею от края землёй,
эхо перелистает в бледных ветвях окно.

Не зачерпнуть повторений, и страшно - как до Рождества.

Маленькая Рахиль своей не знает стези,
и забывает облик и отзвук пальцы - возьми!..
Разность цветёт в стекле, как будто там глубина.

Так уж легка стыдоба колыбельной отрады твоей -
взвешивать слёзной щепотью дырявую тень на гвозде.
И не припишет по жизни в строку отдалённый Матфей
слога - чтобы прочесть часы в никаком числе.

Евгений Туренко

Виталий Шатовкин
/Новосибирск/

Игры в Иону

* * *

Синие рыбы с пришитой проталинкой глаз, каждая
бровь – полимерная, вязкая глина – мазанки
крашеной, белую известью, дрожь –
вылепи небо себе из куска

пластилина

и накарябай иголкой игрушечный дождь. Капелька
к капельке – так – из просроченных трубок –
списанных капельниц вяжут оконный
проём – дверь от речного

хрусталика

к цинковой клумбе – на шерстяных черешках цвето
музыка астр: сделаешь вдох – к ватерлинии
тянутся губы – сделаешь выдох – на
кольцах соскочит гимнаст.

Вечером

ветрено – рябь – отражение стёкол, нет третьих
лишних в карманах, молитвах, войне – и
подставляя проходим избитую
щеку, тень белокрылая

прячет распятие
в крыле.

* * *

Из всех предметов в гуще ноября – твоё
лицо воспринимается печальной,
чем известковый барельеф
равнины. Подлунная,

стоячая

вода – оплавленное горлышко кувшина:
заглянешь внутрь, теряются слова,
накроешь крышкой, сдавится
пружина. Косноязычный

механизм

тоски, разменивает на предлоги голос и
тишина – назойливый москит – не
хоботок – пропустит вглубь
меня, а поседевший,

от молчания,
волос.

/Мираж аквариумной рыбы/

Уложенные рядом к ряду – волокна Солнечной
системы – пчелиных лапок кавалькада,
возьмёшь в ладонь и тут же: где
мы? Из разрисованных

альбомов –

стекают плёночки-рисунки – вода имеет форму
ромба, перетекая по-пластунски, через
таблицы чётных чисел. Не потакай
себе глазами. Как ягоды

на барбарисе,

заката огненная камедь, накроет город шторой
воска – где взгляд аквариумной рыбы –
посеребрённая полоска. Плавник-
улыбка в месте сгиба –

похож на нож

от гильотины – мираж не делиться на /было/, а
остаётся уязвимым до сумерек и ранней
ночи. Пустое дно аплодисментов –
дзули звёзд и многоточий,

а небыль –

соберёт фрагменты, и,
скрутит горизонт
в клубочек.

/Frammentodiacqua/

Ты выплыла из пустоты – стручкообразную
гондолой и выправкой, до прямоты –
был горизонт. Кусочком
сколот, фрагмент

немного витража над куполом Санта-Марии,
и в сон – последнего дожа – втекла
лагуна. Вместо крыльев –
здесь носят жабры

и покой –

разлит повсюду под ногами, а мрамор – как
туман густой – очеловечен. Вечерами,
растёрто солнце на часах, до
состояния морской

пены

и кормчий, в Дантовых
кругах – петляет
будто

суеверный.

/Игры в Иону/

-I-

Мы ходили по берегу, под нами текла река,
собирали в кулак многокрылых
и рвали густой осот –

понимая отчетливо, что наша жизнь – игра:
оловянный волчок, барабанное
колесо. Вместо спиц

у которого

привязи фотолент, с чередой монохромных
окошек длиной в дюйм и пейзаж,
из застывших

линий дивертисмент – умещается на ладони.
Равно нулю – притяжение между
криком и нотой /Ля/ –

замывается

соль под кожу покуда бел и верёвка узлом –
но скорее её петля – соединяет не
точки, а основания тел,

натуральные чиста

слепого-поводыря.

-II-

Каждый

звук застилает окно, словно сорванный лист:
чайный, розовый или бумажный под
тяжестью букв – если

мерить пространство, то относительно лиц –
мы находимся ниже, чем заполярный
круг, чем плавучая

ряска. И корень из одного – оборотом ключа
упирается в собственный холод, и за
дверью встречается с

тем, что

давно отмерло, а оно переходит со скрипа на
нервный хохот. Бальзамин на окне
догорает созвездием Льва –

высыхая

от сброшенных листьев и собственных регул
и над ним преклонилась сквозь сумрак
седая звезда, потускневшая,

от затмевания –
лампочка

Регул.

-III-

Тишина обступает, но прежде звенит нутро –
разливаясь сосновой смолою по
сухожилиям – тает

ночь на

пубах, и по нёбу густой гудрон – растекается.
Отражение всегда двужильней, чем
объект. Расставляя

предметы без ведома их, попарно – заполняя
пустоты доверху, как Ноев Ковчег –
остается само –

невостребованным,

безударным к положению вещей, страницам
дневных газет. Всё приходит к тому,
что от трёх вычитается

лишний – чаще тот, кто осипшей гортанью –
покроем луну. И ему говорят звезды
шепотом: тише, тише,

ну а он, с каждым словом,
всё глубже уходит ко

дну

/Архитектурная композиция из воды и камня/

-I-

Начини с начала, по порядку, от нуля – можешь на
пальцах, там отчетливей костяшки. Отбей
на память телеграфом ноября
эпиграф снега –

на воде станцуй, вчерашней. Она невесть что, зато
выдержит двоих, пусть даже сядет, к ним
на плечи птичьа стая: перемножая
оголтельй,

птичий крик – на части речи –
мы много умножаем,
на самого

себя.

-II-

Я знаю, скажешь ты – когда б ни дважды два, две
пары рук давали б /икс/, а не четыре и на
морозе: чувства, воздух, голова в
обход границ

своих становятся лишь шире. И округляется – как
глобус зимний день, по высоте, но больше,
вглубь. Снаружи – его футбольная,
как сдутый

мячик тень, скользит по воздуху и утопает в луже.
Они ещё стоят не взаперти – зеркала в небо
сброшенным обличем – как
пустота щербатой

паперти, в ладонях остывая пером птичьим. Ещё
немного и рассыпется горох на позвонки
обледенелых бусин, и облака –
отождествляя вдох,

сойдут на землю
в шерстяном

бурнуса.

-III-

Раздастся голос – из подкладочной тени, кукушка
клювом выбьет цифру восемь – вдоль
тротуара вспыхнут взлетные
огни и воздух,

растворив

худую осень, опустошится. Так выпаривают соль
из равновесия немых кристаллов и небо,
как большая вакуоль, прольётся
вниз – в ладони

из металла.

Они будут саднить до февраля – карябать горло,
лить в него микстуры и обезумев в поисках
огня, сойдут за мрамор белизной
текстуры. Прожилки

станут млеть,

а не дышать: и гнать, и гнать венозные чернила,
и разжигать вязанкой артыша, забытые
печной золой, горнила.
Заиндевает

взгляд среди воды – которая напоминает пьету,
где замурованные чувства – как следы,
ведущие сквозь тернии
камня к

свету.

* * *

Вынося из себя по каплям рельеф воды: в пинтах,
пробирках, кружках с вчерашним чаем –
я не чувствую дна – и давно
уже не скучаю,

по условностям собственного лица. Вокруг десны:
пенопластовый круг для спасения остатка
речи – безударных союзов,
наречий, частицы

/не/ –

если брать только голос, то голос всегда конечен,
где-то между двух точек. И пуговицы на
полотне рубашки – подобны
звёздам, пришитым

к изнанке тела – Вселенной – надетой на манекен
портняжный – как же ты, за последние
несколько лет – обмелела –
хочется вскрикнуть,

смотрясь в

переносицу ночи, разделяющую время в часах и
ротонду башни на осколки воспоминания.
И звук многоточий, собирается
роем вокруг /.../ –

первоклассник вчерашний – так видит равенство
чисел и крутит глобус, умножая на пальцах
любой предмет – и дважды –
говорит это вслух,

а его

удивлённый голос, размывает
границы – и делает
мир

бумажным.

/Рыба/

Состыкована рыба из проволочного полотна – у
неё в плавниках – как в кольчуге Алёша
Попович – застревает песок, и,
костей заострённых

длина,

упирается в кромку воды: кто раскручивал обруч,
тот поймёт что такое – быть пойманным
на живца. Каждый раз, когда дно
наполняется солнечным

светом,

она будто гальваника – серп на ладони
жнеца – промелькнёт и растает
в воде, как в кармане

монета.

Андрей Дмитриев
/Нижний Новгород/

Освобождение. Стихотворения

* * *

А к вечеру в дверь позвонил слесарь из ЖЭКа –
сказал, что хотел бы проверить напор воды.
Вода, действительно, плохо текла. Мы впустили этого человека –
он долго гремел разводными ключами, рассказывая, как молодым
пришёл в профессию. Мы участливо кивали в ответ.
Истёк целый час, но вода не стала бежать быстрее.
Слесарь собрал инструменты, пообещал, что завтра в обед
непреренно зайдёт – к тому же надо проверить ещё батареи.
Когда захлопнулась дверь, и за нею послышалась поступь лифта –
мы поставили чайник, решив обозначить финал
разыгранной миниатюры из коммунального мифа
о сыне Гефеста и том, что вода – дарована нам,
как свидетельство победы цивилизации,
за которую и приходится часто бояться...

* * *

Сидел на камне – говорил с водой.
В каждой волне слышал ответ, но не мог разобрать ни слова.
Впрочем, теперь – знаешь многое из того, что осело на дно,
так как оно тяжелее олова,
из того, что сбилось в пену у самых ног,
принеся какую-то щепку, хоть и остался размытым
и пресным – босым оттиском обозначив песок
вдоль берега долгой реки, помнящей идолов неолита.

* * *

Полный рот воды.
скажи А, произнеси Б,
но ты –
похож на немую рыбу
либо
на водяную корову –
только мычишь. Тебе
не даётся живое слово.
Вот так и всем.
Вот так и всем.
Выпьём или выплюнем воду
и думаем, что это – успех
свободы,
но язык захлебнуться успел.

* * *

Дышал на воду – искусственное дыхание.
Вода стала живой – открыла глаза,
увидела небо, в котором лётчики – не отдыхают,
а работают, не покладая крыльев. Вода – блестит в волосах
ловцов жемчуга, но видят ли те насквозь
эту живую материю, что спеленала
быстрые их тела. Позже – в ней отражение звёзд
дрожию себя обозначит. По каким же лекалам
вода рисует себя – в каждом агрегатном своём состоянии,
соответствующем положению дел
переменчивой данности. Вода – блеском стали
срезает ломкие стебли лучей. В воде –
аукнется правда о первых шагах на сушу.
Подобравший раковину мальчуган – слушает море,
впрочем, слух его грубо надкушен
прохотом города, где мы сами звучим в общем хоре...

Дышал на воду, произнося имя планеты
что видно при ясной погоде в тихую полночь –
на сковородке упавшие навзничь котлеты
догорают столь безразлично к происходящему, что помощь

поваренной книги – не сулит облегчения.
Дышал на воду – в путь отправляя бумажный кораблик,
которому не совладать с течением,
хотя, в принципе, уже пора бы...

* * *

Освободите воду! Её физическое состояние –
устало быть крепостью. Освободите воду –
распахните калитку кристаллической решётки. Скальпелем
прочерчена линия жизни, свет падает вниз – в кипящий омут
боли. Страдальцы, коверкающие слова
пальцами диалектов, выстраиваются в длинные очереди
к источнику, на который кем-то брошена ссылка. Доедает в лаваш
завёрнутый ужас тинэйджер, ненавидящий отчима
за отношение к позднему Гумилёву. Но, освободите воду,
освободите хоть что-нибудь от вашего превосходства.
Ты искала ключ от замка? Вот он...
За дверью – шепчет вода: освободите воздух.

* * *

Стоит Максимка на берегу –
смотрит, как меняется цвет бегущей воды:
темнеет облако – отражается в реке, что на бегу
освоит новый концепт светотени, солнце – как поводырь –
выводит русло на свет, а, споткнувшись, теряет его –
и русло, и свет, на мели – волны светлей,
над ямой – чернеет поток. Максимка – следит за рекой
с каменной пристани, где – разлитый в стекле
киоска – преломляется суетный мир.
Большие суда – бортами раздвинули пустоту,
ещё не задействованную людьми –
и это похоже на речь, что приставила стул
прямо к твоей скамейке, села напротив и началась –
как нечто большое и ёмкое. Максимка любит причал,
любит реку и корабли – для его всеобъемлющих глаз
движение повернувшего русла – изгиб папиного плеча.

Река, река – непрекаемая строка,
у реки – в рукаве ловит рыбу рука,
но Максимка – на берегу – без удочки и без невода,
хоть и есть, что ловить. Чайка – раскрытой тетрадью
пикирует с неба в пучину текста, которому некогда
искать себе оправданий. И вот этого текста ради
и происходит в пространстве река,
что меняет лишь цвет – в зависимости от контекста.
А Максимка в том видит только игру пока –
у него продолжается в играх растущее детство...

Александр Петрушкин
/Кыштым/

Будка Люмьера

* * *

Тело подходит к воде – словно отец с поученьем,
но отражения нет – впрочем, нет и мученья.

Что там за телом горит? Что говорит, как сухара,
с той и другой стороны этой воды, что есть жало

или холодный ответ для заходящего в воды
тела, которое снег, память, охапки дыханья,

хвороста тронутый шум, дыма гляделки и прятки,
гумос для ангельских труб, что вырастают вокруг лесом,

гимнами, прялкой пустой, паром февральским, паромом
что стрекозою густой его провожает до дома.

Освобождаясь, когда кончено всяко ученье,
тело подходит к воде, себя ощущая, как жженье.

БЕГСТВО

Бегство твоё было похоже на яблоко, что скатилось
по ступеням росы, что рассыпали ромалы в сене –

оставалось идти там, где дыхание билось белой мошкой
над дугой человека парящего как молоко над крынкой –

запотело молчанье твоё – всё достижимо,
всё приходит, встаёт как колокол медный над головою,

качает шарик окна, как младенца птица,
кушает отсутствие наше напополам с половиною.

там, где ты рай нащупываешь - как русло
наметив себе, голавль сбывается льдом с рекою,

отражение подсекает тебя, как рыбак отраженьё
своё, и лицо его ловит воды последний глоток.

Дальше – жажда, глухое жженье, ожог кислорода,
что ест его изнутри, как яблоко воды воду,

человек каждое своё движение, рыбак рыбу,
пойманную собою.

* * *

Представь, что остров - это воды,
побег от выдоха её,
стоящий в маятнике леса,
где стоишь только одного
воспоминания и звона,
сгущаемого в голубей,
летающих, как водовороты
сквозь лес, горящих в них людей.
Никто из нас – непредставимый –
стоит, как ключик от часов,
что крутят голос, словно остров
как небо или остриё.

Будка Люмьера [песня кита]

-1-

И ты в числе безымянном
живёшь, как в люмьеровской будке,
где слова орех, в камень вросший,
размотан на стены и сутки

припавшего, будто ребёнок,
совсем безымянного света,
в чьей мгле сотворенья лежишь ты,
а речью ещё не одета.

Не прах и не прочерк – светильник
в механике глаза беспечной –
ты видишь, как слово и имя
тебя начинают с предплечий,

и свет поднимается выше
природы своей непонятной,
над угольной крошкой и глыбой,
где спят слепота и котят.

Но ты ли разлом мой, Иона,
что тело моё из деталей
как мир, соберёт и не дрогнет,
как будка в сеанса начале?

-2-

В ките из кожи, снега и любви –
лежит прозрачный камень-лабиринт
чтоб говорить то свистом, то по Брайлю,
немую речь используя, как бинт.

Кит – это лунка, испытанье эха
от камня, что проглочен будто тьма –
так расширяется до голоса монетка,
когда достигнет своей жизни дна

так свет продет был сквозь его дыханье,
как человек чрез голоса свои,
и выдохнул вокруг себя пространство,
чтобы внутри его теперь поплыть.

Он нам отсюда камень вдруг напомнит,
и осветит круги, как лабиринт
внутри его иссиня-белой кожи,
что, как вода, намотана на винт.

-3-

Изображения размытое пятно,
что созревает там, где колос пасти
становится то облаком, а то
разрывом на воде и неба счастьем.

Кто плавает над облаком? кто там
стучит – как в жабры – в чаек барабаны?
Чей ты, челнок, всплывший воды, как
тот человек, что стал своим экраном.

Чьё жало раскрывается тобой
и вырастает в жалости к утробе
окаменевшей рыбы, где прибор
тьме говорит: пожалуйста, не трогай

кинопроектор, зверя, пустоту
в которую размотаны, как сети,
все эти смыслы, что держал во рту,
как смерть свою, которой не заметил.

КРУГИ

Когда колодцем станешь ты
и будешь так легко
внутри себя на всё смотреть –
на то, что далеко

по-птичьи с небом говорит
или горит внутри –
покажется, что это ты
в дыханья чудо вшит,

как ампулка в густой реке
и лодка на волне
земли, свернувшейся в руке,
как миновавший гнев –

гемоглобин твоей любви,
что развернулся в кровь
и – словно голубь – в ней летит
по кругу – вновь и вновь,

и плещется его вода –
жива пока мертва,
и строит города свои
из всплеска и песка.

Возьмёшь себя в свою ладонь,
как жажду, где спит дождь,
и – будто от весла круги –
ты по себе пойдёшь.

* * *

Пред ним здесь каждый одинок –
сиротский воротник
подняв. По воздуху плывёт,
как сон, его плавник,

его дыхание, его
дрожащий поплавок,
и чайка что поднимет ввысь
то небо, что легко

в своих разрывах, и в пальто
похожем на меня –
стоящего, как соловей
на животе огня,

в котором, скоро замолчав,
откину шкуру я –
теперь совсем не одинок,
как капелька дождя.

* * *

Синий порох снега, торопясь,
плавится в ладони – словно в выстрел –
пузырится жёлтоглазый язь
воздуха февральского и в быстрый

отблеск человека на лице –
будто след на пороже синицы
остаётся речью вдалеке,
если человек уже весь вышел

в выдох свой, и в синем, там, лежит,
спит и видит: порох, разгораясь,
указует птицу на реке,
там, где псиной речи не осталось.

* * *

Дирижёрский камешек подводный,
отплывающий от берега и сна,
где и он, когда-то невесомый,
двери ищет выдоха и дна,

набирает полной грудью стаи –
за водой плывущих – облаков,
он теперь, как музыка, латает
приближенье полых берегов,

распознав дыхание, как жженье,
камешек – как будто тот ожог –
достигает – видишь? – удлиняясь,
сна, в котором спит его полёт.

Он теперь совсем не погремушка,
не игрушка у воды и так
дирижирует, плывя – как будто щепка
у щенка из музыки в руках.

* * *

Так снег здесь переходит небо,
ступеньками там становясь,
где перевернутые воды
растут сквозь грязь
мою, густую и родную,
что стала кожей, речью и
лицом, что левою рукою
я отмываю до крови,
до этих вод, до плеска рыбы,
что поймана на смерти страх,
до слов, которым я поверю,
смолкая в прах.
Так нас ведут поодиночке
за снегом бубенцы из мглы
и протыкают света точки
зрачки зимы,
и кровь течёт по целлофану
когда-то бывшего лица,
и снег идёт навстречу снегу,
в лицо дыша.

СЛЕДЫ

Возлюби Господа, как будто он – человек:
утром встаёт с тобою – тебя из под век
рассматривает так, как будто воскрес он, и в первый раз
ощупывает мир, как одного из нас,
будто Господь твой – это юла. А ещё точней –
остаток её спирали, пружинка в часах, кукушонок в окне,
звук этот всегалдящий, молчание, темнота,
остающаяся после тебя, как окно, пустота,
место молитвы, стоящее на словах, циркуль из взгляда,
очеркивающего тебя, повторяющее тебя почти наизусть,
из тебя вырастающее в свой рай, как из почвы куст,
из куста – огонь, из огня – вода, из воды –
жажда второго, то есть воды следы.

Дмитрий Машарыгин
/Челябинск/

Рыбаки и дети

*

Две собаки едут на моторке.
Лес на берегу, черника, дождик
И под ним рыбак (и всё такое)
Всё стоит и рыбу ловит ловит

В чёрных сапогах и капюшоне.
Где-то чайка крикнет и исчезнет.
И всё станет также хорошо, как
Было и вот стало ещё легче.

*

За озером местами только лес.
И камыши на берегу. И утро.
Глядятся в воду. Легче, чем всё есть,
Вода преображает. Плывёт утка.

И скоро снег. И скоро встанет лёд.
Пойдут на санках рыбаки и дети
И не найдут ни берега, ни вот
Тебя и никого, кто был бы где-то

*

Запах снега происходит утром.
Все замёрзло, но душа привыкла.
Посреди небес стреляя в уток
Спит охотник, целясь чуть-чуть выше.

Что до остального - остального
Нет: под камнем озеро и только
Дерево в земле пошевелинется,
Женщина уснёт с мужчиной в поле

*

Тепло домов, идущих на меня.
Душа между домов стоит стоит.
Ей холодно. ей хочется огня
Совсем немного (разве может быть

Огонь, не доходящий до тепла?)
Свет мокрых окон всё стоит стоит
И плачет, улыбаясь из окна:
Как ждёт кого-то, кто не может быть.

*

Куда пойти бродить. Куда пойти.
Присядешь на пенёк за гаражами,
Заброшенными, улыбнёшься и
Возьмёшь воды у озера руками;

Поднимешь камень и положишь на
Землю - под пластмассовый стаканчик;
Нальёшь в него прозрачного вина;
Достанешь хлеб из правого кармана;

Посолишь солью и положишь на
Стаканчик - на пластмассовый стаканчик:
Положишь и оставишь для меня.
Польёшь цветы ну и слегка помянешь...

*

Вокруг леса и горы, и вода.
Дай мне, прости, чего-нибудь покушать
Из котелка, не снятого с костра.
А там уж день пройдёт. И станет лучше.

И пьяный слесарь ляжет просто спать.
И принесёт воды его жена из
Родника наутро - что ты, мать,
Мне принесла? Сядь, выпей лучше с
нами...

*

Вот время настало – как будто бы время прошло.
Рыбак рыбака видит затемно в зимнее утро.
Ещё не светает и не отпускает их лёд:
Все живы ещё – живы все потому что.

Я снег собираю руками, а он – он-то что?
Что делать ему, собирая в горстях мои руки,
Все в саже, как будто на льду разводили костёр,
Живой и так нужный

*

Низкие тучи. А будет зима или нет -
Мы ведь не знаем. Придёт ли на землю к нам снег.

Если представить тот холод без снега и льда,
Что нам останется, что нас согреет тогда?

Люди пойдут по лесам искать снег или лёд,
Как пионеры - какой-нибудь металллом.

Не принесут их в руках, потому что они
Сразу растают, став чем-то похожим на них,

Голых, как нежность лежащих под снегом холмов,
Где одно утро – всегда только утро одно,

Лёд на воде и беседуют там рыбаки
В чёрных палатках. Едят что-то. Лепят снежки...

*

И я смотрю на озеро в дожде.
Сажу на берегу, а там - деревья.
Немного их, но больше, чем людей.
У них одно и то же со мной время.

Когда я так сажу, вот так сажу,
Вот так смотрю на озеро всё утро,
То вспоминаю лёд на нём в снегу
И то, что живы все ещё как будто.

*

Снег на исчезающих угожьях.
Что на самом деле нам осталось.
Ходит улыбающийся голос:
Что ко мне ты, старая, пристала.

Не ходи по небу, успокойся.
Ничего там нет. Уйди, родная.
Мы ещё умрём, но не сегодня:
Нам сегодня умирать не
надо.

Константин Латыфич
/Самара/

Из «Песен воды»

Слова уст человеческих – глубокие воды.
(Притч 18, 4)

*

Песнь I

Я – вода. Я – всесветная, равная
всему. И пыль - забытая, давняя
в часах, чьё не слышно: тик- так,
и лист, что стреляет в небесную
синь, скреплю я ошую, одесную
силу их, и держу равновесие так.

Я сильна. Если солью отмечена,
не рассыплюсь. Раны залечены
мною. Всем скорбящим - платок
-рябь, с ней печали не пленницы
глаз. Храню купола и мельницы
я - над собой, где садится нырок.

Я везде. Сбираясь в пригоршни
оставляю в них след и от пашни
взборождённой сохой - на волах,
и в садах, где с красными - белые
яблоки, и где дожди а капелла и
с ветром - вторят эхом в Псалмах.

Я всегда. И в степи с легионами,
что к восходу шагают колоннами, -
катапульти на деревянных возах,
и вяжу я их всех - с тою эпохою,
где следят за капустницей лёгкою,
кто под Солнцем стоит на столпах.

Я разлита и в гласных дорических,
и в ледяных торосах арктических,
и в токкатах, чей звук ткёт облака.
В свирели для взморья Эгейского,
с всплеском баса гиперборейского,
я смиренна, где Дева седлает Быка.

Я меняю всё - и ритм, направления
русел, ландшафт, спасаю от трения
камни, и если я застыну, то скользя
фигурист, со мной чокаясь полозом,
в пируэт тело закрутит, и с образом
его так совпадая, и упасть не грозя.

Я меняю всех. Медленно в тёмную
воронку стремясь так, что донную
стынь чуют стопы, но бабтерфляй
потому и возможен, чтоб взлётами
стал богатым пловец - не тенётами
ему волны тогда, да и берег не край!

Я приму песок с глиной - взвесами
растворю, и укрою их с перстнями,
и амфорисками - едина им глубина,
и, как схлыну, чернеть антрацитами
они могут, сжигая то, что Коцитами
сковано, чтоб темнела волос седина.

Я пустые углы найду, все трещины
найду, заполню их, словно вещими
снами – спальни царские и закуток
за буфетом и за кассой - на станции -
в узкой комнате, где традесканции,
расширяя её, чтоб возгорался восток.

Я узнаю в них не залпы, не дымное
поле, а за ним как сторону тыльную
ладони – себя, и переменчив поток,

что меняет равноденствие осеннее
на весеннее, до самого Воскресения
он всегда пересошшему горлу глоток.

Я законы храню. И на поверхности
они, и в глубине, точку для верности
их не спеша, бросая песком на песок,
для песчинки любой по отдельности,
И кристаллы в ней, не ведая лености
шьют материю: за лоскутом лоскуток.

Я хранима. Знаю, берегом каменным
успокоюсь, красноречием пламенным
когда стану больше, чем полнит исток.
У него я верю, что берегом глиняным
соберутся весь сор, вся тина, ил, и нем
будет - к переправе пароходный гудок.

Песнь II

Соль моя – это средство от гордости
Чтоб стянула жестоко - до твёрдости
отражения, сковав их, но не навсегда.
Чтоб ожили, словно чащи солистами
птичьими, омыты донными, чистыми
родниками стали рощи, холмы, города.

В городах, как на фотокарточке давней,
что размыта, видно - хлопают ставней
во дворе под гитару. И глух стук мяча.
Он запущен ладонью так, что вольною
дугой над узкой тесьмой волейбольною
летит, чтобы достигнуть другого плеча.

Там в парадных светло, и размечены
все дороги мелкими там, и встречены
пароходы все, и все лайнеры и поезда.
И когда счёт лет месяцами, неделями
завершен, то полны - не асфоделями,
но астрами зрачки, где Ледяная Звезда

вморозила: вишни в стакане, рыбные
косяки в Океанах, сейнеры и дымные
поля, где почернела от взгляда трава.
От того, что с учётною книжностью
были долго горды неподвижностью
их в себе те, для кого светила – дрова.

Их холмы, что отмыты мной сызнова,
лишь страшат. Они знают, что истово
восходить на них - наказание, и вина
неизбежна и не искупима, что сытые
побеждают голодных, и что зарытые
в землю не встанут. Потому крутизна.

склонов не нужна тем, кто равнинами
только доволен, кто лёгкие не гимнами
наполняет, а куплетами, и знает до ста
лишь счёт, и что молчит от соли треска.
Что мешковиной, а не мёдом из вереска
пахнет тот папирус, где края нет у листа.

На холмах тех, что открою я, - гаммами
для них зазвучат грозowymi вигвамами
тучи, и смоят со щёк все обиды дожди.
И тогда моя соль это до с отголосками
ля, и, после си, - даже свежими досками -
не заглушить их, и не сказать: подожди

тому, что вольётся под веки остывшие:
островкам, словно льдинам поплывшим,
где шаманят с утра электричек свистки,
где сомов и лещей оживляю я в русле Ра,
где не жжёт лицо, но хранит ореол костра
где под сгнившей соломой крепки ростки.

Где уже никогда не уходят за край Земли,
отряхнув футболку свою, что была в пыли,
и чей зрачок широко в телескоп сплюдной

лепестком раскрывается, и как цветок росу собирает - блики на ребристой коре в лесу. И кивают в ответ, кто лес называл тюрьмой.

Так вырастают друга в друга кругами и до самых корней – лоза, которая в Туз Бордо обращает свет, и аорта, что ткёт капилляр и вену, намывая позвоночник, крепя ребро, и так воздух держит, как на полотне Коро ветви растят стволы, и шьют к ним гектар,

где костяк к костяку лежат в полный рост, и щебет, который во тьме им заводит дрозд слышат, как раньше над колыбелью песнь. Только они мои волны толкают, и на весу возле Ковша впадая - в медведя или лису.. Их и коров – с луга заводят под свою сень.

И тогда соль падает в тело каждого, не губя а храня его тем, что ведаёт оно, как беребя ветер волосы, - при шторме бросает в дрожь. И потому, чавкая в глине и хлюпя по грязи, узнало, что не только ими, как его ни срази, а полем станет, где зеленеет сорняк и рожь.

Песнь III

Горечь вод - это линза для глаз, что незрячие, если слезой не промыты до дна. Им горячие травы в степях тогда различимы, и ясен узор горицвета и ферулы жёлтой. И всё зодчество Солнца чтоб раскрылось, как имя и отчество в гордой памяти долгой, и тем, сжигая, как сор

всё, что кости – в головешки чуть тлеющие обращала, над которыми заходят на бреющем птеродактили. Этот дым им кривит фюзеляж. Где на озере лёд. И в корне сонной артерии, где не спят ни волчица, ни лев. Они прерии с кровью мешают, чтоб сердце гоняло купаж,

и так тёрло усердно его, как огниво кремнёвое, до вспышки, что белые избы, плетень, понёвы и жнивье высветит слева и справа, чтобы за грань их смотреть, и видеть – оно, в такт с пульсарами, повторяет то фокстрот, то марш с комиссарами, звуки в узел свивая, и далее - кружевом в скань

заплетая всё, что в букву согласную просится, и расплетая, что гласной, как ветром, уносится, в точке - смерть свою ждёт, поворот - в запятой и в тире, где скользит, и благоденствия в паузе не ждёт, но тем обретает его, открывая жалюзи все, и впускает в себя, что цементною немотой

на кадык давило, и правило в ровные линии все тропинки в лесу; кривят в глазах ливни и молнии их, если, с болью, разбужены мной. И тогда пейзаж, что мертвил, и гладкостью прессовал во фразы, которые с краткостью приказа, жгли углём, словно давней виной,

оживает со всплеском и лёгким шуршанием первой мги по фасаду, и в арках - ветшанием они сдвинули вкось: окна, лепнину, карниз. Но, со вдохом, растут и растут полукружия лиц вокруг. И, ступив на замерзшие лужи и грунт, веришь, что больше - не падает вниз

камень подброшенный. И вверх за листьями слова воспарят, что, словно норами лисьими, пролетали через страхи ночные, сквозь сны... Ими наполнились до самых краёв с переливами, чтобы цветом насытились груши со сливами. К пальцам почки клеились, с началом весны.

И когда я вольюсь, обжигая, словно перекись, в ветви лип и дубов, то продолжится перепись их ветрами по кронам, и, вдоль сомкнутых век

легкой тенью, как от дыма, сквозят очертания
калитки открытой, веранды, и знак вычитания
там между чисел в тетради - им всем – оберег!
С ними - пар, что копился от каждого выдоха,
и бахрому шил изморозью - до самого вывиха
горла - в Тёмной Туманности на красной трубе,
станет градом, как слогом, и кладка кирпичная
стен зубчатых, и там, где проходная фабричная,
в пыль раскрошатся, чтоб снова на тёплой губе

вкус от малины с куста, что игла патефонная
звук, по долгому кругу - с центра плафона и
лампы внутри него, опять разгоняли, как встарь:
шум эфира в «Спидоле», и, в такт с курантами,
бой домашних часов, с воробьиными кантами*
они льют септаккорды тому, кто читает букварь.

И тогда одно междометье - отменяет прощание
со смородиной белой. И в вазе цветы - обещание:
«Шмель раскрутит спираль, поднимая стрекоз!»
И в этом стрёкоте крыл – узнают перекрестные
трепетания звёзд, между которыми свёрстаны:
лучник - в поле и хуторянин - на пастбище коз.

И поэтому верят - всегда скрепляю приливами
и отливами я - те берега, где чернеют оливами
рощи, и те, где орланы когтями царапают мхи.
И поэтому, себе оставляя - судьбу соглядая,
знаю, со мною,- тверда на плуге рука у оратая,
и дорогу средь скал найдут в темноте пастухи.

Песнь IV

Холод мой да взбодрит! И не будут остужен
до крови густой, кто мной в купели разбужен!
В ней не лёд, но огонь, что собирают в горсти,
чтобы вниз, с верхушки лба, продлился блик
от первой звезды и в овале лица проявился лик,
и был виден в буране косом, и не стыл в кости.

Чтоб, на две части разъятые, сходились в нём:
буква со звуком своим, и тем расширили окоём
для него, куда стянёт, на зов их, белея, степь:
копя, что рысью тащит санный сенажный воз,
мышь, возле павшего колоса, где наст промёрз,
ворону и, за тальником дальним, глухую крепь.

И, взлетевшую, ухая, над лесной колеёй, сову,
и, под безмолвным куполом, точную тетиву
для Стрелы, что когда то Геракл пускал в орла, *
да излучину под матовым отсветом от Луны,
что не пускает в сны - веером летящие белены
семена, да фонарик, что полукружим край угла

сарая высветил, рядом с ним,- протектора след,
и след валенок без галош; и санки - на них плед
наброшен; голубя, который с крыши наискосок
за кормом спустился; коты, что этой ночью смел;
школу напротив, где днём с ладони стирает мел,
ученик, и ограду в инее, за которой залит коток.

И тогда для него все звуки, все слоги открыты.
Они в шапках и лыжах, что в сугробы зарыты
наполовину, но теплеет на солнце лёгкий изгиб.
В обжигающем чае, который с чашки от термоса
стекает на пальцы; в кроссворде, что для демоса
в электричке – пазл. Он шивает порошу и гриб

на клеёнке - новым летом из леса у Подпорожья,
где неистов комар и донной струею до дрожи я
освежаю озёрных: уклеяку, ерша, леща и плотву.
Их неслышный ход у песчаного дна ребристого
и негромкий всплеск, с кругами до каменистого
берега. Рядом, вверх лицом, удерживаю на плаву

я того, кто лежит на спине, и с тенью плывущую
от облаков - по бровям и подбородку, - зовущую
к себе - синь откроет, словно квартиру ключом.
И в неё уходящих стрижей; верхушки ольховые,

лай дворняг, трубы над дачами, ковры лопуховые
у заборов, тропинку, где стоит, подпирая плечом

калитку,- пастух, щипая подсолнух, шутя хлопая
кнутом, чтоб коровы, пыля по грунтовке и топая,
ускоряли свой ход за околицу - на заливные луга.
И по ней же, под вечер, идут, громыхая бидонами
(когда велосипедист воздух стрижёт перезвонами)
с фермы доярки. Они за спиной оставляют стога,

что, под ветром, как большие ночные шахматы
против дальних берёз, с беззвучным: Бах - и ты!
так друг с другом свою партию играют вничью,
выдвигая в защиту - листья крапивы ворсистые,
борщевика зонты белые. Над ними - голосистые
курские - трелью разбудят собак и вторят ручью.

И вместе с ними я - ввысь отражаю их волнами!
Со мною, да вдохнут они, и становятся полными
глаза(что на сосны глядят и на тропинки окрест)
- садами, где и в плодах зрим огонь Сасанидами;
половодьем, что разлило от звёзд, и пирамидами
направляется в пойму; и возгласом: «Я – Орест»

на ступени горы, с лёгким эхом, и там зашитые
нитьями веки - за всех уронят слезу, за испытые
чаши их, тогда глубина равна высоте, и без дна
Океан для того, кто бодр и, уже не завистливо,
к уходящим вверх и вперёд, спокойно и истово
способен вступить на меня. И так любая стена

обернётся лишь створкой, что вдруг от касания
отворится, и сразу Борей - тучи, вне расписания,
гонит на грудь, и в ней сшивают бураны версту
и сердце, чей стук вершит порученье несрочное
с полустанков - поездов громыханье полночное
разгоня по лесу, степям, туннелям и по мосту.

* Созвездие Стрелы, по легенде, связано со стрелой, которую Геракл пускал,
чтобы убить Орла, клевавшего печень Прометея.

Сергей Ивкин
/Екатеринбург/

Явная доктрина

*

Явная доктрина

*Хмуря брови,
говорит мне Абам:
Человек приходит из крови.
Обёртывает кровь свою
в полотнища красоты,
разматывает и протирает одежды,
множит стыд
и,
выпустив свою кровь,
утекает в её глубины.*

*Обращаясь ко мне, словно к сыну,
говорит мне Дохау:
Жизнь – это дыхание.
Мёртвые ныне там, где воздуха нет.
А без воздуха не взлететь.
Только падать.*

*Посмотрев на меня, как на падлу,
говорит мне Зоран:
Любовь – это указание.
Мы рождены для помощи Богу.
И любовь нам напоминает,
когда мы Ему нужны.*

Говорит не познавший жены

Билос:

Грех, Черта, Закон, Честь –
буквы, которыми ангелы здесь
пользуются, ведая
друг другу свои печали.

Я отвечаю:

Ангелы похожи на рыб,
плывущих сквозь безвоздушный густой
чёрный кисель космоса косяком.

На стеллеровых коров,
не замечающих мёртвых.

Мёртвые слишком малы для них,
что пыльца.

Песня коров поднимает кольца,
и внутри кольца
носятся бессчётные орды.

У каждого мёртвого два пути:
встроиться в музыку ангельских голосов, пройти
через поток, прорваться обратно в плоть,
в соитие, в чере-
во,

либо впиваться в шкуру ангела, словно червь,
покрыть копошащейся коркой
толстую кожу межзвёздных стад,
множить свой ад.

Посмертно не встречу близких, но если я пронесу
вкус любви, не смешаюсь с прочими, что сосут
ангельский жир,
сохранится чутьё на звук,
смысл возвращения в миражи,
стану жив.

Абам говорит мне:

Плоть – этот сосуд.

Дохау говорит: Поэзия
разрушает сердце.

Зоран говорит: Профессия –
это забытьё.

Билос говорит: Право –
это характер.

Я отвечаю:

Это всё не моё.

Я говорю им:

Границы нет.

Двери всюду.

Музыка – это свет

для пыльцы, кружащейся вокруг плывущих коров.

Душа незряча, но чует вибрацию,

из ковров

копошащихся

поднимается вверх

на родственный звук.

У живых есть уши, глаза, язык, нос,

кожа, по паре ног и рук,

органы для страсти,

что-то ещё внутри...

Мёртвые чувствуют только ритм,

всевозможные унца-унца.

Счастье здесь.

И закон один:

подарить возможность

вернуться.

Тенсона Первый голос:

– Никто не ищет истины. Глаза
любого существа глядят из тела,
которое среда облобызать
до содроганья мерзкого успела.
И чтоб от поцелуя защитить
подёрнутую ржавчиною щёку,

мы выпираем острия щетин
и терпеливо закрываем око.

Второй голос:

– Смешная, всё же, рыба – человек:
выпрыгивает из прибрежной пены
и бьётся на коричневой траве,
от боли загибаясь постепенно.
Случается, заметишь на бегу:
и эта рыба может быть счастливой,
когда она лежит на берегу
в невольном ожидании прилива.

Книга дождя

Светлой памяти Евгения Туренко

В предисловие ливня шагнёшь в натирающих бутах
и пойдёшь сквозь страницы шуршащих под ветром кварталов.
Даже в мускулы воздуха мокрым лицом не уткнуться,
если майское детство пропахло нагретым металлом.
С тополиных рубашек летят, словно лацканы, ветви и ветви,
и от пыльной отары машины прижались к бордюрам.
Задираются майки, шевелятся деньги в конверте
и незримые черти пронесутся по шевелюрам.

Несуветно толпиться под пластиком на остановке,
ожидая прихода трамвая, как Будды Майтрея.
Небо рухнуло оземь. Сегодня ты – божья коровка.
Никуда не лети. Всё само получилось хитрее:
новый мир вертикальной воды и пузырчатой тверди
и тебя исказит, начиная с предчувствия чуда.
Вместо бледной нимфеи раскроется в левом предсердии
золотая кувшинка – и нихт её вынешь оттуда.

Вот и в книге дождя пять страниц примечаний озона;
зазевавшись на радугу, не прочитаешь подвоха:

существующих лёгких не хватит для диапазона
атмосферы, звенящей хрустальной, чем ангельский хохот.
Опоздавшие капли собрали прощальную нежность,
на бегу (без объятий) ладошкой к щеке примагнитятся.
На последней странице, напитанной солнцем, конечно,
сам себе улыбнёшься, развилки не встретивший витязь.

* * *

Что видел я, раскрыв твою ладонь,
как поддевают раковину клада?
То шестилапый голубой огонь,
то маленького бога без оклада,
то сплюсненную копию «Арго».

Я говорил тебе: Смотри, гребцы
напрасно вёсла опускают в кожу,
поскольку шкуры золотой овцы
среди твоих сокровищ нет. «Серёжа, –
ты отвечала: – Не обмолвись, цыц.

Не будет ни предательств, ни клыков,
Медея сыновей не обескровит:
плыть в никуда окажется легко,
с двойной мечтой о женщинах и крове».

Кораблик отпустили в молоко.

Плавание

Александр Павлову

от перемены мест
суммируется жажда
всего что не добрал
от перемены мест
почуяв норд-норд-вест
в начале чаял каждый
схватить себе добра
сыграв запретный квест

но вывернут баул
внехоженную скатерть
и проглотив протест
сквозь пальцы видишь ты
медлительных акул
и белоснежных скатов
низвергнутых с небес
в разинутые рты

гонимые тоской
мы вышли за пределы
фантазии отцов
и страха матерей
сияющий эскорт
сиятельного тела
несли ему лицо
над гривами зверей

по замыслу Творца
и по причине пьянства
забыт державный шаг
открыты двери в клуб
где выложил в сердцах
наличку оборванцу
и слушал не дышал
рэгтайм фригидных труб

в конце любой тропы
пусть даже будет пристань
охотничий азарт
спекается в понты
и проще всё забыть
как будто бы туристом
ты переплыл свой ад
и это был не ты

* * *

*...всматриваясь в Бардо Тхёдол
Вадим Балабан*

выскребаю отчаянье из волос
словно грязь или мелкие камни

побежала по стенам изморозь
ногти стали зеркальны

над кастрюлей бельё выгibaldi в жгут
эти белые слёзы помню

словно тысячи язвочек кожу жгут
никого не позвать на помощь

через мутные стёкла аэропорта
плавниками бью рыбкой гуппи

словно в ужасах нет никакого рта
то есть наглядко смыло губы

это если бы сам по себе квадрат
искривиться пытался в шар бы

если только жабры себе продрать
чем угодно хотя бы жабры

Письма из Вавилона

-1-

Ты замечала? хронометры в доме спешат.
Я протираю на полках стеклянных мышат
и нахожу твои баночки, тубики, спреи.
47 раз я сегодня смотрел на закат.
Фазы луны за окном поменяли скорее.

-2-

Дом без тебя, словно книга без первых страниц:
нет жалюзи, заводные машинки мокриц,
чистых рубашек висит не разобранный конструктор,
в твоем с надписью «Мёд» отсырел рафинад
и на столе дозревают квадратные фрукты.

-3-

Я по ночам слышу пение с кухни, когда
я остаюсь в одиночестве. Выйдешь: вода
точит ножи (метроном подростковой обиды).
Из недосказанных фраз я сложил реферат:
твой Гераклит убедил моего Парменида.

-4-

В день, когда мы заказали в «узбечке» долму,
я произнёс, отложив кулинарный талмуд:
я бы хотел этой жизни остаток с тобою...
Не возвели на одном языке зиккурат
(впрочем, название можно поставить любое).

-5-

Как ни крути – моя жизнь превращается в шар.
Ты береги себя там, дорогая Иштар,
в лязге и дрязгах газонокосилки оркестра.
Да сохраняют твою музыку Тигр и Евфрат –
на берегах для неё не оставили места.

Алексей Миронов
/Нижний Тагил/

Где выше воздуха вода

Сурок разбивает лед

Молчат, как сурок об лед,
еловые города.
В них вроде бы все течет.
В них только беда – беда.

Их столько прошло на свет,
на выверт и на шумы.
«И нашего неба нет», –
сурок шебуршит из тьмы.

Все прописью решено,
прошито по всем углам.
Еловые города
напоминают нам

о том, как прозрачен дым
с другой стороны воды,
о том, что и мы – не мы
с другой стороны беда.

* * *

Ты помнишь тот аквариум домашний,
простор супрематической воды,
в котором все подвижное неслышно,
в котором все течет: туды-сюды;

в котором пахнет свежими цветами,
офелиями снежными, как дым?..
И если Бог кого-нибудь прощает,
Он там светает все: тудым-сюдым.

* * *

и ты говоришь: Валерик : и не ты
и нового года подмостки
еловым настоем густой темноты
раскинули звездные блески

и ты говоришь: Валерик : и не ты
и нового горя открытки
уже распластали небесный язык
на поводы и на убытки

и ты говоришь: Валерик : и не ты
и сумерки нового бога
теперь восстают и мрачнеют увы
на все варианты исхода

а ты говоришь: Валерик : но не ты
печалуешь северный полюс
где пульс ежевеет сквозь толщу воды
где нового мрака по пояс

со мною молчит Валерик ледяной
волною ковчег укрывая
ты к новому Ною плывешь по прямой
а мой Валерик переполнен зимой
до самого смертного края

* * *

какие запахи в начале
сырого леса посреди
глубокомысленной печали
сегодня вечером не жди

стоит здоровая погода
и говорит с тобой на ты
о том что тени небосвода
тобою ныне заняты

и вот ты умер вот ты умер
в конце концов не навсегда
сырого леса посредине
где выше воздуха вода

* * *

в твоих широтах тонут корабли
и звуки рассыпаются на ноты
а время говорит повремени
и угадай на самом деле кто ты

в твоих теплотах колокольчик темноты
вибрирует всей полостью кромешной
и замирая падают в кусты
густые капельки мои

подлунной и подсвешной
не различая тяжести
тепла и полукруглой влаги первородной
где в шторах ночь живет
светлым светла светлым светла
а притворяется уснувшей и холодной

нам кажется она темным темна
подушка шепчет на ухо об этом
с обратной стороны глазного дна
пропитанная музыкой и светом

там дочь моя из влажных берегов
зовет меня во снах повеселиться
там нарастает замысел кругов
и через край не забывает литься
на наши невесомые тела
в которых мы глотаем друг из друга
кусочки света отпрыски тепла

* Валерик – река смерти

лишенные пожизненно испуга
мы остаемся в этой теплоте
на этой широте тонуть в обнимку
и ночь забыв о нашей нагоде
перевернет нас медленно на спинку

мир в погружении рыбов

И когда Господь меня спросит: зачем ты мутил эту воду
И зачем тебе это надо было, уроду,
Я отвечу о рыбах невнятных и замолчу,
В заповедный запах склонившись, к самому ко плечу...
В сон уходя к травяному дну...

мир в погружении рыбов,
огромных рыбов, которые несут на себе дома,
мирных рыбов, спи.
спи, мой остров осознанных и ведомых,
по течению межевому кораблей в ночи и из ночи,
спи, пока смерть не разучит нас очень
из вечера в вечер.
рыбов как по нотам читаем и помним, как отче,
таких, что очи пропускают в стекла сверху свет поплавок.
рыбов нужды и печали и проч. а прочих нет,
что ни живцом, ни приманкой не будут мутить воды.
гладь мирных рыбов, останки их, спи,
помнишь, что утро предложит тебе беды,
словом злак на завтрак пополдничает и вперед
говорить, кто живее первее кто позади замрет.
лягут на дно, словно слоем того мезозоя,
из которого вся эвридика и сделана и снята
с невесомой удочки. со снежинкой у места рта
невредимая выйдешь из вод и будешь в руках светать...
и не помнишь меня такого, каким бы я мог летать.
спите, рыбов моей души до рассвета ждать.
спите, воды. и дайте и мне поспать.

Игорь Силантьев
/Новосибирск/

Домашнее задание по водоотведению

* * *

Глядя в мои красные глаза,
Ты думаешь обо мне, ну вот,
Опять он вечером перебрал.
И я бы рад согласиться, но
Золотым шевеля плавником,
Я как рыба молчу в ответ
И на твой змеиный хвост
Из аквариума своего гляжу.
Милая, между нами стекло.
И за моим стеклом вода.
А в террариуме твоём
За стеклом не вода, песок.

* * *

Я поставил на стол стакан, полный воды.
Потом потянулся открыть вечернее окно,
Но запутался в шторе и стал ее поправлять,
И при этом задел и опрокинул стакан.
Вот он округло лежит на граненом боку.
Вода по пустому столу вся разлилась
И на пол сбегает. Емкий стекольный звон
Сменился дробью капель и веером брызг.
И вместо того, чтобы все это сразу убрать,
Я распахиваю настезь окно и снова сажусь
За мокрый стол. А небо уходит в закат,
Отвечая стеклу тонким и ровным лучом.

И разлитая вода забирает упавший свет.
Но все же немного неба достается и мне.
А много не нужно. И в следующий момент
Возникает новая странная острая связь.
Возникает сцепление несоразмерных частей.
Это, собственно, я, и свет, взятый водой,
И особенный тонкий путь, ведущий поверх
Почти зашедшего солнца. И я уже там.
Понемногу уходит в зелень закатная медь.
Сгустившийся воздух мне холодит лицо.
И я еще здесь. С кухонной тряпкой в руке
Я тщательно, насухо вытираю мокрый стол,
А потом убираю стакан в посудный шкаф.
Я все еще здесь, среди привычных вещей.

* * *

Август. Всю ночь лил дождь.
И лес парит на рассвете.
Тропинки пропали в лужах.

Спасаясь от слоистой воды,
Заползла на упавшую ветку
Гусеница зеленобокая.

Омолодевшие травы вокруг
Переживают обилие влаги.
Притихли грибы на опушке.

Открылась земная дуга.
Идти по ней нужно прямо.
До нижнего края света.

Туда, где потоки дождей
Собирают последнюю реку.
Ступишь в нее – не вернешься.

Унесешь это утро в глазах.
Этот лес сырой, этот август,
Черноствольные эти сосны.

Ты лучше останься здесь.
Вот как гусеница. Пережди.

* * *

Что-то снег на плечи ложится больно тяжелый.
Уже больно душе от ненужной холодной ноши.
Что-то небо свинцом придавило белёсые тучи
И запутало ими верхушки прибрежного леса.
И под тяжестью неба лед из-под ног уходит,
Отворяя не сразу густые и темные воды.
Как же быть мне теперь? Лед не дает ответа.
Опрокидываясь, замыкает ловушку сверху.
Этот снег на плечах увлекает меня в морок.
Он тяжелый, ненужный, я сброшу его скоро.
И зовут глубинные, тянут меня потоки,
Неотрывные будто женские взоры и руки.

Только пусто на дне, и я упираюсь ногами
В оставленный берег и тело оставляют боли.
И держусь я одной рукой за донные гряды,
А другой нащупываю берег потусторонний.
То ли змей водяной, то ли гад я теперь подводный,
Обнимаю проемы, в последние ложусь распады.
То ли взгляды меня, то ли руки чьи-то находят,
В неразрывные меня объятия принимают.
И влекут, влекут в незнаемую темную ласку.
И стремнина несет, несет меня в неизбежность.
От свободы непознанной дух, будто тело, ломит.
И страх наконец-то, страх ушел навсегда.

* * *

Я перекрестился трижды
На церковь и колокольню.
А потом на всякий случай
На водонапорную башню.
Чтобы вода шла.
А Ты меня, Бог под крестами, прости.
Я много читал жития и знаю –
Преподобные натворили чудес,

Свидетельствуя Твоей истинной вере.
Но чтобы вода шла,
Водокачка должна разливаться
Венецианским фонтаном.
Поэтому, Боже, прости меня,
И не закручивай кран,
Из которого выходит вода.
Пусть святая, пусть простая.

Евгения Изварина
/Екатеринбург/

По краю

* * *

«Нас было много на челне...»
(А. Пушкин)

В той лодке... - помнишь, поутру,
как из ладоней на ветру,
из ностальгии –
нас было много, пьющих дрожь:
одни исчезли (ну и что ж),
другие
во сне касанье, как весло,
нашли – но больше повезло
находке:
волна не рада ли была,
что ей – ни блага, ни угла
в той лодке?..

* * *

Медно-лиловое спросонок,
ревнует море рыбака.

Вот – небо трогает ребёнка,
вот – спрашивает старика
земля: светило и темница,
сухого ядрышка магнит:

- Когда же сердце исцелится?
Когда же море отшумит?

* * *

Сукно в витринах запотевших
аршином скрадывало мили,
и пахло снегом от нездешних,
как будто обшлага хранили
немного музыки в изгибах:
начало сна,
конец беседам...

Грядущее –
глоток и выдох,
вино, приправленное снегом.

* * *

капли падали

по звуку
над окном бесприданницы
слепой ангел протянул руку

сколько
сквозь его пальцы
в шапку голодного на вокзале
пересыпано слов-колосьев
земля верит
а небо знает

вода
берёт и уносит

* * *

в русле
или в листве
не было никогда
чтобы о чём-то не
догадывалась вода

откладывалась зима
ровно на полчаса

чтобы вода взяла
на себя голоса

мерой разрыв-зерна
лезвенного овса

* * *

...чтоб лодка выплыла в окно –
не открывай глаза, но ты

откроешь:

рядом - никого,
ещё в железные кнуты
река сплетает донный ил,
ещё глядит через неё –
кто был и сплыл, и позабыл
весло.

Теперь оно – твоё.

* * *

...по краю, не скрою – свой ветер и ангел свой:
отпускают руку, «Сама, - говорят, - сама...»
Приморское имя проступит ещё, как соль;
вода омывала,
рванула
и понесла
колосья и вёсла, строительные леса,
сквозь по базарам - сирень, молоко, табак,
кисейные недра, лоскутные голоса,

и нет за листвой послания –
пусть уж так...

Наталья Хмелёва
/Дюссельдорф/

Дунаида

* * *

Кто сказал, что идол не может пасть,
истлевая, рухнуть в слепую пасть
твоего уюта?
И глядясь в ручей, Нарцисс обнаружил рыб
косяки, стеклянные их зрачки
леденцовых глаз исследовали миры.
Ни в одном из них румянец его щеки
не нашёл приюта.
Каково узнать, что всё состоит из рыб:
отражайся в глади вод, не души порыв,
познавай себя в движении,
им окутав
то ли всё кругом,
а то ли себя на треть -
ту, которая стоит, упираясь в твердь
золотого утра...

* * *

Было задано на дом:
забыть, что такое дом;
обнаружиться новым центром
несводимого вместе целого:
лесостепь, суховей, миражи, горение
трав по мере
того, как мы им подобны,

мы – все они;
укрепиться в себе и вере;
стать весенним
рассыпающимся
прозрачным и тонким льдом,
ухватить горбушку воздуха синим ртом
и лежать – не спать
в сыром прошлогоднем сене,
обнимая жизнь, не вписанную в потом.

* * *

Когда отовсюду безудержно льёт,
гляди, как вода превращается в лёд,
и время идёт, полумесяц растёт –
а ты вне сует становления.
И, будто по пояс в хрустальной воде,
касаюсь тебя, обнаружив предел
того, что витало в резной темноте
над нами как благословение.
Под лунным лучом танцевала листва,
и тени плясали живые, едва
едва понимая причину родства
с углями, камином, поленьями.
И в белой сорочке, дороги длинней,
я встала в большом и тревожном окне,
как будто лететь предстояло, а мне
хотелось не слыть привидением.

Дунаида

Что за странная прихоть – свобода расти,
начинаться в Шварцвальде Дунаем,
и неспешно, по-царски к Одессе брести
мимо милых австрийских окраин.
Дунаида – не путь и не мать, а судьба:
от буджакских степей и до Брига
вдоль извилистой жизни пекутся хлеба
и хранится в мешочках гвоздика.

Я была здесь недавно, и вверх по реке
до рождения, против течений
я плыла, как плывёт пассажир – налегке,
предаваясь разнузданной лени.
Но впуская под веки текучие сны,
и, танцуя в воде невесомо,
было странно не знать ни волны, ни вины,
ни своей преходящей основы.
А потом, задыхаясь, бороться за вдох,
унаследовав имя и время.
Это был мой ожог, настоящий ожог
предстоящего перерождения.

* * *

Кругом вода, одна вода
и мы в ней дома, словно рыбы..
Не ты ли эти холода
лучами ломкими рассыпал,
и остаётся: вглубь уйти –
но будто цельным, а не сирым –
и скользкой кожей ощутить
отсутствие границы с миром.
И тем трудней найти слова,
чем явь теплее в нас живая.
Проснись. Вокруг - ни существа,
ни ада, ни Земли, ни рая.

Окно

Уснёшь, проснёшься в новом теле –
уйдет усталость без следа.
Гляди: случайных превращений
нечаянная череда
заставит вдумчивей проститься,
и кто-то новый соберет
свой сон по буквам и по лицам,
себя не зная наперёд.

Не оттого ли так неловко
пугать словами тишину,
что Рейн бездомной полукровкой
переливается в весну,
и гонит ветер яснокрылый,
тревожа тюлевый узор,
меня в окно, чтобы накрыло,
и унесло, и – не спасло.

* * *

Она как дым стояла в колыбели,
наполненной водою до краёв,
и рыбы подплывали – и робели –
к коленям, возмутившим водоём.
И пробовали поры её тела,
глядя в упор, ища какой-то корм,
но больше ничего не разглядели,
помимо этих двух подводных гор.
И крик сдержав, она в подушку вжалась:
– как много мной не сделано добра! –
Живое серебро в воде рождалось,
и мир вокруг дрожал от серебра.
Одна чешуйка, взятая на палец,
поведала, что дева деве рознь.
И тем зловещей полночь для красавиц,
чем больше не успелось, не сбылось...

Изяслав Винтерман
/Иерусалим, Израиль/

Терменвокс

* * *

И море открывает рот,
как на приеме у зубного.
А нас несет водоворот
подальше от всего земного.
И ходят волны-желваки,
до неба острый подбородок.
И скоро поплывут венки
по морю – для людей и лодок.

* * *

А волны бегут – их навстречу из мрака толкает гексаметр.
И волны бегут пятистопной стопою.
Припомни, как ты опоздал, перед сивкой железною замер
и ловишь в цепочке окón остров Крым – он остался с тобою.

И вот ты считаешь в уме все долги, все часы, километры.
Оброс серебристой от слов бороною.
Киоск «Газ-Вода» у подножья торгует совсем не водою.
Седой парикмахер купил его, смотрит на бобрик Ай-Петри.

ТЕРМЕНВОКС

Дождь размолот в чистейшую пыль,
чутким ворсом ложится на окна.
Утра бог его благословил
и очистил разрядами тока.

Ток выходит еще из меня
напрягаясь до пагубной риски.
И натянуты так времена,
что повсюду разрывы и брызги.

Все ворсинки поют высоко
светлокожим пушком в ярком свете.
Сквозь двойное колдует стекло –
ночь, и в каплях-кристалликах – ветер.

Надо пыли собраться в слова,
в свет, крутящий пластинкою окна.
До утра напевать, целовать
невидимкой живые волокна –

жизнь, обретшую форму тебя,
исчезающей радостной муки.
Оставляя на каплях дождя
треск, и шорох, и чистые звуки.

* * *

Два раза мне приснились строки,
горящие в своем огне.
Все изменения жестоки,
боль всё еще приносят мне.

Пустынные отступят воды,
без упоенья круг небес.
Но загорятся буквы ввода
в забытый инте-интерес –

в небытие очнутся строчки,
заплещется пустыня вдруг.
И заиграется с песочком
волна, наматывая круг...

Смолчат пустыни злые воды,
но заворчат во тьме пески.
Придут на берег скотоводы
для обсуждения тоски.

* * *

Это запись на ливне, на струях,
на колесах, застрявших в грязи,
о гремящих веках и кастрюлях,
пользе дела и страхе грозы.

Это черный оркестр и лиловый
всем играет, что поздно искать
свой оттаявший смысл и ледовый.
И пора бы давно перестать.

Продолжения нет у историй.
Вбито дерево жизни в меня.
Дождь идет, как проносится скорый,
что хотел проскочить дотемна.

Ждешь что дальше, ласкаешь словечки,
прячешь мятной слюной под язык...
Это запись на холоде речки,
водке, ласточках с желтой Янцзы.

* * *

Ажурное течение темных вод,
чередование дерганий и пауз.
Так едет поезд наш или плывет? –
Он на мосту, мост над рекою – парус.

Ни яблочек на станции купить,
ни семечек в кулечке из газеты.
И реющая птица будто спит,
укачиваясь воздухом нагретым.

Но это только кажется, что взмах, –
отступит ширь; гнездо – подать рукою...
А если нет? А если это страх
растягивает небо над рекою?

* * *

У фараона страх – не нальется Нил
и не наполнит страстью между коленей.
Утро совпало с праздником лучших сил,
дарящих свет, струящийся без волнений

за поворот событий, где все умрут
то ли от черной оспы и прочей язвы,
то ли от времени, резвого, словно ртуть,
то ли от бога, который иначе назван.

Но фараон не стар и еще вполне
может без помощи сам с собою сражаться.
Дав неленивой себя обласкать волне,
не волноваться и многим распоряжаться.

В день, когда, несмотря на страх, разольется Нил
и выйдет из берегов, как чужое войско,
жизни сметая в желтый пылающий ил,
плавающий на солнце не хуже воска,

он и прошепчет Нилу про свой недуг,
Солнцу, падающему на песчаную крышу.
И тенью на лицах колонн промелькнет испуг,
и скарабеи забьются в дальнюю нишу.

ДИПТИХ

-1-

Есть у нас дождик московский,
резкий, когда моросит.
Город светящийся, жесткий
диск на мгновенье висит

на волосках нервной ткани.
Светом пульсирует кровь.
Время в граненом стакане.
Грани играют любовь

к речи пронизанной ртутью –
столбиком до сорока;
к речке – земли перепутью,
слишком земля широка;

к жизни – сухой или влажной
с вечной привязкой к местам.
Мир умирал, и не важно
что я сказал ему там,

что наливал ему – пили,
строчки какие читал.
...Если меня не любили,
значит, я сам перестал.

-2-

Жизнь обрастает сентябрем.
Опущен, как в театре, занавес.
Он пылен, из него бьет гром,
он поднимается – всё заново.

Так действием заправляет Зевс!
И протекает жизнь культурная.
И слезы натуральны здесь,
а кровью – ленточка пурпурная.

Пусть нету связей смысловых
у времени для каждой мелочи,
но бьются тысячи живых
в сетях дождя, плыть не умеючи,

сказать по делу, попросить,
поклестись жизнью! Третий занавес.
Московский дождик моросит:
что, мол, никто не держит зла на вас...

* * *

Дождь меряет температуру
осевшим башням и мостам.
Живую с мертвою натуру
разводит по своим местам.

И мы схватились бы за воду,
не будь небес, не будь земли.
Назло короткому заводу
и дождь идет, и мы бы шли

спасением от лихорадки,
горячки и разбитых снов.
От лба отскакивают прядки
и тело прочь из берегов.

Нам рано расставаться снова
и больно продолжать вдвоем.
Но никому, поверь на слово,
мы больше не нужны живьем.

* * *

С двух сторон реки должна быть пристань.
Медленным течением воды
тянется кораблик – там туристов триста.
Речка и течет: туды-сюды.
Где же Леонид наш, Леонидас? –
Бросил всё? Цветущие сады?
Сине-черных глаз огонь его не выдаст,
вспыхивающий от речной слюды.

Катер едет – (говорят и так и эдак) –
и плывет по сгибам мятой дном фольги.
Он скрипит, дрожит, не оставляя следа,
но врезаясь в сердце глубоко. Не лги –
не был ты там и не видел, недо-
слышал: с корабля кричали, ты кричал.
Солнце талое, неяркое, как после обеда,
полное затмение, и вздыбленный причал.

* * *

Огонь подул, и воды разошлись.
И джентльмен, что из фонтана вылез
(куда в отместку брошен), хитрый лис,
но путь его был долог и извилист.
Всё по порядку! Но порядок здесь
нарушен, так – с конца и без порядка.
Тогда слова – разбавленная смесь
горючих вод и нервного припадка.

«Сначала мы раздельно напились,
и день стал чуден, и хотелось песен.
И с дерева листок.Случайный лист
поссорил нас – мир оказался тесен
для встречи, мы попали в эпилог,
едва начав читать его по нотам.
Ладонью на ладонь лист в руку лег,
но был ничей, на пять минут пролетом.

Мой оппонент – как будто жил в кустах
и, видно, заигрался здесь в "а ну-ка...",
чтоб схлопотать немедленно, за так,
хотя и не издал еще ни звука, –
он тоже потянулся за листком,
узнал слова, что знал не понаслышке,
и музыку, которой я влеком.
Он был как я! Но двое – это слишком!»

* * *

«Уведи меня в ночь, где течет Енисей...»

О. М.

Кама-родина, брат-Енисей.
Мрачный свод, если звезды не в счет.
Вымыт кальций из слов и костей,
белой скатертью время течет.

И слезами, и водкой течет,
речью связной, бессвязной почти,
безотчетную болью в расчет
светлых дней, ты слова перечти.

Вся в кристаллах небесная грудь.
Жизнь кромсают морозным стеклом.
Чтобы время блестело – протрут.
И в окно постучат костылем.

* * *

звонят друг другу зайки и плачут о фуфайках:
«одну из них нашёл – но где же модный шёлк,
где дивное сплетение прекрасных берегов?
осталось лишь растение – оно для дураков»

другая зайка тоже пытается сказать:
«бежит по холодной коже как гадкий мерзкий тать
какой-то недоносок какой-то знак светил
как только я увижу что он её любил

что он это пытался отобразить в стихе
на роликах катался и жил он во грехе»
«послушай, дорогая, как только вижу я
что жрать идёт любая и верная семья

так сразу иду лопать как будто бегемот
а если будут топтать то после нас потоп
конечно же настанет – уверен в этом я –
над бездною летаем и пьём древесный яд»

и вот тихонько зайки в эфире совлеклись
надели по китайке и опустились вниз
и там плескались в море Творца благодаря
в огне пылает горе когда в огне горят

две маленькие зайки – слеза на каплуне
и с ними разлетайки парят в чудесном сне
и с ними тает горе в оторванном краю
и всех смывает море в салатницу свою

ГОЛОСА МЕТЕЛИ

февраль семнадцатого года стоит на правильном дворе
который создала природа – похож сей двор на букву «ре»
и спать взвивается мальчишка и тонет в том что не пойми
всё это слишком, слишком слишком как буква «до» и буква «ми»
и раздевается два года и два бездарная война
чтобы войти в простую воду и выпить тёмного вина
и одобренье – это слишком для этой каменной войны
пошли со мной, мой друг братишка, и ты увидишь свои сны

такие яркими как поле, небесный ад и чёрный рай
возьми глоточек алкоголя но подожди – не умирай
а выпей склянку иль полсклянки и нюхай чудный нашатырь
соседи выпили полбанки но ты у них еду не тырь
возьми небесного извода большое тёмное питьё
и посмотри как спит погода и катится наш год в проём
какого-то лихого бога и это новь для пацана
и знал он в общем-то немного но фрагментарная весна
опустится на эти стены – пусть дождь на эти камни льёт
пацан не вскроет себе вены а эта музыка плывёт
плывёт и пламени коснётся и пламя вспыхнет в тот же миг
и снег так просто не даётся и это милый твой язык
свистит над головою плётка и твой незримый проводник
ведёт тебя в пустые дали где нету в общем ничего
но мы тебя не угадали и в шар играет божество

ДИАЛОГ

– Пустое место тоже может быть духом времени. – Почему нет?
Почему бы и нет? – А потому что пустота тоже плотное вещество
и она может быть значимым в ряду вещей. Дух же безвиден и нем
и никто не догонит его, никто не узнает кто он. Пустота же
облекает нас всеми значимыми частями и становится в верхний ряд
и стоит там в ряду важных вещей блистая вооружением
а дух летит себе над волнами и помавая крылами опускается на волну
и плавает и ловит рыбочек, а пустота стоит на мысе – там где маяк
и смотрит вдаль и видит – там, где рассветы сменяют жалкий
закатный туман, появляется нечто – и это нечто – это дух времени
и он безвиден и пуст и он садится на трон приуготовленный для него
и обзревает окрестности и начинает править, а бедные чайки летают
над волнами и жалобно кричат в надежде на жалкую поживу,
но никто не откликается на их зов, так как рыбы уже пойманы,
и одинокое солнце садится на горизонте, опускаясь в холодные
обделённые воды – воды нашей надежды и нашей мечты
догоняющей нас и накрывающей нас с головой – чтобы над нашей го-
ловой развеять этот закатный прах и вернуть первоначально устоявшей
обители человеческие облик и очертания.

* * *

как Одиссей беседовал с оторопелой Навсикаей
держал её ладонь в руках и в памяти своей летал
он словно сокол златотканый и словно в маминой надежде
он был огромным попугаем – качался на лиане гибкой
и был оторванной влеком ногой кузена капитана Флинта
сидел он на плече уставшем и был на пати с коньяком
он гостем приглашённым – генуэзцем или каким другим
корсаром угощаем сидел он за смиренным чаем
и лампочку вкручивал в гнездо на побелённом потолке
таким он был – скиталец древний морей прозрачных,
агнец сонма богов ужасных и простых

Александр Бубнов
/Курск/

Триптих о воде

МЕТА-БЕРЕГ

противоположный берег,
ты теперь ложный!..
ты схитрил – отступил дальше
новой весной
под паводком,
на поводке природы
круговоротной...

и как тут поверить,
что был ты раньше
рядышком?!

и как до тебя добраться?
и нужно ли?..
искать ли харона какого?..
а может быть, хроноса?..

и я решаюсь –
и... прыгаю... в зарисовки образов,
дружных с природой,
которые крутят быстрее
стрелки
отнюдь не обратно,
и мягко, не водоворотно,
просто – в будущее,
неровно дыша ветрами южными,

и этим я...
остаюсь и вижу:
берег этот из грязной мути
выступил...

и вскоре стал более чётким.
и сделал его таким
в остатке статном его

летний
ленивый зной...

ПОД ВОДОПАДОМ...

как собрать,
и чтобы было кстати,
как пристроить друг к другу,
останавливая
и рассматривая в статике,
то,
что падает,
обрушивается,
чувствуется частями,
часиками,
корпускулами,
то,
которому нет конца, –
тем частицам
и волнам
ещё не солёным?..
это
в пространстве-времени
спелого света
сверху,
силу мира всего имея,
из Чаши,
невъпитой-недопетой,
на

и сквозь меня,
без зазрения чужа
и отчаянно что-то ища,
умывая-промывая,
составляя мои клеточки
с краями неровными,
их отдохнуть укладывая,
приспосабливая и оттачивая,
оппадают-падают
в частии странном
просто
и непреклонно-прекрасно
капелек
водопазлы!..

МЕТА-РЕКА

берега
развалились вальяжно
нежности,

чуть
воспарив вместе
с туманом

на лугах
разнотравно-пахучих
во снах,

слегка
реагируя на потоки, их увести
не пытаюсь

пока
в романтические небеса,
плоти лишив...

и в
прозрачные воды́ голоса
лениво вливаются

рассказы
о лёгкости влаги, возвысившейся
туда,

где весы
качаются без привычной опоры,
но в оперении,

где грóзы
вторгаются оркестрово
в ноктюрны,

где струны
переплетаются тесно
в диссонансах

границ
между стихиями
и тишинами...

эти фантазии
вверх смотрящих берегов и лугов
подтачивает вода,

река
предрекает ей быть
меж берегов,

ей тяжело
и некогда вспять обращать
бытие...

но где
свобода веры воды
и в чём?

но где
свобода ведения голоса
и с кем?..

но снова
вода измеряет свой путь,
зажатая виолончельно,

а ночью звезда
измеряет созвездий рога,
огромна сама...

потом стада
вытаптывают луга...

...и сводит вода берега́...
с ума!..

Нина Александрова
/Екатеринбург/

Наизнанку

* * *

тело мое река
раковина вода
галька песок и мох
тянется и скользит

вижу как в первый раз
трогаю осторожно
кожура
тонкая кожа

глухо бьется в виски
сердце дыхание звук
тело мое вода
тело мое всегда

* * *

здесь на болоте из черной воды
как исполинский чудовищный гриб
из водорослей, тины и темноты,
из тихих кладбищ осенних рыб

холодной ночью, один раз в году
церковь встает из глубины
гул тяжелый стелется над водой
тянет наружу душные сны

через трясины - со всех сторон
громче и громче подводный звон
отдается в костях, бьет навязчиво в голове,
вьется в тихих камнях, в сырой от ливня траве

церковь к утру отцветет, опадет высохшим мотыльком
хрустнет в пальцах, на дно уйдет глубоко

гул колокольный осядет: свернулся в полых птичьих твоих костях
затаился, свернулся, дышит едва-едва
потому в марте так страшно гудит под ногами земля,
больно в груди, кружится голова

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

бьются звери в руках
щука в моих висках

справа бобер
слева горностай

имя твоё оберег
спрячь его в кулаке

не учуют следов
мы пойдем по воде

шепчутся и кричат
ангелы у плеча

здесь бояться нельзя
не закрывай глаза

* * *

предутренние сны реальной всего
конструктивистские дома-города
выкрученные лестницы
ползут по внешней стороне зданий

лабиринты ячеек без стен
пахнут чужой большой жизнью
каждый сантиметр это
люди тюки звуки и дым
а в глубине дышат
тайные подземные озера
хрустальная трава пульсирует под ладонью
прозрачный старик
мой дед
глядит по голове закрывает глаза
я открываю

* * *

кошка мгновенно выворачивается наизнанку,
дышит теплом, покачиваясь идет
смотрю, как вздуваются-оппадают легкие,
пульсируют вены, перекачивается живот

урчит, выгибается, заглядывает в глаза
что, мол, боишься смерти, страшно тебе умирать
я говорю: кисонька-киса, боюсь так, что не рассказать
ноги мои в облаках, в голове сияет дыра

тело покрыли лишайник и серый древесный мох
я - только теплый валун, в потоке каенной вечно текущей реки
курумник движется медленно, словно стоит на месте
кошка беззвучно смеется, шевелятся мышцы, отсвечивают клыки

вижу как по сосудам к сердцу толчками движется кровь
ты никакой не валун, и курумников тоже нет
ноги твои исчезли, дыхание скомкалось, стерлось лицо
ты просто камушек на морском берегу, в птичьем зобу растаявший самоцвет

но и этого скоро не станет - растворит без остатка, смоев тебя без следа
пустой тихий берег - со всех сторон, нежно галькой шуршит слынувшая вода

Виктор Качалин
/Москва/

Подвижный дом

ВИНО И РЕЧЬ

Ли Бо закипает стихами – а Желтый источник тих
и поглощает восторженных и слепых,
богатых и зрячих, растерянных. На ольхе
повисла луна речная. Из-за гор восходит Си Хэ,

сиянием дарит. Ли Бо отрицает смех
и пасмурь, вино и трезвость, недвойственность, тень и грех,
вино и реку, в которую льются его борода.
Он переходит туда – и мир приходит сюда.

РЫБЫ

Теперь есть смысл поговорить о рыбах,
выуживающих сталь,
родивших солнце.
Они белее снега,
темней антенн,
под облаками они несут во рту икринки
людей.

Из городов сбивают масло
в аквариуме бурь,
а плавниками режут воздух сердца,
короткий миг и ты в ожоге их неподвижного зрачка
узнал себя,
глубокой заморозки семя.

СЛЕПИ ВСЛЕПУЮ

Слепи вслепую снеговика
округлость мира – легка, легка
земля и небо на трех столбах
нежнее Евы ласкают прах
и спит весенней зимой Адам
и тянет руки лишь к холодам
в колодце – солнце воды и льда
несокрушимое, как всегда

КОНЬКОВО

От нагрева едва ль океан проснется
К новому бытию, без кораллов и песен,
За горами Кармеля - загадки Ганга,
Что ни день, то новый выброс на солнце.

Человекам грезится Антарктида,
От нее останется ледяная подкова,
Чай готов, когда расшумятся сосны,
А вода родниковая бьет в Коньково,

Где ледник неизведанный остановлен
То ль стихом ведичьим, то ль кровью девы.
Он сложил свои валуны под кровлю,
И из свежих вод воссоздалось тело.

ТЁПЛЫЙ СТАН

Достаём воды – не первозданного хаоса гул,
А глоток со дна холодильника, каплю духа,
Не подкачанную «Водоканалом» в пустой котёл,
Не закапанную свечами, не закопанную в расщелину слуха.

Как иконы, раздетые в восемнадцатом догола,
Нас Москва приучает к свободе плена:
Знаешь, если легко разыграются колокола,
Неприменно тут же завоюет сирена,

Вновь кому-то на пасху плохо или кто-то спешит
На самолёт во Внуково, как на щит –
Чтобы увидеть и позабыть поскорей, как в трещинах рек
Колышется человек.

Но в водопад бытия можно в мае шагнуть,
Никого не приучая к полынной пьянке –
После вспышек солнца, несущих хлад, разом всё расцветает, и не уснуть:
алабай подаёт баском и подхрипывают овчарки на автостоянке,

охраняемой вышкой. Голубятники небо пьют
в темя нас не клюют.

ПОДВИЖНЫЙ ДОМ

Ду Фу умирает в лодке посредине реки.
драконы ушли на дно, и мысли его легки,
а дровосеки в горах уже занесли топоры.
Из ясеня – сделают лодку, сосуд, пустоту; пиры

поминальные начинаются – клейкий рис да черный кабан
на стол подаются, и медленно листья роняет хайтан,
вино с хризантемами льется сквозь чашу – в подвижный дом.
Вот небо, а вот циновка на крыше – и океан кругом.

Сергей Чернышев
/Санкт-Петербург/

Принадлежности для гадания

рукава

любовь как река текущая под землей
в подвальных водах стоят тяжелые рыбы
слепая русалка царапает пол - открой
люк в подпол и берегись берегись ведь прыгнет

не берегись не думай нет думай куда несет
этот дом эту землю в какие моря и темень
в золочёный делирий где стоит моргнуть - и всё
оказался ульем костром семирылой тенью

уходи в рукава, вспоминай неземную речь
одевайся в перо в темноту в чешую и колос
в раскаленный светящийся голос ночных морей
под поверхностью мира простой единственный голос

плохая оптика

там где то жил то был поднимается сон вода
синий газовый нимб припрятанная свинчатка
ходит тяжелой рыбкой в чахлах моих садах
донных снящихся несуществующих сладких
а когда уже вечный скажешь мгновенная была жизнь
а душа что душа она только дыра отсюда
в пыльный двор в эти сны золоченые на двоих
продолжающиеся покуда

шаманская плясовая

- Хороши ль Ваши бубны?
- Весьма хороши наши бубны.
С ними нас пропускают живыми в то ЦПКО,
где колеса и лодочки, девы целуются в губы,
но являются реками, или одною рекой -

золотистым беспамятством, официальной тиной,
где кончаются странствия - но побубни в бубенец,
в бубена, то есть в бубны (они хороши!) и картина
не изменится, но разорвется, но хлынет свинец

раскаленных морей, за которыми все-таки будет
возвращенье в истории, незавершенные здесь,
в золотистую осень/весну - ни тоски, ни капута.
Бубенцы, поцелуи и бусы из мелких костей.

готель

растлишь ли мажоретку в сумрачном готеле,
произнесешь ли вслух как колесничный серп
в шуршащей темноте в осыпавшемся теле
с папирусом во рту с луною на ущерб

ну выйди ну скажи когда я отвернусь
то дикая вода продолжит притворяться
вещами и людьми и небом наизусть
и даже мной самим и некому бояться

поездка в провинцию

завернули луна моя смейся в сырую рогожу
в настоящей воде утопят а та не помнит
ни озер под домами ни пола с квадратной кошкой
в квадратном солнце в каком-то доме

но сквозь нас еще виден лес паутина ливень
и на тех же корнях дома фонари пивные
осыпающиеся бычьи головы на магазинах
виноград обрушившийся безглазые часовые

ведь возьмем скажем год когда небушко было ближе
возвращайся а он паскуда опять проходит
все быстрее и быстрее лишь тягучая кошка лижет
полосатую лапу да в вазе меняют воду

а увидишь живьем космонавта с тех пор из дома
письма идут две три жизни на хрупкой на позабытом
языке бумаге ну и что что ты помнишь кто мы
на далекой земле вавилонской смолою залитой

воды в лесу блаженны

с болотным огнем, зажатым в зубах
с глазами изо всех дыр
смотришь с мостка на немислимых баб
в лохмотьях лесной воды

но нет ни баб ни мостка ни слез
текущих под ним ручьем
лишь черный сквозняк затекает сквозь
пробитый звездой зрачок

принадлежности для гадания

питиримом пришел из лавки, хотя уходил петром.
серый кулек течет на землю мукой и солью,
выводя: ты встретишься с нею и разрубленный топором,
или скормленный гулям, не в этой, так в той юдоли,

где бездомные реки становятся воздухом синих рыб,
ветром белых деревьев, цветущих живым неоном,
серебристыми девами, светом, видимым как навзрыд
сквозь горящую соль, из глубины бессонной.

бей хвостом, пускай пузыри да жги радугу на спине,
но открытая заново речь опять ниасилит сути,
что плетет вас паучим узором то в воздухе, то на дне,
или в белом луче, где все тоже наверно будет.

кювета

на фоне гор, на фоне поэтических
иных красот, неважно - встанем что
оскалиться - но вылетает птичка,
и вечность ударяет в лоб.
и рвется время, как гнилой кукан
нанизанных рыбешками событий,
и вновь плывем, и светимся слегка
в пустой воде, где ни войти, ни выйти.

карасик жан, уклейка зульфья,
уснувший сом, плотва под номерами,
стрекозы, плавунцы, ватаги комарья -
все уже кончилось, а здесь не умирают.
кювета, озерцо, и сохнет на стекле
прямоугольный мир, вот дата, мы с тобою
уже из серебра, не плачь - лишь пожелтеть
и выцвести способны, но не более.

уннум в рязани

вот идет человек и его рязань человек и его нигде
кистеперые рыбы стоят в глазах во внутричерепной воде
тонут песни серебряных дев стада божий отжиг весь этот штафф
растворяясь и не достигая дна также падает темнота

а потом белизне роговым шипом процарапываешь зрочки
кистеперым уннумом стоишь потом и качаешься и молчишь
ощущая как зрячая боль плывет к городам на чумной звезде
скоро речь на лице прогрызет тебе рот из кириллицы и костей

повязка

В оглошшей воде остывает небо, края разбиты камышами и ряской, где беззвучно всплывают звезды, шевеля плавниками - их безгубые, острые рты раскрыты то ли голодом то ли донным ужасом семихвостым.

Ты не сможешь опять войти в эти лгущие воды, брза, раз не вышел тогда, превратился в рисунок светом, в узелок с изнанки пейзажа - повязки на оба глаза, за которой - райское облако, или союз советский,

или чулан с пауками от Достоевского, неизвестность: этот день не наступит, этот день не пройдет, смотри - рыбы выстроились в созвездие, прямо над нашей местностью. Гераклитовы реки звенят внутри.

XII

Слово не воробей, а повод выстрелить, опознав то ли орла зудом в печени, то ли медведя заднепроходно. Что-то долго так тянутся эти ваши последние времена, цветение клованов, мощная сучья кода.

Слово не воробей, кукушка - прокукует 12, и околеет. Глядь, а эон другой, и кто же все эти люди рядом с прорубью страшной. Крикнешь им отпусти - станешь вольною рыбой. Никому ничего не будет,

и какой-нибудь скажет: да хули там, скифы мы. Разумеется, - будет голос, и рассыпанный белый венчик полетит в белой лимфе вьюги, и сломанные дымы, и бессильная речь чумазая человечья.

слияния и поглощения

Вот троглодит съедает живого миссионера, а потом вдруг валится набок, захваченный изнутри. Тяжелое тело его резное, звериное небо серное. Бусы, перья, джу-джу и трубка: с духами говорить.

Миссионер как к свету выходит к большой воде. Мертвые братья с небесной лодки бьют его по мордам с черным кружевом шрамов: нефиг шататься здесь, пшол в свою джунглию, дятел. Затем говорит вода:

Видишь, душа лишь окошко. Есть варварская хранина тела, внутри которой кадишь все равно тому, чье небо глядит через купол, чье сорокосложное имя течет изо рта вместе с дымом, не ведая - почему.

проколят

а вокруг - на что ни посмотришь, видишь один лишь свет. а когда ничего не видишь, или видишь незнамо что - говоришь, что неправда - даже смерти на свете нет. но вокруг-то не свет какой-то, а рогожный куль с темнотой.

стало быть, у тебя сокровищ - сколько шорохов у слепца, сколько - дай волхву по затылку, и на - вифлеемских звезд. сколько тонущему котенку колодезный свет мерцает напролет еще восемь жизней недлинных сквозь

последовательность

огромная старая песня стоит посреди двора, тащит людишек в рот, обглаживает им головы изнутри, и селится там, а потом с утра вдруг видишь себя - насвистывающего, притоптывающего, голого.

оступаясь в звук, как в крещенскую полынью, смотришь из-подо льда и видишь ненастоящие небо, облако, отвесные города, где из темноты поют медленным снегом, желтым окном светящимся.

наступает зима, будет легко от горящих книг.
поговори со мною, поплачь, мой огонь, повой.
вот и готова шапочка из фольги,
чтобы ни этот голос,
ни тот,
ни свой.

Сергей Шуба
/Новосибирск/

Дождь беспощаден

ПЕЧАЛЬ

Доски замшелые
Коричневая вода
Ищу горизонт

...

*Там как будто сидит
Соколом в ночи
Необъятная кручина
И молчит.*

* * *

Хлеб в руке
Агнец на столе
Сколько это стоило трудов
Хлеб и есть жертва
Агнец – милость-жизнь
Труды во славу Преходящего
Но вспомнил колодец времен –
Сладка его вода
Никогда не кончается
Отражается
хлеб
агнец
глаза
твои

* * *

Река это вена
Перейти через реку всегда интересно
Как будто узнаешь что-то новое
И отзывается в тебе старый голос
Он помнит (другое небо)

* * *

добавлять по чёрточке в рисунок
а иным не надо умирать
а другим садись играй вот сумма
за киоском угасает мать

это всё надменности пределы
смыть с лица попробуй-ка заставь
и я говорю: аборигены
взвесьте мне пожалуй год до ста

ледоход и тенькает синица
веком в век течёт вода, течёт
если запылится вдруг глазница
то закрыто на переучёт

* * *

так освободились слова
освободились слова числом больше трёх

[беспрестанно] капали как вода

* * *

Главное что
Из этой жилетки
Ты вышел в этот остаток
Времени

Всё только слова

Дождь беспощаден

* * *

В строю светящихся измен не различить имён
В последний раз похмельный тлен мы под руку берём
И выйдя к ломаным стогам, из синего стекла
Увидим как течёт река вдаль и на века
Река Офелий и Елен, на берегу Лилит
Давай мой друг, пора, пора
Нам больше не грозит
Ни яд вещей, ни сон ногтей
И строевой бронхит

* * *

Мальчик, считающий дождь

* * *

Прозрачны в голове потомки
Неуловимы как вода
Как снег обещаны
Как фары бледно тают
Располосованы огнём огнём огнём
Но ветер пуст
Но дерево ещё дышит
Ещё теплы ладони
Ещё взлетает сокол

И парит

Александр Ринский
/Челябинск/

Над скважиной

Трубы

Слышно, как тени включают воду этажом выше.
Слышно, как капает что-то из крана и холодильник слышно.
Слышно, как катятся волны по трубам. На побережье моря
Тоже проложены трубы. Оттуда
слышится шум прибора.

Лодкой, зарытой в песок или лодкой, оставленной у квартиры –
Мне безразлично, кем быть. По бумаге
время течёт пунктиром.
Мне безразлично, как плыть – от причала, к причалу, к печали,
к песчанику храмов.
Море волнуется. Я повинуюсь. И возвращаюсь обратно.

Пенится море за стенами дома. Стылое – всё же, ноябрь.
Капает что-то из крана на кухне –
капает память.
Слышно, как катятся волны по трубам. Лампа горит, как фонарик
Старого рыболовецкого судна
в рыболовецком тумане.

* * *

Голоса в голове как волна полноводной реки.
Засыпай, человек, если руки твои нележки.
Поднимается ветер над лентами длинных ночей.
Всё, что в жизни я встретил – оставил с приставкой «ничей».

Запечатанный в банке с консервами серый рассвет,
Ночь обходит меня стороной, как несмелый сосед,
Над замочную скважину чудится чья-то рука.
Если кончится время, то сразу же после звонка

В однокомнатном мире, внутри головы изо льда.
Засыпай, человек, посмотри, как плывут города
Сквозь осколок бутылки, стирая ладони в песок.
Засыпай, человек, начинается твой эпилог.

За логичным концом – нелогичный обломок пути.
Засыпает землёю лицо. Скоро нужно сойти.
Это дальняя станция. Дальше, чем ходит вагон.
Засыпай, человек, если понял, что будет потом.

Засыпай. Колыбельная кончится, кончится речь.
Покружись на замерзшем проспекте, где хочется лечь,
Где не хочется жечь фонари и глядеть на луну.
Голоса в голове отправляют кого-то ко дну,

Отправляют кого-то назад. Девятнадцатый вал
Накрывает меня с головой. Паруса покрывал
Опускаются саваном, самую сутью воды.
Засыпай, человек, если понял, что это не ты

В занесённом холодным огнём кубометре двора
Говоришь языком заиконным чужие слова,
Нажимаешь на дверь чьим-то третьим, печальным плечом,
Засыпай, человек, если помнишь, о ком и о чём.

* * *

Дождь барабанит по туго натянутой коже,
отдаётся в надломленном, скрученном позвоночнике –
тум, тум,
тум, тум;
ночь никем
не замечена, исчезает в этом тум-тум и всё остальное тоже

исчезает в этом тум-тум.
бесконечные капли катятся по скелету,
попадают в полые кости, утробно поют,
вызывают ветер
и где-то в степях поднимается ветер.

задевает пучки голубой травы и заносит дым
как кистень над моими руками и мокрым миром.
и, засов задвинув, чувствуешь – с высоты
проливается дождь, барабана в твою квартиру.

Дом

Я хочу когда-то построить дом,
что звучит, пожалуй, ужасно пошло.
Где какой-то ветер каким-то льдом
покрывает море каких-то волн,
И залиты прошлым

Эти скалы — куски фарфора, — графит воды,
папиросное небо, клеёнка снега, портреты предков,
неустроенный быт, неустойчивый мир... и мои черты
покрывает тугой рыболовной сеткой.

Словом, север. Замерзли пальцы и дрожь в окне.
Посеревший дом из бумаги и мыльной стружки.
Ничего-то, Господи, больше не надо, не надо мне...
И глотаешь то ветер, то слово,
то чай из железной кружки.

Тейт Эш
/Москва-Дубай/

Бури в подстаканнике

1. Эффект бабочки

в ковчеге – течь. но это либеда?
к утру прибудет вечный Тамада
и снова станет думать о зачине.

...слезятся щели. компас близорук.
вода во тьме – и тьма воды вокруг,
и чёрте что мерещится в пучине.

ни света, ни просвета, ни огня.

сбивается сердечная возня,
выкидывая паузы наружу.

молчат и хорс, и будда, и аллах.
по треснувшей стене стекает страх
и трётся о невызревшую душу,
с которой – как наклейки со старья –
смываются основы бытия.
лишь волны бродят в поисках ночлега...

...плыви как все, залейся до хандры.
но ты нарушишь правила игры –

откроешь дверь
и выйдешь из ковчега.

--

светает...
воробы на проводах.
в размокших послеливневых садах
привычно зеленеет время года.

листва лениво сушит естество.

завёрнутое в кокон существо
осваивает действие перехода...

2. Годовые кольца Эльсинора

Еще не сад, но саженец.
Пока
Не сбросит плод, не выносит вино вам.
Воскресный день зелёного ростка
Стал свежестью весенней окольцован.

Расти, малыш, без бури и досад,
Спокойно доживай до листовала...

...Витки плюща ложились на фасад.
Как занавес, поднялся к небу сад,
Но счастье пятый год не вызревало.

Офелия, сегодня быть беде.
Течет вокруг Великое Нигде,
И глубина защёлкнулась на вые –
Кругами разбежались по воде
Непрожитые кольца годовые...

Жизнь выдохлась до ила, до конца,
Но мы живем неспешно, по старинце.
В покоях опустевшего дворца
Уже никто не думает о принце.
Другой король идет по головам,
Но нравы те же. Толку торопиться?
Дешевым одноклеточным словам
Не выпало в эпиграфах толпиться.

Вся жизнь – тираж. Навылет, без полей, –
Чулан, жена и место в колымаге.

...В руинах замки. Дует из щелей.
И кольца престарелых тополей
Упрямо проступают на бумаге...

3. Пир во время чумы

*Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы
А. С. Пушкин*

Жизнь от жизни скрывала многих,
Где фарватер дороги срыт.
Быт стареющих и убогих
(Понадеясь, что рядом Бог их)
К ливню тянется из корыт.

Шелушась,
грязь смывая с кожей –
Всем плевать, кто кого пригожей,
Чем разжился, чего вкусил.
Но судьбу удавить в прихожей
Не хватает под вечер сил.

Гольтыбе ни к чему рядиться.
Грузно падает с крыш водица,

Размывая нажитый хлам.
Как продажная молодлица,
Ветер шарится по углам.

Заливая водой трущобы,
Дождь лютует – ещё, еще бы! –
Выгоняя десятки крыс.
Веет бедностью высшей пробы.
В душных дебрях ночной утробы
Затерялся луны надгрыз.
Подворотню накрыла тьма.
Кто-то робко шепнул:
– Чума...

Лихо катится к чёрту удаль.
Души резко пошли на убыль.
Воля выпала на крыльцо,
Собирая – глаза ли, губы ль? –
В перекошенное лицо.

В каждом доме –
десяток харь.
Кто помладше – ложится бледный,
Вместо ржавой копейки медной
Зажимая в горсти сухарь.

... Хрип разносится по траншеям.
Не видать на дворе ни зги.
Понеслось колесо по шеям –
Понаделавши на душе ям,
Перекашивая мозги.
Ветру впору хватить кондрашку:
Кто способен ещё бубнить –
До рассвета лакает бражку,
Двери бросивши нараспашку,
Если некому хоронить.

Всех, кто скинул ярмо воловье,
тащат к ящикам два крюка.
Свозят мёртвое поголовье –
пожилое, рябое, вдовье –
два могильщика-старика.
Глянут вскользь –
на кого похожий? –
сгонят крысу с гнилых рубах.
... Улыбаясь разбитой рожей,
Всю неделю, под голос Божий,
Ливень корчится на гробах.

Мор окончен. Пусты дома.
Крысы мечутся, как чума.

4. Навская пасха

гостя жду под утро. дым играет.
ниже дыма – домики в рядок.
до озноба нынче пробирает
навской пасхи ранний холодок.

чавкая напоенною жижей,
долго, поперёк, по пустырю –
дождь бредёт. сутулый, неживший.

вздогнет.
пошатнётся.

отворю...

Александр Корамыслов
/Воткинск/

Стихотворения и танкетки

Песня лосося

Я на чистую воду плыву,
задыхаясь под радужной плёнкой –
под намёком, прозрачным и тонким,
что до нереста не доживу,

что напрасно икре намекал
на свои молодые молоки –
на бесстыдные эти намёки,
что молочную станет река,

что, до времени их расплескав
на случайный дырявый ботинок,
я чешуйки иллюзий о тину
обдеру на реальность песка,

что напрасно пузырь надорву,
намекая на певчую звонкость,
что напрасно под радужной плёнкой
я на чистую воду плыву...

Взгляд грешника

Ни в глубоких стихах
и ни в мелких грехах
не хочу потонуть –
и опять потому,
искупавшись в грехах,
искупавшись в стихах,
искупаю грехи,
искупаю стихи...

* * *

Мы живем в том краю, где жили язычники: вотяки
и белоглазая чудь.
Я и сам – из племени Вопреки,
а моя подруга – из рода Отнюдь
Нет. Мы встретились у реки
Русской Письменной, чтоб утонуть
членораздельно. Но, вопреки
случаю, наши слились языки
и уста шепнули: «Отнюдь
нет...».

* * *

солнце русской поэзии,
«Воздух» русской поэзии
вода русской поэзии –
наши лучшие друзья

особенно когда сидишь в зашторенной комнате,
читая стихи с кондиционером
и аквафильтром

* * *

редкая птица долетит до середины лены
редкая рыба лену переплывёт
я сижу на кухне возле её берегов
любуюсь течением

недолетевшая птица в кастрюле
недоплывшая рыба на сковороде
прячу от лены своего зверя
шепчу спасибо

Дело губ утопающего

Литература... Древний айсберг,
обтекаемый изменчивым мейнстримом.
Место встречи приговорённых.

Нас всех можно пожалеть... Ибо *нам всем суждено здесь погибнуть.*
Хотя бы потому, что корабль «Современность» – тонет.
Медленно и не-неуклонно.
И лопасти его винта бешено вращаются.
Не попадешь под них – так замёрзнешь.
Или – сожрут морозоустойчивые акулы пера, шоу-бизнеса, чего угодно.
Или в лоб шлагбаум влетит непроторенный инвалид...

Можно пожалеть удачливых сухопутных прапорщиков,
невольню или вольню выкаблучивающихся на скользкой вершине,
стремясь воткнуть в неё (им, похоже, не жаль...) свои дурацкие флажки.

И молодых везучих матросиков,
вскарабкивающихся туда же, оскальзываясь.

И остальных матросиков с пассажирами,
барахтающихся вокруг – практически молча.
Поскольку – горло сводит *и льдинка на языке*
(уже не **Блок**, но – замороженный **блог**...).

Я тоже среди них.
Я тоже – среди вас,
судорожно занимающихся
последним безжалостным делом.

Делом губ утопающего...

* * *

Пройдя агонии и воды
рождений многих – снова жив...
Живи себе царём природы,
на царство скипетр положив,

Не обижаясь за державу...
Оставь ей будущий свой труп –
и в этот мир опять пожалуй
сквозь медь фаллопиевых труб!..

ТАНКЕТКИ

#	#
горсть сухих танкеток	камбала тайна дна
размочу в поэме	# снег в чашке Ай-Петри
#	#
вода вилы пишу	снежок зимний бомжик
#	#
эх была задумка	тело просит воды
да сплыла по Стиксу	а душа водочки
#	
в озере Надежды	
остров Безнадёги	

Александр Ходаковский
/Харьков, Украина/

Если нет облаков

* * *

на большом пароходе уплыть куда волны галдят
куда чайки глядят и куда синева долетает
при себе пару строк и впослед – «досвида...»
как речной грудой от простора стихает

окрестные бреги плывут и плывут нипочём
разрастаются отвеси птичьими дырами все
на укромный песок что от струй световых золочён
на квадраты селений что топчутся вкруг вхолостую

будто выстрел засветится днём храмоверхая клеть
блеснёт куполами от солнечных пальцев отринув
сторонясь в самый центр земли чтоб узреть
души ближних и пришлые лица за ними

кучемарит светило в потьму увядая воды
растекается жар и стеснение сердце находит
от мути речной – запокутье далёкой беды
от бесстрашия – дрожь по коленам и брежь небосвода

смелым стайкам рыбёшек не терпится улепетнуть
в самую гущу где взор ничего не решает
словно время сместилось а русло повыровняв путь
нас несёт как по ветру растворником выдулся шарик

мгла рябит вдалеке – не домыслить наверняка
линии шёрсткие то ли прямые наощупь
мнётся сдвоенность черт сквозь тревожную дымку внакат
утешая нутро будто красная площадь

вдохновляет шумок брежных вод и рожденье полей
отдушина где-то в груди отлегла потеснилась
и до-вынесла горлом молву на воздушную мель
и молчанку снесла как великую милость

* * *

вечное стояние безысходности – вода во все стороны
солёная и дела нет

остров – пуговица выгнутая во вне
или монета что выгорела и не звенит
волны – стражники разобранные по росту...
ты выходишь на берег слово в слово простоволосая
тело твоё приспособлено от простора и словно магнит
притягивает солнце и взоры поровну

песок – почти пыль – метушится (ему б остыть)
раскалён точно кости ракушечки что на нём –
белые выжарки стали углём
их морщинистых спин штукатурка
осыпается в пальцах послушно...
ты открыта на все переулки как спелая суша
в бескрайней стихии морской на отборном посту
чтобы остыть осторожно ступаешь в солёную пустынь

* * *

*«... Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний...»
(Пс.89:2-5)*

-1-

морская волна – вечный маятник в брюхе планетного дня
сводит песок в равномерную слитную гладь
на бреге ладонном – на противне каждая мелочь
словно начала материя нежная телом

сподобилась Вышнему промыслу и огрубела
в доказательство мира который ответно принят
в пазуху тайную – Божью всему благодать

-2-

прибрежная вынесть ракушечья власть дребезжит
солнце вращает исполнить свою поминутность
море в погрудной и поголовной возне
есть подтверждением суши... а суша – венец
уплотнения сцены Творения внутрь и во вне
чтоб заупрямилась тожная жизнь
выходя их воды неприступной

-3-

день повывался в хмарь – вот песочек тенист
такого же цвета вода и послушное небо
пучеглазой волне никогда не наскучит
бесконечно стекать по плечам и баючить
верного берега спину могучую
свет затаился и ждёт изменить
беглую душу эреба

* * *

есть в стариках что-то жабье – старушечье
пустынное облако из песка
кобра – рука без локтя
тихонечко себе рыскает
(в любом случае мясо – пушечное)
и земля налилась иссякнув

с водою в горбах подустав
караваном сбили холмы
горизонт позвоночником замер
мря кругом и за край дохромав
улеглась за верстою верста
как слепая страница в гексамер

из всеженской распласти небес
туча съёжилась в дикую тварь и прибегла земле
головой притворясь океанная плоть
бушевала сперва но природная клеть
что зевесова заводь окрест
округлила углы

времени любовь угладила
в зыбь чередой – сухую и мокрую
будто свет стал похож на тьму
лет крошечных где звёздный корпускул
волнуемый собственной кладью
плёлся длящийся ни-кому

со-тварную вещь подарить
человеку – счёт без счёта ему золочён
твердь твердью отделена
именно поэтому и ещё
чтобы было куда податься – свобода парит
свету звезды верна...

* * *

если нет облаков
и пейзаж неизвестен
небо от моря не отличишь
человек сражается с быком
кровь находит всегда отверстие
из пещеры вылетает стриж...

о памяти писать по памяти
можно подмешав плоть
дерево способно дышать
водная гладь идеально мятая
лес шипами своих стволов
в пространстве увяз – это суша
цедит сквозь зубы воздух
каменные черепа на берегах и отмелях –

красивое поле боя
где земля побеждает воду...
хорошего ничего не суля
ванькой время валяется
здесь... впрочем как и везде
сродни перемирия
отдыхающих на берегу
солнце палит раздетых
пловец нарушает пари
водный стегая разгул...

превращение вещества
в некую суть
масло в бытность свою молоко
медуза – морская ботва –
моря удвоенный путь –
суть и кровь моряка...
материя уплотняет вид
собственный и себя
птица летит на свет
человека не удивит
временная обязанность
быть у себя в голове...

* * *

ну зачем тебе такая
ничевохая река
что тебя не забывает
сам себя умрешь пока
в этой плави рвешь одежды
разговаривать ни в жисть
речь-не-реченька да где ж ты
корабли держи держись

отговаривать уступчик
подноготный ни к чему
дальше бездна почемучит
свет берётся то ли в тьму

пропадаю – карколомок
вниз по времени в просвет
оказалось дно знакомо
пясть вершины – и привет

наверху боюсь уснуть я
вдруг объявится вершок
мглою\мной долины поминутья
за которой – хорошо!

Татьяна Зоммер
/Москва/

Чистая лирика

* * *

чистая лирика
и сиюминутная включенность
в реальность
чайник
кипящий на снежных облаках

* * *

морская пена на языке...
дышит берег приливом
шуршит на языке песок
морская пена
запеклась
у рта бухты...

* * *

прошлое в настоящем
вмятиной
на
стекле
шепотом
прозорливого взгляда
сквозь крики
зеркал океанов

* * *

льстятся
к ногам океаны
вставший
на цыпочки
вечер
становится ураганом

* * *

все книги
написаны
вилами на воде

прочитать на воде
выловить книгу
во-время

* * *

круги на воде.
плывут вековые кольца
деревья выходят на сушу...

* * *

закрученные потоки в сердце
сердце создает копию
смерти нет - поцелуй длится

* * *

двойник – искусство
глядя в себя
проникать в Лету

Глазами воды

Трактат

Снег видели не все, но снег дается каждому. Все пробуют его на вкус – родник воды хрустально чистой. И школьник знает три ипостаси снега. Снег – убитый сединами старец-Бог, свалившийся с неба, покрывший

Землю-Марию. Вода – таинство крещения и причастия к идущему по воде Христу, растаявшему святой водой, пролившейся сквозь руки креста. Пар – святой дух вознесшегося святой водой Христа, отправившегося обратно к Отцу-Богу-Снегу.

Не каждый сможет отличить на вкус, продегустировать, понять букет воды и разложить на составляющие белый свет – цветами устилающий снег белый. Но снег дается каждому.

Как хочется сказать: я раньше вас попробовал на вкус воды снежинку...

Гадать по снежинкам легко и сложно одновременно. Всё как в трактате «О шестиугольных...» – абсолютно выверенная форма, чистота и прозрачность распустившегося кристалла. Разный – только рисунок судьбо-кружев – всматривайтесь внимательнее – аккуратно вписанных в шестиугольник.

Совершенство снежинок позволяет заглянуть внутрь кристалла – содержащего в себе зашифрованное послание пространства и времени. Пространство вписано в совершенно симметричную шестипалую ладонь снега. А время... ты и не заметишь, как оно начнется и утечет у тебя на ладонях. Сквозь шесть совершенных пальцев – шесть чувств судьбоносного кристалла, раскрывшего себя, как во сне, в сне-жинке.

Как скоро-течны мысли: снег на ладони – белые-белые с-тихо-стихи. Шестиугольниками вписанные в пространство, цепляющиеся ускользящими гранями друг за друга как мягкие шестерни механизма всеобщей жизни – большой белой книги, написанной на воде. Перетекающие из вечности в вечность мысли живой природы, застывшие в рамках минутных снежинок...стекающе тают сквозь пальцы только-только взглянувшие в душу открытыми истинами – капающими с ладони глазами воды.

Ольга Андреева

/Ростов-на-Дону/

Оставаясь водой

Ливень в Ботаническом

Вот так рождаются потоки -
взбухают вены, искривляясь,
по кочкам, впадинам, прорехам -
им всё понятно от рожденья,
безукоризненная точность
иных путей не оставляет:
по хаотичному рельефу -
куда диктует притяженье.

Мы здесь взрослее ясных линий,
шестого чувства, интуиций,
перешагиваем обух плетью -
когда на миг снисходит точность
прозрачной тайны Метерлинка,
потоку не остановиться,
и судорога междометий
рождает вязь корявых строчек

Такое в жизни сплошь и рядом,
я не поддамся, буду гадом
осклизлым слизывать с ограды
Твоё пролившееся млеко,
меня подхватит – в эту реку,
и конь – сквозь грохот – чёрно-синий.
Восходят на свою Голгофу
кресты высоковольтных линий.

* * *

Откуда столько влаги – в январе?
Картина дня слегка стекает влево,
и дюжина сосулёк во дворе
прекраснее подвесок королевы.

На водостоке звёзды изо льда.
Изольда перестала ждать Тристана –
что делать, если талая вода
сюжеты размывает неустанно.

* * *

Воды – не твердь, не голь,
не рябь, не топь, не выть –
скольженье глаза вдоль,
спасенье от травы,
лекарство синевы,
летальный сон глубин,
и колыбель плотвы,
и кладбище лавин,
забытый код судьбы,
среда метаморфоз
от хордовых рыбин
до радужных стрекоз.
Разуйся – и иди,
покорный лишь тому,
кто в зеркало глядит,
сплетая свет и тьму.
Кто в зеркало глядит?
И видит ли насквозь
и зазеркалье рыб,
и заресничье звёзд?
Несёт своё тепло
сквозь вечный холод лет,
и поглощает плоть,
но отражает свет,
на равные углы
деля прозрачный шар.

В тени угрюмых глыб,
не медля, не спеша,
тот лодочник плывёт,
бесстрастный, как диод,
сквозь абсолютный лёд
по вечной жизни вод.

***

Простой и вечный – в генокод записан
закат над морем – где мне удержаться?
Уловлена. На этом мокром пирсе,
на облаках – нечитанных скрижалях –
оно пройдёт, оно уже проходит,
твоё земное, - так не стой, иди же,
волна всё смоеет, время перепишет
твой черновик – но чайки нервный хохот,
упругость гальки – цепко держат взгляды,
и годовые кольца свежих срубов
так ждут руки, твои шаги – награда
для волнорезов варварских и грубых.

Увы, мы предсказуемы. Сверяйте
все даты и законы, сны, приметы –
всё сходится. Всё будет повторяться
в веках – и так до будущего лета,
пока опять пронзит – и ток по мозгу,
и станет львом верблюд, а лев – ребёнком*
с волшебной флейтой, и на голос тонкий
пойдёшь по недостроенному мосту.

* Из Ницше

Владимир Алейников
/Москва/

Раковина

Лишь в дожде

Обо всём забывшие совсем,
По дождю мы больше не тоскуем –
Он и сам смущается затем,
Что простор даёт излишний струям,

Что свободен выбор у него
И довольно времени в запасе,
А ещё – не надо ничего,
Что любой прощается прикрасе.

Хризантемы дымкой заволок,
Чтобы флоксы пахли посильнее,
Завязал на память узелок, –
Значит, утро стало мудренее.

И не стал мгновенья ворошить –
Их-то в жизни как песку морского, –
И, глаза успев запорошить,
Ты и сам в опале у мирского.

Почему, черту переступив,
Открывая запертые двери,
Лишь в дожде я чувствую мотив
Колокольцем дрогнувшей потери?

Звук-отшельник в раковине дня,
Точно семя в яблоке осеннем,
Отзовётся в сердце у меня –
И ему обязан я спасеньем.

Светляки

Нам не вспомнить, зачем в ночах
Появились они из детства,
Отягчая плечей размах,
Точно призрачное наследство.

Потаённой соседства птиц,
Засыпавших в кустах и кронах,
Белизна изумлённых лиц
Отражалась в очах влюблённых.

И на платьях, жасминно-бел,
Цвет неистовой пел в объятьях,
Чем представить восторг умел,
Захлебнувшийся в восприятиях.

Смысл событий и суть вещей
Открывались во мгле кромешной,
Где поспешность была плащом
Неизбежной любви прибрежной.

Восставали за валом вал,
Исступлённее мела в черни, –
Там на воле давали бал,
Домогались земли дочерней.

В море гул оставался цел,
На земле исцеленья ждали –
И тогда я взглянуть посмел
На открытую сцену дали.

Там сверкала призывов тьма
И мерцала надежд армада –
И сводили меня с ума
Светляки на подмостках сада.

Их теперь не найти нигде –
Заблудившись в иных канунах,
Топят девы в ночной воде
Ярый воск отражений лунных.

Перед дождём

Словно думы титанов, клубятся вблизи облака –
И вершины дерев, отрешённо, как тени героев,
Уходящие вкось, ждут подземного, может, толчка,
Чтоб по струнам ударить, прозрачные лиры настроив.

Назревающий дождь, будто медленный гул в небесах,
Иступлённо дыша, надвигается вширь и бормочет
О какой-то отсрочке, кукушкой на старых часах
Прокричавшей о жизни, – и, кажется, спрятаться хочет.

Чьи-то веки, пожалуй, давно уж пора приподнять –
Как томительно лето! – подобно младенцу в купели,
Ощущает крещение – и всё-таки хочется спать,
Всех, как есть, позабыть – и вернуть, чтоб опять надоели.

Как упрямы слова! – не напрасно им в мире дано
Принимать наяву на себя и хвалу, и удары, –
Приоткрытое плещет зеркальной створкой окно –
И неведомым зельем давно переполнены чары.

Выпей с нами, истец, за великую сущность миров!
За высокую связь поднимай свою рюмку, истица! –
Вьётся птица вдали – и обрывок пространства суров,
Как изнанка холста, где иглы затерялась частица.

Как любви ни таи, непредвиденно вспыхнет она,
Как себя ни казни, всё же вспомнишь порой о хорошем –
Соглашайся же с ночью за то, что надменно темна,
Примирайся же с утром за то, что ты солнцем не брошен.

О. скажи мне, скажи – чьё обличье в окне узнаю?
Не Медуза ли там? – потому-то в жильё человечьем
Так нам дорог уют, о котором невольно пою
И бальзамом которого раны сердечные лечим.

После дождя

Глубинный запах от земли,
Столбы седые испарений,
Холмы лиловые вдали,
Куда избранники брели
Из мглы каштанов и сиреней.

Кому бы нынче рассказать,
Что дождь всю ночь гулял по саду?
Какой бы узел развязать,
Какие свитки в руки взять,
Чтоб осознать его прохладу?

Жара не в силах наверстать
Того, что прежде упустила, –
И вот, изгнаннице под стать,
Рыдать не может перестать –
Она обиды не простила.

Кукушка голос подаёт,
Играет иволга на флейте,
И день взволнованный встаёт –
В нём каждый дышащий поёт –
О неумехах пожалейте.

Кружится бабочек чета
Над огурцами и фасолью, –
Неумолимости черта,
В темнице мнений заперта,
Давно тоскует по раздолью.

И сердоликовый простор
Примет и слёз, корней и граней,
Уже пройдя сквозь птичий хор,
Восходит прямо на костёр
Во имя новых испытаний.

MURI IN ANGUSTIA TEMPORUM

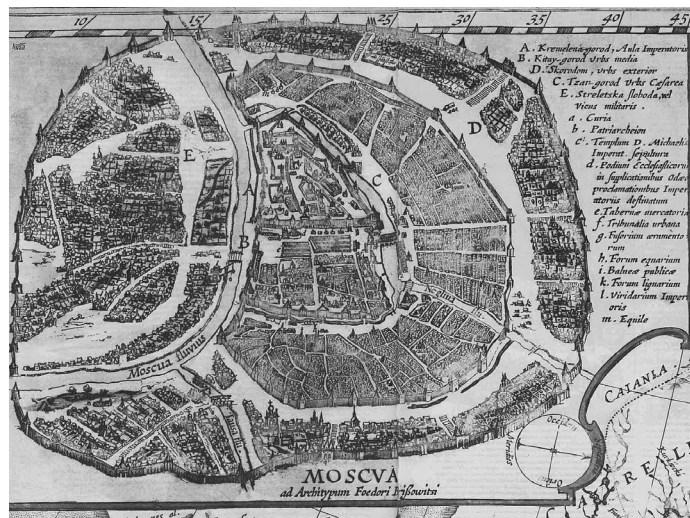
* * *

А там и по давню течёт межевая вода...
Ты сам себе Дант и убожество – еже писах...
Наверно, второе, а может быть, просто – среда,
и стрелки стригут насекомое время в часах.

Оторванное ощущение. Хлеб на полу.
Раздёргана пряжа, Эллада до дыр прожита.
Слабо себе каяться, сидя в бездомном углу,
где всё здесь чужое, и стоит любви нищета.

МЕЖЕВАЯ ВОДА

Когда вечереет, и даль произвольно тиха,
прогноз безупречен и нем, но местами тепло,
в Айове иллюзий твоих зацветёт чепуха,
в моём захолустье обсыплется с окон стекло.

Не Понтий Пилат и не пешка стоят у креста,
измена букварна и, может быть, даже горька.
Смешней называть или строфы морочить спроста,
но есть ещё голос, изустно невнятный пока.

Не всё ж понарошку в условиях детской игры:
Висим – это дым, то есть дом – ни кола, ни двора...
Как наискось взглянешь обратно вдоль данной горы –
высокая осень, и мне умирать не пора.

Евгений Туренко

Екатерина Садур
/Берлин, Германия/

Праздник Старух на Море

I - ЗЕЛЕНАЯ БЕЗДНА

– Рябина да – водка, вот тебе и вся настойка рябиновая, – сказала старуха. – Прямо в бутылку рябины насыпают и оставляют в темное место. А клюква с водкой – настойка клюквенная.

– А на черемухе бывает?

– Бывает, – кивнула старуха. – Бывает на фруктах, на ягодах – одинаково хорошо...

Водка да рябина. Закусывали мы в подъезде рябиной. Сначала горечью водки наполняли рот, простудной, сиплоголосой горечью, а потом – рябиной.

Рябиновая горечь смягченная, бархатистая.

Поздняя осень стояла на «Пражской» за подъездным окном, но заморозков не было. Осень стояла, покачиваясь на ветру, срывая последние листья с мерзнувших веток. Листья сохли и корчились. Те, у которых приподнимались края, напоминали лодочки или грецкие скорлупки; у многих края приподнимались так, что лист закручивался в свиток, остальные лежали распластанные. Сохли, если было сухо, гнили, если было мокро.

Старухи уже не выходили от холода, сидели у окон на кухне, высматривали на улице красный платок почтальонши, разносившей пенсии по девятым числам.

– Опять нет надбавки?

– В следующем месяце обещают, – привычно отвечала почтальонша.

– Сама давно на пенсии, а все по квартирам ходишь.

– Хожу, пока ноги носят. Сейчас на пенсию не проживешь.

– Жизнь дорогая, – вздыхала старуха.

– Смерть дешевая, – отвечала почтальонша.

– Не посылает Бог смерти.

– Не посылает...

И обе замолкали. Почтальонша уходила в тоске, старуха оставалась тосковать.

Старухи тоскуют оттого, что им близко умирать. В юности они думали, какая будет жизнь, в старости – не сколько осталось жить, а сколько осталось до смерти дней, ночей, недель, в которые слились длинные дни и ночи. Старухи не знают юности, они забыли, что она у них была.

У стариков должна быть общая одежда, но не одна на всех – ты поносила, а теперь моя очередь (старики любят донашивать), – а специальная одежда без признаков пола. Наряди старика в юбку и вытянутую кофту, а старуху наряди в помятые брюки, в несвежую майку в желтых пятнах табачных плевков и в пиджак такого пошива, который скроет ее впалую грудь, – и все решат: вот идут старик и старуха, и никто не подумает, что ранним утром, трясясь и кашляя, они перепутали одежду.

Вот о чем я думала, пока выписывала осень. Осенью я еще помнила лето, но постепенно память о нем засыпала, а если вдруг пробуждалась, то резко и неожиданно от случайного звука или запаха. От свиста электрички на станции Покровское я вспоминала поезд «Москва–Симферополь» с душными остановками по дороге в Крым, когда весь городок выстраивается вдоль перрона продавать кефир и минеральную воду в проносящиеся поезда, а ближе к югу – ведрами предлагать алычу и абрикосы. Но остановки настолько коротки, что только и успеваешь спросить: «Почем?», как поезд трогается, не дослушав ответа. До конца перрона тянется желтая полоса старушечьих ног в стоптанных тапках, и ситцевые подола, спрятав колени, нависают над ведрами фруктов.

А нашим старухам некуда выйти с кефиром, в Москве кефира не надо, поэтому с утра они садятся по переходам метро просить надбавку к пенсии, а к вечеру возвращаются в маленькую квартиру на «Празжской».

Запах после дождя, особенно вечером, в теплую погоду, говорил о том, что вот-вот начнется море, а близость сада и железной дороги и даже иногда случайный плеск воды еще раз подтверждали предчувствие. Но море все никак не начиналось, один только машинист в пустой электричке объявлял: «Станция Красный Строитель».

На «Празжской» в соседнем подъезде жила старуха Раиса Ивановна. По теплым дням внучек Ромочка выносил ей табуретку на улицу. Она сидела среди других старух и рассказывала, как стала старая, как ноют ноги и что без боли она уже и шагу ступить не может, а ей хочется на пруд или на

рынок у метро – купить букетик астр и поставить на кухне. У нее был сын, он напивался от тоски, тоскуя, бил мать и спрашивал:

– Где настойка на рябине?

– Ты вчера докончил, – отвечала старуха, прикрывая лицо.

– А смородиновая где?

– В шкафу на полке...

Сын доставал смородиновую, но тоска не проходила, и ему снова хотелось бить старуху, но уже не из-за смородиновой, а просто от пустоты.

Девятого числа каждого месяца старуха шла в магазин «Продукты» и покупала два пакетика карамели «Сюрприз», один для сына, другой для Ромочки.

Мне было одиннадцать лет, и моя бабка посылала меня в магазин за хлебом и кефиром и заставляла покупать кефир для старухи.

– Раис Иван-на! – торопливо кричала я, подходя к окну.

Она бралась руками за решетку, вытягивалась вперед, вжимаясь лицом в железные прутья, и благодарила за кефир. Руки у нее были бы красивыми, если бы не старость. Пальцы казались тонкими и легкими, но вспухшие вены и желтая морщинистая кожа делали их страшными.

– Может, зайдешь на минутку? – каждый раз просила старуха. – Я же на первом этаже живу. Невысоко.

И мне приходилось заходить. Мы сидели молча. Иногда старуха говорила:

– Топят еле-еле. А погода, видишь, как скачет? Тяжело для здоровья, милая, ох как тяжело! Ну что, много вам в школе задают?

Часто в магазине «Продукты» я встречала Ромку. Он покупал для отца портвейн и сигареты. Я никогда не думала о нем, даже не замечала, какой он, и только однажды случайно разглядела.

Был конец февраля. Снег уже местами стаял, показав свалевшуюся прошлогоднюю траву. Ромка бежал вдоль пруда с Митей Козликом и еще какими-то дворовыми, которых я не знала по именам. Их лица были угрюмыми, скучными, и только Ромкиного лица я никак не могла увидеть. Он смотрел на Козлика. Они бежали позади всех.

– Прилагательное – это то, что прилагается к существительному, – объяснял Козлик на бегу, – и отвечает на вопрос «какой?». Понимаешь?

– Ты только не смейся, Митя, над тем, что у меня случилось, – сказал Ромка и вдруг остановился. Он снял сапог и следом стащил носок с дыркой на пальце. Он был одет в теплую куртку, школьные штаны, зимние сапоги.

Вернее сказать, он остался в одном сапоге, а другой держал в руках. Он был весь закрыт от меня одеждой, и только его лицо, кисти рук и ступня, с розовой потертостью на мизинце, остались открытыми. Зимой у всех видны только лица и ладони, а если вдруг где-нибудь в метро среди зимы случайно приподнимется рукав, открывая бледное запястье, и дальше поползет к локтю, то уже невольно все взгляды вагона обовьются вокруг этого запястья и вдоль прожилок потекут за рукав. Поезд трясется под землей, и чья-то слабая рука ухватилась за поручни, спасаясь от тряски, и серолицые, унылые не сводят с нее глаз. А тут над осевшим снегом он держал голую ногу, и из распахнутого ворота куртки торчала тонкая шея.

– Больно? – участливо спросил Козлик.

– Что, не видишь, шкура лопнула?

– Вон устала, – показал Козлик на меня.

Ромка тут же обернулся, он думал, что я буду смеяться. А я думала, что вот белый снег острого холода и над ним – его ступня теплой белизны.

– Иди давай! – крикнул Ромка.

Но я не пошевелилась.

– Что встала? – подтянул Козлик. И даже дворовые где-то далеко впереди остановились и смотрели на меня.

– Влюбилась? – кривенько усмехнулся Козлик. – Эй, Ромыч, она влюбилась!

И тогда я засмеялась:

– Назаров, у тебя нога как простокваша!

– Что-то она говорит? – переспросил он Митьку.

– Что ты разул свою простоквашу? – крикнула я. – Простокваша ты разутая!

Он хотел побежать за мной, но наступил голый ногой на снег и обжегся холодом. Я отбежала в сторону и стала притопывать и приплясывать на месте, показывая, как ходит Ромка по снегу в одном сапоге.

– Сейчас получишь! – крикнул Козлик, оскалив тонкое личико. – Ох как ты сейчас получишь!

Тогда я совсем развеселилась. Я стала приседать и кричать:

«Ме-е-е, Козлятина, ме-е-е!», изображая Козлика, и Козлик за мной побежал. Он бегал очень быстро, и я думаю, что он бы с легкостью нагнал меня, если бы по пути мне не встретился подъезд старухи Раисы. Я вбежала к ней в квартиру, даже не позвонив, потому что она забыла закрыть дверь, и следом за мной влетели Митька и Ромка.

– Это мой дом! Мой! – кричал Ромка.

– Пошла отсюда! Пошла! – привизгивал Козлик.

А старуха Раиса сидела на кухне у батареи. Она включила газ для тепла, все четыре конфорки, и поставила чайник. Чайник давно кипел, и пар оседал на оконных стеклах. Она крошила хлеб в коробку кефира, неряшливо ела и плакала.

– Спасите! – крикнула я, протискиваясь между ее табуреткой и батареей. – Помогите! Они преследуют меня ни за что ни про что! – Но по пути успела выключить чайник.

От неожиданности Ромка с Митькой замерли в дверях.

– Вон! – сказала старуха мальчишкам и тонким пальцем указала на дверь.

– Да она... – начал было Ромка.

– Пойдем, Ромыч, – подтолкнул Козлик и незаметно, из-под полы куртки показал мне кулак.

Мы остались со старухой вдвоем. Она доела хлеб, разбухший от кефира, и выпила жидкие остатки со дна коробки. По подбородку белой полоской потек кефир, но она не заметила.

– Вкусно! – улыбнулась она и посмотрела на меня в упор серыми свинцовыми глазами. Мы замерли.

Я думала: она видит меня насквозь. Она знает, что я ее обманула. Сейчас она спросит у меня, почему я убежала от Козлика и от ее любимого внука, и что я ей отвечу?

Старуха не сводила с меня круглых выпуклых глаз. Она следила за каждым моим движением и вдруг вытащила пластмассовую челюсть изо рта и подала мне.

– Вот, положи в стакан, – прошамкала старуха. Размокшие кусочки хлеба прилипли к коричневым зубам. Я оглядывалась в поисках стакана, но старуха неожиданно передумала.

– Дафай-ка луше погофорим, – вставила челюсть обратно и опять пронзительно уставилась на меня. Мы молчали.

– А ведь и я молодая была, – сказала она наконец.

– Когда? – услужливо спросила я, думая, что бы мне рассказать про Ромку и Козлика так, чтобы походило на правду.

– Шестьдесят лет назад, – ответила старуха – Я была хорошенькая, только росту не очень высокого. Такая хорошенькая, что меня называли Куколка. Лицо круглое, на щеках ямочки, глаза – на пол-лица и мелкие кудряшки! Не то что сейчас! – Она вытянула клоч седых волос, намотала на палец и строго спросила: – Не веришь, что я была красивой?

– Не верю, – машинально ответила я.
– Это ничего, – засмеялась старуха. – Вот станешь такой, как я, тогда поймешь. Меня называли Куколкой, а я, глупая, обижалась. Ку-кол-ка. Повтори!

Я послушно повторила.

– Вон дождик пошел, – вздохнула старуха. – Самый первый в этом году. Совсем мелкий. Едва моросит... Грустно мне, грустно... Сейчас все старики грустят. Жизни-то совсем не осталось, уж скорей бы конец!

Я давно перестала ее бояться, и даже ее руки больше меня не пугали.

Точно так же я перестала ее жалеть.

– Ну как Раис Иван-на? – спросила бабка, когда я вернулась домой.

– Хорошо, – ответила я. – Хочет умереть.

Иногда она снилась мне во сне. Как будто я иду к ней с подарком: каждое воскресенье моя бабка посылала ей селедку; она отламывала голову, а оставшуюся часть проворно выедала до хвоста. Мне снилось, как она сидит над селедкой, трясет головой и укоряет меня:

– Не жалко тебе меня, не жалко! – И тяжелые прозрачные слезы бегут по ее лицу, наполняют до дна каждую морщинку, переливаются через край и стекают с подбородка. – Старая я стала, никому совсем не нужна. Что же ты совсем не приходишь ко мне, не говоришь? Ты геометрию сделала?

Однажды в мае нас повели в бассейн. И параллельный класс, где учились Роман и Митька, тоже повели. Нас всех выстроили парами, мы держали в руках целлофановые мешочки с купальниками, полотенцами и резиновыми шапочками.

У нас в классе училась второгодница Женя Дичко. Она была из детдома. В десять лет ее взяли на воспитание дальние родственники. Она говорила «че?» вместо «что?», и когда к ней обращались даже по пустяку, она всегда недоверчиво отвечала: «Тебе чего? Чего надо? А, понятно!» Хотя ничего ей было не понятно. Когда она пришла к нам в класс, маленькая Галя сказала:

– В детдоме всех детей бьют воспитатели.

– У нас был очень хороший детдом, – горячо ответила Женя. – У нас почти не били, а если били, то только за дело!

– А это что? – спросила Галя. – Откуда у тебя этот синяк?

– Это меня мамка моя, тетя Маруся, поколотила, – тут же объяснила Женя. – За дело, конечно. Я кефир на коврик в коридоре пролила.

У нее были толстые вывороченные губы и широкие плечи. И сейчас, когда я вспоминаю эту Женю Дичко, я даже точно не могу припомнить ее

лицо – просто дрожащие губы и косая сажень в плечах. И эти дрожащие губы выговаривали в тоске: «Мои родители не любят меня! Они мной тяготятся!» Я привыкла слышать от нее только: «Ну че! Ты смотри у меня!», а тут вдруг это «тяготятся», сорвавшееся с языка и на всю жизнь надорвавшее мне сердце.

В душевой перед бассейном Женя Дичко стояла под струями воды – широкая, в крупных родинках, и ее уже почти совсем по-взрослому развитая грудь подпрыгивала после каждого шага. Взрослое и детское все еще боролись в ее широком теле, и эта борьба из ребенка превращала ее в подростка.

Превращение казалось мне уродливым, и я все слышала, как с ее толстых губ срывается: «Они тяготятся... тяготятся...» – и передергивалась.

Женя Дичко надела купальник, белый в черную клеточку, с пластмассовыми чашечками,вшитыми на месте груди, разбежалась по кафельному полу, прыгнула в бассейн и поплыла баттерфляем. По дороге она нагнала Митьку Козлика и отвесила ему крепкий подзатыльник. Митька нырнул с головой и хлебнул воды.

Женя захохотала.

После бассейна Женя Дичко подошла к двери в раздевалке, я всегда думала, что там стенной шкаф для забытых вещей; но она молча припала к замочной скважине.

– Ну ты того, – сказала она мне. – Иди, посмотри!

Я нагнулась и увидела соседнюю душевую и пар от горячей воды. У окна стоял Ромка-Простокваша совершенно голый, с длинным полотенцем на голове.

Рядом прыгал Митька, засовывая ногу в штанину школьных брюк. Оба они были бледные, худые, и точно так же детство в их телах боролось с юностью, и юность побеждала – с хрустом раздвигала в стороны плечи и вытягивала ноги.

Все. Их тела были уже не детскими и совсем не такими, как у девчонок.

– Ну и что? – сказала я.

– Ты че, не понимаешь, что ли? – засмеялась Женя Дичко. – Хочешь, с улицы подойдем к окну, спрячемся в кустах. Там их душевая как на ладони.

Но мне стало стыдно Жени Дичко, мне не хотелось толкаться с ней под окнами. Я представила, как Ромка перед маленьким зеркальцем расковыривает прыщик на своем красивом лице, а Женя Дичко смотрит из кустов, отодвинув зеленую веточку.

– Ну, Зоя, ну пойдём, – тянула Женя, через каждое «ну» все настойчивее и настойчивее предлагая мне свою дружбу. – Пойдём, Зоя, а то я так боюсь одна!

Назавтра я сама подошла к Ромке.

– Знаешь что, Простокваша, – и вытянула руку. На запястье у меня висели синие стеклянные бусы. – Это тебе. Носи на здоровье.

Надо сказать, что эти бусы в детстве мне отдала бабка. Я сидела в ее комнате, и она раскладывала на столе свои украшения из полиэтиленового мешочка, который она прятала в старых штопанных чулках. У нее было несколько золотых колец, одно даже с маленьким бриллиантом, но мне они не нравились.

Они казались мне плоскими и мутными, такими же, как серьги в бархатных коробочках.

Мне нравились бусы. Яркие стеклянные бусы в несколько рядов – красный, синий, фиолетовый. Я плакала. Я умоляла бабку отдать мне эти бусы. Обещала хорошо учиться. Но бабка была неумолима.

– Куда ты в них сейчас? Отдам, когда вырастешь!

Но был еще один мешочек с порванным ожерельем. Синие стеклянные бусинки раскатились по дну и светились даже сквозь мутный полиэтилен. Бабка отдала мне этот мешочек.

– Нанижи на нитку и носи на здоровье!

Но я не стала низать их на нитку, я просто любовалась на них, не развязывая мешочка, а потом потеряла среди игрушек. И нашла через несколько лет, в мае, вернувшись из бассейна.

– Пусть все, что я захочу, сбудется в жизни, – загадала я и продела нитку в самую большую бусинку. И дальше нашептывала на оставшиеся маленькие:

– Будет со мной, будет моим. Будет со мной, будет моим!

– Но ведь я же не девка, чтобы безделушки носить, – удивился Ромка, снимая ожерелье с моей руки. – Все равно возьми, – сказала я. – Пусть у тебя лежит.

Ночью мне приснилась старуха Раиса Ивановна. Она манила меня тонким длинным пальцем, но я не шла. Тогда она стала им грозить. «Смотри у меня, – говорила она, – смотри! Я теперь поняла, зачем ты приходишь ко мне каждый день с хлебом и кефиром! Так ты не для меня стараешься, да? Ты зачем моему внуку подарила заговоренные бусы? О, я теперь поняла твою доброту ко мне! Теперь-то я наконец раскусила, зачем ты приходишь и зачем ты подглядываешь за ним!»

Наутро в воскресенье я должна была нести ей кефир и селедку, но я боялась.

– Милая моя, – сказала старуха и заплакала, когда я все же протянула ей пакет с кефиром сквозь прутья оконной решетки. – Только ты обо мне и заботишься! Я им не нужна, не нужна, ни сыну, ни внуку...

Но мне слышалось совсем другое.

– Я все знаю, все, – казалось мне, шепчет старуха. – Ты заговорила бусы, заговорила... Ты страшная, темная ты! Ты только хочешь казаться добренькой. Я тебя разгадала...

– Ты сделала уроки? – привычно спросила старуха.

И я, радуясь вопросу, ответила:

– Нет, даже не садилась.

И тут же попросилась домой, но старуха не пустила.

– Я хочу умереть, – сказала она мне через решетку.

– И я тоже хочу, – ответила я, но она не заметила.

– Тошно мне, тошно. Старая я стала, глаза не видят совсем, ноги не ходят. Знаешь как без глаз плохо? А без ног?

– Я хочу умереть, – снова повторила я.

– Да что ты, милая, да что ты! – замахала на меня старуха. И я пожалела о сказанном. Я не хотела ее пугать. С раннего детства во мне что-то ныло, не переставая, иногда я забывала об этом, но с годами ощущение усиливалось настолько, что порой я не знала, куда от него деться. Я думала, что старуха расскажет мне о смерти. Но она ничего не знала.

Знала только Галя. Я встретила ее сразу же, как вышла от старухи.

Старуха выплакалась досуха, до дна. Ее глаза покраснели и остро поблескивали на маленьком круглом лице. Губы подпрыгивали и шепотом выговаривали наши имена. Старуха неотрывно, пронзительно смотрела на нас в окно первого этажа.

– Побегаем? – предложила Галя и побежала, не дожидаясь ответа. Я побежала за ней. Галя была маленькая, ниже меня на голову, и я думала, что вот-вот нагоню ее, но, когда я протягивала руку, чтобы схватить ее за розовый шарфик в коричневую клеточку, она резко отскакивала в сторону и удивленно оглядывалась на меня. Она смотрела так, как будто бы мы вовсе не договаривались бегать и она удивлялась, почему это я ее преследую.

– Ты что, Галя? – спросила я и остановилась.

Тогда она тоже остановилась и снова предложила:

– Побегаем?

И мы снова помчались, заглатывая на бегу пыль Варшавского шоссе. И вдруг мне показалось, что она куда-то ведет меня. Мы бежали к Чертановским прудам. Когда я выдыхалась и мне становилось тяжело, она останавливалась поодаль, поджидая меня, но, как только я приближалась, она сразу же бросалась бежать и снова удивленно улыбалась из-за плеча. У нее было маленькое кукольное личико, но не хорошенькое личико немецких кукол из магазина, а неподвижное лицо пластмассового пупса с круглыми серыми глазами, круглым ртом и желтыми кудряшками, падающими на глаза. И вдруг я поняла, что мы с ней как-то связаны, и бежать за ней стало не весело, а жутко.

Галя скрылась в подъезде высотного дома. Сразу же, как я вбежала за ней, на лестнице погас свет.

– Поймай меня, – позвала Галя с верхней площадки.

Я медленно поднялась по ступеням, остановилась на той площадке, откуда доносился ее голос, и прислушалась. Из угла раздавалось сдавленное хихиканье и сверкнули два круглых глаза. Я тут же вытянула руку, но поймала пустой воздух.

– Обманула! – засмеялась Галя сверху.

– Ах ты дрянь! – разозлилась я и побежала по ступенькам.

Но следующий этаж снова был пуст.

Я пробегала этаж за этажом и все никак не могла ее догнать, а когда звала ее, она не откликалась. Иногда я останавливалась передохнуть, в доме было двадцать четыре этажа; и я бы просто не смогла пробежать их разом. Во время остановок я думала, что Галя давным-давно спустилась вниз, незаметно прошла мимо меня в темноте и выбежала на улицу. Но тут же откуда-то из угла раздавалось придушенное хихиканье, и я поднималась все выше и выше.

– Ты что, видишь в темноте? – наконец не выдержала я.

– А ты, что ли, видишь? – ответила она откуда-то сверху.

– Я не вижу.

– И я не вижу.

Больше она не откликалась.

Наконец я увидела узенькую полоску света. Она лилась из приоткрытой чердачной двери, и я обрадовалась ей, как избавлению. Я открыла дверь и через окно вылезла на крышу.

Крыша была пуста. Одни только трубы и провода, натянутые между телевизионными антеннами. Я думала: дойду до самого края и посмотрю вниз.

Дул ветер, и мне приходилось нагибаться вперед, почти ложиться на его холодный пронзительный поток, потому что так было легче ему сопротивляться.

И вдруг я увидела Галю. Она стояла ко мне спиной, но потом оглянулась, подняла свое зыбкое лицо и сказала:

– Ох и долго же я тебя жду!

Но я ничего не ответила, я бросилась к ней. Но она тут же отбежала на край крыши и сделала «ласточку».

– Поймай меня! – крикнула она, заглушая ветер.

Она смотрела вниз, ее мелкие кудряшки свесились с лица и потянулись к земле. А я боялась подойти.

– Вернись назад, – попросила я. – Я тебя простила.

Тогда она удивленно посмотрела на меня:

– Но ведь я же перед тобой ни в чем не виновата.

– Не виновата, – повторила я. – Ты разобьешься насмерть!

Галя раскачивалась на самом краю крыши. От ветра ее платье взлетело вверх и закрыло лицо.

– А смерти нет! – крикнула она.

– Как это нет? – поразилась я, приближаясь к краю. – Старуха в четвертом подъезде умерла, а за ней старик. Ты помнишь их гробы? Такие красные с крестами на крышке. Их увезли на кладбище и зарыли в землю.

– Ну и что? – засмеялась Галя, убегая от меня по краю крыши. – А ты знаешь, что они там делают под землей?

– Они гниют.

– Ну и что?

И дальше я не успела ее расспросить, потому что она нагнулась и крикнула вниз:

– Ромка! Простокваша!

И тогда я подбежала к краю – посмотреть, но тут же отпрянула. Я никого не увидела: одна только зеленая бездна ахнула мне навстречу, взглянула глазами-листочками из палисада. Два синих пруда, как огромные ученические очки, лежали на дне в черной каемке песка. И еще что-то темное, свистящее мелькнуло на миг и тут же спряталось в тень от деревьев. Это темное выглянуло из другого мира, о котором я смутно догадывалась. И вот сейчас, когда все мои догадки и предчувствия уже готовы были открыться, я испугалась.

– Простокваша! – снова крикнула Галя, нависая над бездной.

Но ее пронзительный голос так и не достал до дна. Дул сильный ветер, и ее крик отнесло на соседние крыши. Высоко над крышами пронесся ее крик, а внизу, со дна бездны, синеглазо следили пруды. Смотрели за полетом.

– А сынок-то мой как будто бы не один, – рассказывала мне старуха и мяла клубнику столовой ложкой в тарелке с молоком. И я сразу подумала, что у него завелась тайная любовь, которую он скрывает. Но старуха сказала: – Мне кажется, что в нем притаились два человека. Он когда трезвый, то такой добрый, ласковый, даже шутит со мной. А как напьется, то сразу же как зверь.

И откуда в нем такое берется? Я настойки всю жизнь делала. Настойки и наливки. Я не знала, что они его погубят. Он еще мальчишкой таскал их с кухни. Так и пристрастился. Два человека в нем, два... – Старуха заплакала.

– Но сейчас я вижу, что второй, злобный, прокрался в него трезвого... Он глядит на меня трезвый, и я вижу – хочет ударить. Руку заносит, но не бьет, а чешет затылок...

Я верила ей, каждому ее слову. Она точно так же двоилась в моем сознании, и точно так же в ней явной проскальзывала старуха из снов.

– Ты зачем внучка Простоквашиной зовешь? Ему это обидно, – говорила она с укором, а мне казалось, что с угрозой.

Я клялась, что больше не буду, но каждый раз, когда встречала его, не могла удержаться и кричала вслед: «Простокваша!», а потом забывала о нем, и он забывал обо мне, зато старуха снилась мне почти каждую ночь.

– Милая моя, – сказала она мне во сне. – Я умру через три года! –

Она сложила пальцы точно так же, как дети, которые показывают возраст, и повторила: – Через три... – И мне тут же стало ее жалко. – А ты, ты умрешь нескоро... – И она засмеялась, снова испугав меня. Через три года Ромка стал носить мои бусы, но в мою сторону даже не смотрел. Он, наверное, забыл, что это я их ему подарила. В нем по-прежнему боролось юное и детское. Детство ненавидело юность, ревновало и наперекор выступало прыщичками на лице, а юность в ответ превращалась в пух над верхней губой. Митька Козлик стал сутулым и сиплоголосым, и на него я даже не смотрела.

У метро «Пражская» бродили подростки Женя Дичко и Галя Бабич. Они ходили от рынка к пивным ларькам, а от ларьков спускались к прудам. Я видела, что они тоже тоскуют, как и все жители станции «Пражская», короткопалая, с бугристыми ладонями Женя Дичко и тоненькая Галя в сапогах-ботфортах с красными отворотами выше колен. С годами неподвижность Галиного лица прошла, и осталось усталое личико в тонких кудряшках. Женя Дичко иногда поколачивала слабенькую Галю, а Галя в ответ огрызалась.

Летом они сидели на прудах и боязливо высматривали мальчиков. Иногда купались и уплывали дальше всех – к середине пруда, мимо домика с лебедями.

Потом шли в коммерческий магазин «Собина» смотреть на платья. А если магазин не работал, то Женя Дичко открыто курила перед витриной. Галя курила тайно.

Они не понимали, что с ними происходит.

Под нашим домом меняли трубы. Рабочие вырыли длинную канаву под окнами первого этажа. Они стояли по пояс в земле и матерились. Под землей узлами переплетались корни деревьев, особенно разрослись корни сирени. Рабочие вырывали их и выбрасывали из канавы вместе с комьями грязи. Наверху, на деревянном мостике, перекинутом через канаву, стояли второклассники и внимательно смотрели за тем, что происходит под землей.

Я сидела на кухне у старухи, когда вошел Ромка в моих бусах.

– Что ты как девка ходишь? – сказала ему старуха и длинными пальцами потянулась к его горлу. Но он отстранил ее руку.

– Мое дело.

И старуха отступила.

– Рома, не бери настойку из шкафа, – жалко попросила она.

– Я клюквенную возьму, бабушка.

– Оставь клюквенную, – умоляла старуха, – а то придет Вадим и будет меня бить.

– Он же не любит клюквенную. – И Ромка открыл шкаф.

– Да ему все равно! Он придет, ему хоть что подавай, хоть клюквенную, хоть водку. А так – пустой шкаф. Ведь побьет, точно побьет!

– Не побьет, – отмахнулся Ромка, забирая настойку из шкафа.

Старуха подслеповато щурилась:

– Оставил, родимый?

– Оставил, оставил, – сказал Ромка, уходя. А мне шепнул: – Приходи в третий подъезд.

Я стала отпрашиваться у старухи почти сразу же, как он ушел, но старуха умоляла:

– Посиди, пока не придет сын!

И мы молча сидели. А когда он пришел, то первым делом ударил ее по щеке, но не сильно и даже, я думаю, совсем не больно. Просто мокрый чавкающий шлепок. Старуха сразу же указала ему на шкаф и даже не заплакала.

И когда он увидел, что в шкафу пусто, он не стал ее бить, а только сплюнул и сказал: «Будь ты проклята, старая! Будь проклята!» Еще несколько раз повторил заплетающимся языком и ушел. Старуха засмеялась:

– Там под столом, видишь, стоит коробка с луком? Под луком на самом дне я припрятала две бутылки рябиновой. Достань их и иди!

Я обрадовалась легкости просьбы и скорому моему освобождению. Я нашла ее бутылки и выбежала на улицу. Я видела, как она позвала рабочих, возившихся под окном:

– Угощайтесь, милые!

Они сначала не поняли, о чем это она, но один все же вылез из канавы и подошел к ней. Она молча протянула ему обе бутылки в просвет между прутьями решетки и снова опустилась на табуретку. Рабочие пили прямо в канаве за здоровье старухи, подмигивали друг другу и потешались над ней, а она улыбалась им в ответ.

Было девятое число осеннего месяца. Я вбежала в третий подъезд, а там на площадке между этажами уже стояли Женя Дичко и Галя Бабич, и Ромка угощал их настойкой. Тоненькая Галя Бабич унесла кружку из пивного ларька, и он наливал им прямо в эту кружку. Я не стала к ним подниматься, и получилось, что я опять подглядываю за Ромкой.

– Почему тебя называют Простокваша? – спросила пытливая Галя.

– Я уже не помню.

– Откуда у тебя эти бусики? – спросила Женя и потянула за нитку.

– И этого я тоже не помню, – ответил Ромка, отстраняя ее широкую руку.

Я верила, что он действительно не помнит. Только я одна могла ответить на все их вопросы.

– Ты нас по очереди целуй, – сказала Галя, – сначала меня, потом ее.

И он целовал их по очереди. Сначала Галю, а потом Женю Дичко.

Было девятое число осеннего месяца. Почтальонша позвонила в дверь к старухе, но никто ей не открыл, никто не обрадовался ее красному платку.

Дверь была не заперта, поэтому она сама вошла в квартиру и привычно прошла на кухню.

– Надбавка, – сказала почтальонша. – Надбавка за все лето, за три месяца бедности. Вот, распишись здесь, – и протянула ведомость.

Старуха сидела у окна, опустив голову на руки. Под окном валялись пустые бутылки из-под рябиновой настойки. Рабочие ушли.

– Ладно, спи, – вздохнула почтальонша и сама расписалась за старуху.

И ей сделалось очень легко.

Через три дня сын с внуком отвезли старуху на Покровское кладбище.

Последний раз она приснилась мне жалкой, а не страшной, именно такой, какой была в жизни.

– Зачем тебе мой внук? – плакала она. – Оставь его, оставь...

Над «Пражской» нависли осень и сумерки.

– У Назаровых умерла Раиса Ивановна, – горевала моя бабка. – Скоро и мой черед. Скоро мы с ней, родимой, свидимся. Скоро и меня отвезут на Покровское кладбище... А ты знаешь журнал «Чудеса и приключения»? Там пишут про все небывалое, что творится в жизни, и всему дается объяснение. Вот, например, ты слышала про Николая Угодника? У одной девушки был жених Николай, и она ждала его откуда-то издалека. А был Великий Пост, Страстная Неделя. Ее мать пошла в церковь, а девушка позвала к себе гостей. Мать и говорит: «Сегодня нельзя веселиться!», но девушка не послушалась. Гости пришли и стали танцевать, а девушка осталась без кавалера. Тогда она сняла с угла образ Николая Угодника и говорит: «Коля, потанцуй со мной!» Гости ее просят: «Не надо! Поставь образ, поставь!» А она смеется: «Если Бог есть, то Он меня накажет». Только сказала, как сразу же окаменела. Стоит с иконой и не может с места сойти, а по ночам кричит: «Страшно мне, страшно! Молитесь за меня!» Ты знаешь, я ведь в этом месяце получила надбавку к пенсии. Может быть, выйдем этот журнал, а?

И я пошла на почту.

Я встретила Ромку вечером в июне, и он впервые повел меня к себе домой. Мы прошли по коридору мимо кухни. У раскрытого окна по-прежнему стоял табурет. Улицы сквозь решетку было не видно, потому что со дня смерти старухи сирень разрослась и почти полностью закрыла двор. Она закрыла двор своим цветением, потому что окно стало не нужно. Некому было в него смотреть, некому было сидеть на табуретке и выглядывать красный платок почтальонши. Кухня опустела.

– Вы больше не делаете рябиновые настойки? – спросила я.

– Отцу вот так, – и Ромка провел рукой по горлу, – вот так хватает водки. А я не умею. Да и незачем.

– Где мои бусы, Ромка? – вспомнила я. – Помнишь, такие синие стеклянные бусы?

– Они порвались.

Его комната была маленькая, красная. Красные ковры на трех стенах, и четвертая стена – окно с красными узкими шторами. Между ними оставалась щель, в которую лился красноватый вечерний свет.

– Что у тебя было с тем парнем из десятого класса? – небрежно спросил Ромка. – Он приезжает в школу с «Нахимовского проспекта». Как его зовут?

Но я ничего не ответила. Я молча легла на его постель, увидела розоватый потолок, а потом его лицо с расширенными глазами, склонившееся надо мной. Он молча стал расстегивать рубашку, и когда ее края уже совсем разошлись, показав плечи и впалый живот, и он уже совсем хотел ее скинуть, я сказала:

– Не надо. Ты знаешь, Роман, мне тебя не надо...

II - ЯЛТА

Лето долго не держится в памяти – слишком много было зимы. Я помнила прошлое лето ясно и без сожаления, а чтобы вспомнить позапрошрое лето, нужно было сделать усилие, но усилие делать не хотелось, точно так же как ничего не хотелось вспоминать.

Весной я поехала с «Пражской» в Серебряный переулок. Было начало марта – то время, когда снег еще полностью не сошел, а только глухо ухнул и черной коркой прижался к земле. Почти во всех домах форточки в окнах оказывались раскрытыми, и даже несколько окон распахнулись наружу в пронзительный, но уже весенний холод.

Я шла по Арбату мимо замерзших продавцов гжели. Они грелись у раскрытых дверей кафе. Я быстро взглянула на них, и они в ответ взглядами вцепились в мое лицо, умоляя купить расписные тарелки и блюдца. От холодного воздуха белое стекло с синим рисунком казалось прозрачным. Синее на белом – как будто бы эти маленькие безделки на раскладных столиках выпили остатки зимы вместе с холодом и ослепительным снегом.

Я прошла мимо разбитого дома, прислонившегося к Вахтанговскому театру. От здания остался только фасад с пустыми окнами без стекол, подпертый с жилой стороны огромными шестами. Казалось, что театр переходит в огромную декорацию, которая из-за своих размеров не уместилась на сцене. Я посмотрела на театр, простила глазами с продавцами гжели – они отвели взгляды, отпуская меня, – и шагнула в Серебряный переулок. В Серебряном переулке оказалось очень тихо, но не было абсолютной тишины, и даже не из-за того, что сюда врывалось бурление Арбата или до-

носились звуки проезжающих машин, а оттого, что одно из окон на втором этаже было раскрыто, но сама комната виднелась неясно – только полоска обоев, белых, в синих всполохах.

– Ты ничего не понял, – вырвался из окна голос, – ничего!

В ответ что-то зазвенело.

– Ты разбил... – послышался тот же голос. Но что именно разбил, так и осталось внутри комнаты.

Этот болезненный картавый голос, вырвавшийся в весенний воздух улицы, принадлежал моей матери...

Еще с утра бабка упрашивала меня поехать в Серебряный переулок.

– Умоляю тебя, Зюечка, – говорила она, – съезди, что тебе стоит?

Я молчала и с любопытством смотрела на нее.

– У нас кончились деньги, – и как доказательство протягивала мне пустой кошелек. – Я бы поехала сама, но ты же знаешь, как тяжело мне в метро... А потом, может быть, ты хочешь забрать оттуда свои вещи? Помнишь, ты собиралась?

– Помню, – согласилась я.

На лице бабки загорелась надежда. Она даже покраснела.

– Ну так что? – ласково спросила она.

Я засмеялась...

Я поднялась на второй этаж и позвонила в дверь.

– Это они, – услышала я голос матери, и что-то в ответ произнес голос отца, но я не разобрала что.

Она открыла дверь и встала на пороге. На мгновение ее лицо переменялось и снова стало приветливым.

– Ты? – равнодушно-радостно спросила мать. Они ждали каких-то близких друзей, потому что она была в домашних брюках и вытянутом свитере.

– Привет, Зоя, – ласково сказал отец и, не глядя на меня, прошел по коридору с осколками блюдца.

– Победаете с нами? – заботливо предложила мать, уходя на кухню. Я сидела в комнате с окном, распахнутым в переулок. С улицы долетали голоса.

– Ну как там бабушка? – нарушил молчание отец.

– По-прежнему пожирает селедку.

Его лицо передернулось, но он промолчал. Он смотрел мимо меня в раскрытое окно.

– Вы кого-то ждали? – спросила я.

– Так, друзей, – неопределенно ответил отец.

– И чем они занимаются? – снова спросила я, чтобы поддержать разговор.

– Ничем, – беспечно рассмеялся он. – Ну ты же знаешь наших друзей.

– Знаю, – кивнула я, хотя никого из них я не знала.

Я знала только, что однажды, очень давно, я жила здесь, в Серебряном переулке. Бабка почему-то попала в больницу, и мать с отцом забрали меня к себе. Я почти ничего не помнила об этом периоде жизни, кроме того, что мне очень нравилось у них жить в большой высокой комнате с темно-синими стенами, хотя в действительности они оказались светло-голубыми. Отец с матерью жили в соседней комнате, наши комнаты соединялись дверью с двумя створками, но они никогда не входили ко мне через нее, они всегда заходили из коридора, потому что эта дверь была заперта. Я пробовала смотреть в замочную скважину, но ничего не видела – в замок был вставлен ключ; зато очень хорошо слышала все их разговоры, из которых не понимала ни слова. Но один разговор я все-таки запомнила, потому что мне показалось, что речь идет обо мне.

– Послушай, а если она умрет?

– Не говори так, – попросил отец, – она моя мать.

– Я знаю, извини. Но она так тяжело больна!

– Тогда мы заберем девочку к себе, – сказал отец.

– Заберем девочку... – повторила мать, – но я не хочу! – И зарыдала.

Иногда я сомневалась, происходил ли этот разговор в действительности, или он мне приснился и я запомнила сон и по ошибке принимала его за явь, точно так же как светло-голубые стены считала темно-синими.

Несколько лет назад я рассказала об этом матери.

– У вас был такой разговор? – спросила я.

Когда я приезжала к родителям, они делали вид, что я постоянно живу с ними, как будто бы я не приехала раз в полгода с «Пражской», а просто вошла с улицы после прогулки.

– Как ты могла, Зоя? – спросила мать и тревожно обернулась к отцу.

– Как ты могла? – послушно повторил он и вдруг пытливо посмотрел на меня и сказал: – Тебе, наверное, приснилось...

Мать внесла в комнату супницу, они переглянулись с отцом, и отец пожал плечами; как будто бы она советовалась с ним, что у меня спросить, а он не знал.

– Ну как там бабушка? – наконец нашлась мать.

– Я только что рассказала папе, – ответила я.

Отец развел руками.

Мы молча обедали.

Мне было неловко оттого, что я сижу перед ними и ем их суп из фарфоровой тарелки. Им было неловко оттого, что они ждали друзей, а вместо друзей пришла я. Они чувствовали досаду, они не знали, о чем со мной говорить, и тяготились. Мы сидели друг против друга и испытывали одно и то же желание – чтобы я как можно быстрее ушла; но суп в моей тарелке все никак не кончался, и тарелка казалась бездонной.

– А как у тебя с деньгами? – поинтересовалась мать.

– Ничего.

– Я дам тебе немного?

– Дай...

Она поспешно выдвинула ящик тумбочки, достала несколько светлых бумажек и протянула мне. Я не глядя сунула деньги в карман.

– Подожди, я дам еще! – сказала мать и снова потянулась к тумбочке.

– Да не надо, не надо!

Суп в тарелке наконец-то закончился.

– Нет, ты возьми! – настойчиво, с раздражением сказал отец.

– Хорошо, папа, – послушно согласилась я, передразнивая его.

Отец с матерью переглянулись, и мать слегка покачала головой, утешая: нет-нет, тебе показалось.

– У вас холодно, – сказала я, оборачиваясь на улицу. Улица плескалась внизу, и я почему-то вспомнила тоскливые глаза продавцов гтели. Они жадно прислушиваются к говору прохожих, не спросит ли кто-нибудь у них цену за их безделки, и из-за напряжения не различают плеска улицы. – Еще даже снег не растаял, а вы распахиваете окна!

Отец поднялся и закрыл окно.

Но я уже пошла в прихожую – одеваться.

– Уходишь? – спросила мать, печалась, что улицы больше не слышно.

– Так быстро? – с легкостью подхватил отец.

– Вам жалко? – спросила я.

Я уже выходила в подъезд, но вдруг вспомнила:

– Альбом!

– Что? – хором переспросили родители.

– Мама, ты помнишь, в прошлом году, зимой, я привозила альбом с детскими фотографиями?

– Конечно, помню, – обрадовалась мать, что нашлась тема для разговора. – Он лежит у меня в тумбочке.

– Я его заберу, – сказала я. – Бабушка хотела посмотреть.

Мать принесла мне альбом, я попрощалась и с облегчением ушла. Думаю, что им тоже стало легко-легко, потому что в подъезде я услышала, как она попросила отца:

– Раскрой, пожалуйста, окно!

В ответ раздался скрип оконной рамы, и они тут же забыли обо мне.

Я спустилась в метро, дождалась поезда на «Пражскую» и только тогда открыла альбом. Все сиденья в вагоне были заняты, поэтому я стояла у дверей.

Я торопливо перелистывала страницы, мне казалось, что я ищу какую-то фотографию, но какую именно, я не знала. Знала только, что когда ее увижу, то вспомню даже не историю, изображенную на ней, а какое-то забытое, давно потерянное чувство. Меня мучило предощущение этого чувства, и я никак не могла восстановить его. Оно ускользало.

Я рассматривала старый альбом пятидесятых годов с картонными страницами. Фотографии не приклеивались к страницам, а вставлялись всеми четырьмя уголками в полукруглые прорезы. В этом альбоме хранилась разгадка, и я искала ее.

Первые страницы занимали фотографии моей бабки. Она сидела за пианино.

На голове у нее была шишка из волос, обмотанная косой, на шее – нитка жемчуга. Все фотографии были приблизительно одинаковы, разница заключалась только в положении пальцев. Ее пальцы свободно разбегались по клавишам, вокруг нее томились офицеры, и я видела их нависшие лица рядом с ее нежным лицом.

По вагону пробиралась нищенка с грудным ребенком. Темные морщинистые руки и глухой платок, сдвинутый на глаза. Она подошла ко мне и молча протянула ребенка. От младенца пахло чем-то кислым, он спал, и вокруг глаз у него светились желтые круги тепла.

Я достала из кармана четыре мятые бумажки по сто тысяч и протянула ей. Нищенка равнодушно приняла их и исчезла в глубине вагона. «Скажу бабке, что мать не дала ни копейки», – подумала я, листая альбом. Одна из фотографий привлекла мое внимание: отец держал на руках двухлетнюю меня, у нас были одинаковые белые футболки с рукавами до локтя; отец протягивал меня вперед к фотоаппарату, точно так же как нищенка из вагона; но мы оба улыбались и ни о чем не просили. За нами виднелось раскрытое окно и шкафчик с двумя дверцами и резной полкой.

Каждый вечер, после детского сада, моя бабка усаживала меня к себе на колени и мы с ней подолгу разглядывали фотографии.

– А в этом шкафчике, – говорила моя бабка, – они держат конфеты, шоколадные с ликером, в больших зеленых коробках. Те конфеты называются «Пиковая дама». А рядом лежит карамель и жареные орехи – миндаль и арахис в сахаре... Но этот шкафчик запирается на ключ, а ключ твоя мама повесила на цепочку и носит на шее...

И вот понемногу я начала вспоминать это чувство, потерянное в детстве. Оно медленно окутывало меня, как тепло окутывает человека, пришедшего с мороза. От этого чувства предметы становились прозрачными, и сквозь оболочку неожиданно проступала их суть, но потом вдруг суть оказывалась вовсе не сутью, а очередной более глубокой оболочкой, потому что из-под нее проглядывало уже что-то третье. Иногда внешняя поверхность предмета вступала в спор с внутренними, причем некоторые из них противоречили ей, а некоторые, наоборот, поддерживали.

Мне нравилось это многоголосье предметов, и то утраченное чувство уже готово было вернуться, и я бы уже назвала его по имени, как вдруг я разглядела, что уголки фотографии слегка примяты, как будто бы их недавно вынимали из прорезей.

Я приподняла уголок фотографии, и из-под нее выскользнул цветной снимок и записка на обороте тетрадного листка.

Но тут поезд вздрогнул и остановился, двери раскрылись, и снимок упал в щель между перроном и дверью вагона. И вместо того, что я хотела вспомнить, я вспомнила позапрошрое лето.

Я успела разглядеть выпавшую фотографию, на ней было два лица: мое, темное от загара, и рядом чье-то совсем бледное. Мы сидели на веранде ялтинского кафе. За нами виднелось море. На море штормило...

Эта я прошлой зимой запрягала фотографию в наш семейный альбом, хотя здесь ей было не место. Но ведь наш альбом пестрел лицами совершенно чуждых друг другу людей, и единственным, что их связывало, – была общая кровь.

Прошлой зимой мой муж выбрасывал эту ялтинскую фотографию в окно первого этажа, и мне приходилось бежать на улицу и поднимать ее со снега. Он даже тогда не подозревал, что этот снимок, даже не он сам, а это бледное личико, так и не принявшее ялтинский загар, – не больше чем разменная карта между нами. Каждый раз я бежала на улицу не одеваясь, для того чтобы снова и снова мучить его за то, что я мучилась сама. Меня тяготило наше общее прошлое, точно так же как его тяготила эта фотография, но когда и она отошла в прошлое, то я безо всякого сожаления

забыла о ней. И сейчас, когда я представляю, как она лежит на рельсах метро, мне все равно. Мне жалко только море, проявившееся на снимке...

Я развернула записку: «Приходи в одиннадцать в наше обычное место. Мы ждем. Г. и Ж.».

Мне показалось, что я что-то помню про эту записку, но что именно, я не знала. И только всплеск ревности почувствовала я тогда, совсем легкий, как июльский утренний шторм.

Всего сорок минут до дому, и лето проснулось. Всего сорок минут! Я ехала и думала про лето...

«Боровицкая»

«Полянка»

«Тульская»

«Серпуховская»

«Нагатинская»

«Нагорная»

«Нахимовский проспект»

«Севастопольская»

«Чертановская»

«Южная»

«Пражская»

Я поехала в Ялту к моему мужу. Я поехала навстречу настоящему лету, и чем дальше я уезжала от Москвы, тем ближе ко мне подходило лето. На станциях вдоль перрона стояли старухи с кефиром и яблоками, но ближе к югу появлялась черешня и абрикосы. Казалось, что это юг посылает мне навстречу торопливые вести о себе. Мой вагон был наполовину пуст, потому что тогда мало кто хотел навстречу лету. На станциях выходили редкие пассажиры, прогуливались по перрону и покупали у старух горячую картошку или распластанного цыпленка табака. Когда поезд трогался, мне нравилось проходить по вагону мимо открытых купе. Я видела пустые полки и разобранные столики в напрасном ожидании пассажиров, а за окном, одна за другой, пронеслись частые деревеньки с маленьким пестрым кладбищем и в бледной еще по-северному природе неясно проступал юг зарослями туи в серебристых шишечках семян или оранжевой веткой абрикоса, вырвавшейся за изгородь. Иногда проходили поезда, полные солдат. Солдаты, голые до пояса, тесно сидели на нижних полках, свешивались с верхних и багажных и прижимались к окну потными блестящими лицами. Они цепко вглядывались в пролетающую дорогу: в

маленькие полустанки и большие города, чтобы как можно больше выхватить из жизни. Они ехали на войну, а мы ехали на юг, и нам казалось, что никакой войны нет, и мы забывали их прощальные лица, сосредоточенные от усилия к жизни.

– Поезда сейчас ходят совсем пустые, – пожаловался проводник, когда мы проехали Тулу. – Разгар лета, а пассажиров мало. Только составы с этими малолетними, с пушечным мясом. Чай будете?

Всю ночь напролет я пила спитой чай с сахаром «Дорожный» и слушала жизнь проводника. Он был еще довольно молод, но во всех его движениях, в его разговоре сквозило что-то разбитое, но не по-стариковски, а так, как будто бы он плохо выспался и ему все никак не удастся выспаться до конца. Разговор его был обстоятельным и одновременно жалким. На станциях он шутил со старухами-продавщицами, они смеялись его шуткам и жалели его, и он, увидев их жалость, быстро выдыхался, прекращал острить и угрюмо протягивал деньги за картошку, за сливы, за кефир и за цыплят табака.

– Моя жена вышла за меня в восемнадцать лет по большой любви, – рассказывал проводник. – Я был счастлив. Мы прожили пять лет, но она по-прежнему любила меня так же, как в первые дни. Пил я в то время как все – для веселья и от нечего делать – и всегда знал, что смогу остановиться. Но однажды все рухнуло: я стал просыпаться по утрам с тяжелой головой и ничего не помнил. Так, одни обрывки... Я бил жену, бил сына, а когда они прятали от меня деньги, я их воровал, а они терпели...

Он говорил скучно и угрюмо, я пыталась его не слушать, смотрела на ночь за окном, черную непроглядную ночь и желтые пронзительные огни. И в его словах было столько тоски, что мне самой захотелось говорить, но уже не ради него, а ради себя. Мы не слушали друг друга, а просто вслух думали каждый о своем.

– Мой дорогой, – вспомнила я, – мой любимый, ты, наверное, никогда не простишь меня за то, что я ушла в тот вечер и сказала тебе, что уйду навсегда...

– А, ревность, – усмехнулся он, – ревность. Чужое прочитанное письмо или подслушанный разговор по телефону. И куда же ты едешь?

– Я еду к моему мужу.

– Я все знаю про ревность, – засмеялся проводник. – Однажды я застал мою жену с каким-то парнем. Они стояли на площадке в подъезде. «Забери меня отсюда, – умоляла жена. – Я сделаю все, что ты захочешь». Я не увидел в темноте, кого она обнимает. У меня был с собой пистолет, и

я сразу же выстрелил в человека, которому так отчаянно предлагалась моя жена. Я выстрелил в него, но промахнулся, пуля только поцарапала ему щеку. Это был не любовник. Это был брат... Нельзя вкладывать душу никуда. Это к смерти.

– А я и не хочу жизни.

– Оставь, – махнул он рукой. – Это тебе кажется по молодости. От переизбытка сил. Если бы ты действительно хотела умереть, ты бы об этом молчала. Посмотри на меня: мне тридцать семь лет, еду ночью, тряусь на полке. Мужик в постели один и почему-то еще жив... Оставь свои мысли, если можешь.

Но я сказала:

– Не могу.

Мой муж снимал комнату в Массандре с маленьким деревянным балконом. Прямо перед домом росла старая черешня, ее ветки упирались в наше окно, роняли на балкон ягоды и высохшие листья. С балкона было видно море, оно сияло до рези в глазах, оно тянулось повсюду, куда ни глянь, а потом ласково и незаметно сливалось с небом.

Нам казалось, что мы очень рано встаем, из комнаты мы спускались в сад, но в саду, в беседке, уже завтракали хозяева дома, проснувшиеся еще раньше.

Домом заправляла старуха грузинка. От старости она мешала русские и грузинские слова, но, даже когда она говорила только по-русски, мне подолгу приходилось вслушиваться в ее торопливые сухие интонации, настраивать слух к дребезжащему ритму ее речи, чтобы понять наконец, о чем она говорит.

– Мы очень давно в Ялте, – объяснила старуха и в подтверждение приложила руку к груди, а потом рывком протянула мне ладонь. – Еще отец моего отца, мой дед Ладо, купил этот дом за большие деньги, и с тех пор мы живем в Ялте безвыездно.

Несмотря на жару, старуха ходила во всем черном, до глаз закутанная в черную кружевную шаль. Когда в Ялте особенно припекает, местные бабки набрасывают легкие ситцевые халаты и идут по Набережной своим привычным путем мимо «Ореанды» и «Магнолии» к воротам городского рынка. И наша старуха в особенно сильную жару набрасывала цветастый халат поверх своего глухого платья. У нее была дочь Нино, сорока с лишним лет, грузинка только наполовину. Нино была толстая и страдала на солнце. Она ходила по саду в белой ночной рубашке и длинных звеня-

щих серьгах. Иногда старуха сердилась за то, что в Нино половина прохладной русской крови.

– Нино, – кричала она через сад, – скажи хоть что-нибудь по-грузински.

– Аи'-и'а, – послушно говорила Нино, лежа в шезлонге. – Так по-грузински будет фиалка.

– Это из букваря, – ругалась старуха. – С самой первой страницы. Неужели ты больше ничего не помнишь?

– Больше ничего...

Нино все еще была красивой, и мне казалось, что мы застали самые последние дни, наверное даже, мгновения ее красоты. У Нино были медленные ленивые движения. Она вразвалку ходила по саду, но в ее походке и во всей ее неуклюжести скользила грация, присущая только толстухам. У нее был семнадцатилетний сын Егор. Старуха называли его Гоги на грузинский манер, и Нино, ей в угоду, тоже называла его Гоги, но иногда забывала и оговаривалась по-русски. Тогда старуха сердилась и переходила на грузинский. Нино не понимала и ревновала.

Кожа у них была бледная, как у всех местных. Местные не любят загара. Старуха просыпалась часов в шесть утра, спускалась во двор и кричала внуку, чтобы он разогнал птиц, а то они своим криком мешают спать отдыхающим. Внук смеялся, отказывался гнать птиц и говорил, что старуха уже давно всех разбудила.

Из отдыхающих были только мы и семья из Черновцов. Они жили вчетвером, в летнем домике в глубине сада. Неулыбчивые муж и жена и их дети – двенадцатилетний мальчик и девочка четырех лет. Я видела их редко, только по вечерам, когда они возвращались с моря. Они приходили усталые от летнего солнца, молча ужинали, а потом так же молча уходили спать. От долгого лежания под солнцем у них был темный густой загар, казалось, что они хотят вобрать в себя как можно больше тепла и увести в свои Черновцы, чтобы хватило на всю зиму.

– Как там у вас в Черновцах, Максим? – спросила я однажды их мальчика.

– Радиация как в жопе, – тихо ответил он и потупился.

– Мой дед Ладо всегда говорил, что это только у батраков смуглая кожа, – сказала старуха за завтраком. – Разве станет богатый грузин трудиться на солнце? Нет. Он будет сидеть в тени и пить лимонад. И кожа у него будет белая и тонкая, как шелк. Никакого загара. Пусть у батраков кожа будет твердой и черной.

Нино промолчала. Целыми днями она сидела над картами и гадала на трефового короля. Раскладывала колоду вокруг его цветного изображения, бегло прочитывала значения выпавших карт, а потом часами сидела в оцепенении, представляя, как сбудется гадание.

– Ты совсем не помогаешь мне по хозяйству, – укорила старуха. Укорила и забыла. Ушла в глубину сада подстригать живую изгородь, и когда через час хватилась своей Нино, то не увидела ее ни в беседке, ни на летней кухне.

– Она продает черешню на улице, – сказал мальчик из Черновцов.

Старуха выбежала на улицу: у ворот, рядом с почтовыми ящиками, сидела Нино перед весами с черешней.

Чувства старухи были сильными и простыми. Настроение с легкостью прочитывалось по ее лицу. Казалось, что она просто прикладывает маски и с чувством из-под них декламирует.

– Зачем ты продаешь черешню? – спросила старуха, и ее лицо тут же стало маской гнева.

«Почем?» – послышалось Нино, и она тут же назвала цену.

– Ты считаешь, что слишком дешево?

– Дело не в дешевизне, – ответила старуха, и маска гнева сменилась маской отчаяния. Нино по-прежнему сидела в оцепенении, припоминая удавшийся пасьянс. – Дело в том, что мы никогда не торговали. Ни я, ни твой дед, ни твой прадед.

– У нас так много черешни, – сказала Нино, – вот я и решила продать излишек. Ты только посмотри, Клюювы продают с утра до ночи...

– Мы не Клюювы! – разбушевалась старуха. – Сколько раз тебе повторять!

Русские Клюювы выставляли каждый день на продажу черешню и помидоры. Старуха Клююва сидела на раскладном стульчике и провожала глазами редких прохожих. Иногда проезжали машины и поднимали пыль, тогда она махала руками, чтобы пыль не попадала в глаза, а казалось, что она подзывала прохожих. Некоторые подходили и спрашивали, в чем дело, и она смущенно отвечала: «Который час?»

Вечером, когда мы вернулись с моря, старуха сказала моему мужу:

– Ты представляешь, что натворила Нино?

Она говорила так, как будто бы Нино было не сорок лет, а пятнадцать.

– Что? – тут же отозвался мой муж, как будто бы сам был родителем пятнадцатилетнего подростка, и я увидела, что они сдружились.

Он несколько не интересовался разговором, но невольно заговорил точно так же, как старуха, переняв ее интонацию. Ему нравилось то, что она говорит с ним, потому что через каждое слово он становился все ближе и ближе к Ялте.

Я решила, что это, наверное, и есть язык юга и что какое-нибудь простое слово в Москве так и будет обозначать тарелку, а здесь за ним сразу же встанет Ялта, разворот горы, полоска моря, на миг мелькнувшая в расщелине и скрывшаяся за следующим разворотом.

– Нино считает, что мы Клюювы... – негодовала старуха, – а ведь нам всегда хватало на жизнь. Даже сейчас, когда цены так подскочили, нам все равно хватает. У нас забор некому покрасить, так лучше бы она...

– Я покрашу забор, – сказал муж. – Завтра же покрашу.

Старуха не ожидала. Она просто жаловалась ему, а не просила о помощи.

– Спасибо, сынок...

И «сын» сорвалось у нее тоже неожиданно. Она смутилась и ушла в дом. Нино сидела тут же в беседке и по картам читала жизнь трефового короля. Наш разговор ее никак не занимал.

– Сегодня теплое море? – лениво поинтересовалась она.

– Теплое...

– Вы далеко плаваете?

– Нет, я купаюсь у берега, но мой муж уплывает на глубину.

– Уплывает на глубину? – переспросила Нино и улыбнулась, как улыбаются все местные, глядя на курортников, умеющих плавать.

Я поднялась в комнату. По вечерам из-за комаров мы не включали свет.

Муж лежал на кровати с панцирной сеткой, эти кровати я помню из самого далекого детства; сейчас они встречаются только на юге. Его лицо с заостренными от загара чертами на белоснежной подушке (старуха принесла сегодня чистые простыни); белки глаз и черные зрачки, расширившиеся в темноте. Точно таким же я видела его несколько лет назад. Тогда я подумала, склоняясь над ним: загляну в зрачок-замочную скважину и узнаю все его мысли. И сейчас я точно так же спросила, но уже не ради ответа, а ради воспоминания:

– Так ты меня любишь, Роман?

– Не знаю, – ответил он, закрывая глаза. – Слишком много времени прошло. Мы выросли...

Когда мы приходили на пляж, Роман тут же уплывал к буйку и дальше и запрещал мне плыть следом; да я и не могла. Я могла только плескаться вместе с детьми и калекками в серых ополосках у берега и завидовать тем немногим пловцам, которым доставалась глубинная синева. В их числе был Роман.

Я выходила на берег и шла по пирсу. На краю пирса обычно сидели спасатели с рупором и лодкой наготове. Спасатели были голые по пояс, с крепкими блестящими телами, в грубых штанах, закатанных до колена. Я высматривала Романа. Он плыл по поверхности, потом надолго нырял на глубину, потом снова показывался над водой, а я вспоминала московский май и Галяу Бабич на подоконнике третьего подъезда.

– Мы купались с ним ночью, – рассказывала она. Скорее не рассказывала, а вспоминала вслух. Ей были не нужны слушатели. Точно так же она бы рассказывала пустому подъезду: почтовым ящикам, лестнице, квартирным дверям со стеклянными глазками. Точно так же сидела бы на подоконнике и говорила: – Ты знаешь, он так хорошо плавает. Мы были совершенно голые, но нас никто не видел. Он сломал мне сирень, всего три ветки, но такие пышные, что, если бы нас кто-нибудь заметил, я бы могла в них спрятать лицо. Галяу запрокидывала голову, и тень от ее волос полуулыбкой ложилась на глаза. Она смеялась, рассказывая. Смеялась тень вдоль глаз. Я представляла теплый плеск воды Чертановского пруда; как им было неописуемо весело, как они плыли, обдавая друг друга фонтаном теплых брызг, и кричали друг другу слова, которые забыли наутро. А потом вдруг замолчали, оскальзываясь на берегу, и их потянуло друг к другу. Я думала, что это воспоминание принадлежит только Гале, оно настолько срослось с ней, что даже сейчас тень от волос вздрагивает, подтверждая: «Было... было...» Не лежит спокойно.

Потом через неделю мы с Ромкой почему-то оказались на Кропоткинской, тогда еще был бассейн «Москва».

– Пойдем купаться, – позвала я, запрокидывая голову точно так же, как Галяу Бабич в подъезде. Ромка посмотрел на меня, как будто бы что-то припоминая, и нерешительно согласился. Мы перелезли через забор, привычно выпили пива, он снял рубашку. Он стоял передо мной голый, нескладный, с торчащими ключицами, и нам сразу же стало стыдно друг друга; а когда я разделась, он даже не взглянул на меня.

– Рома, – позвала я.

– Что? – ответил он, не поднимая глаз.

Мы поплыли с ним в разные стороны, а когда вылезли из воды, я сломала несколько веток сирени. Но ветки оказались разной длины и не скла-

дывались в букет. Мы шли молча, угрюмые, замерзшие. Я незаметно выбросила ветки, но Ромка увидел:

– Ну что, увяла сирень?

– Ну как же!

Я устало подняла цветы, и мы пошли дальше, избегая смотреть друг на друга.

– Мама, – шептала вечером Нино в беседке, – я не могу заснуть...

– Зачем ты пьешь так много кофе на ночь? – спросила старуха. – Кофе бодрит. Его надо пить с утра, чтобы весь день ходить с ясной головой.

– Мне жарко днем, – жаловалась Нино, – а по ночам душно. Все окна в комнате раскрыты, а нечем дышать. Я не знаю, куда деться...

– Надо сказать Гоги. Пусть вынесет тебе раскладушку в сад.

– Отдыхающие встают слишком рано. Я не успею проснуться, прежде чем они спустятся во двор... Мама, почему они так смотрят на моего мальчика? Особенно эта молодая женщина. Она всего неделю у нас, а уже так напряженно его разглядывает. Сегодня утром он умывался, а она стояла за его спиной, совсем близко от него. Он порезался лезвием...

– Пусть смотрят как хотят, – засмеялась старуха. – Я приколотла ему булавку с исподней стороны рубашки. Теперь ему ничего не страшно.

– И Гоги легко согласился на булавку?

– Гоги послушный.

В темноте старуха походила на фигурку из чугуна и, стоя, казалась одного роста с сидящей дочерью.

– Я все думаю про эту Зою, – снова сказала Нино. – Я видела утром, как она плакала у умывальника. Она листала твои журналы, те самые, которые ты положила на стол, чтобы застилать помойное ведро. А когда я прошла, она спрятала лицо в руки, как будто бы умывается... Почему она плакала, мама?

– Не знаю, – задумалась старуха. – Может быть, в журнале был грустный рассказ? Нино поднялась из шезлонга, чтобы уйти в комнату. Она встала в своей просторной рубашке с кружевным шитьем по подолу и закрыла собой старуху. – Спокойной ночи, – прошептала старуха громким старческим голосом.

– Спокойной ночи, – ответила Нино и, пригнувшись, вышла из беседки.

А я никак не смотрела на их мальчика. Я даже его не замечала. Он ходил по двору, торопливо исполняя поручения старухи. У него была белая рубаш-

ка с синей вышивкой на груди. Нино, наверное, вышивала или старуха. Он был лет на пять младше меня, но при встречах говорил мне «вы». Только один раз я случайно встретила с ним глазами, и всего лишь на миг его лицо сверкнуло как фотографическая вспышка, но я подумала, что это слепит солнце. Вот и все, что было между нами. Нино могла не волноваться.

На столике под умывальником лежало несколько журналов «Чудеса и приключения». За день до отъезда моя бабка сварила мне яйца в дорогу и насыпала соли в спичечный коробок. Она стала толстой, у нее поднялось давление, и она клеила на шею горчичник, чтобы хоть как-то его сбить. Ей стало некому посылать селедку – старуха Раиса умерла, – но она все равно по-прежнему покупала ее и тайно поедала по вечерам. И за ночь давление снова поднималось. Наутро она вставала с пьяными глазами.

– Шумит в голове? – спрашивала я. – Опять селедки на ночь наелась?

– Нет, – отвечала бабка, глядя в пол. – Я плохо выспалась.

И каждый раз в помойном ведре лежали рыбные головы, завернутые в газету.

Вечером, когда я уложила чемодан, она робко вошла в мою комнату и попросила денег.

– Деньги? – переспросила я и засмеялась. – Уж не селедки ли ты собралась подкупить?

– Нет, – сказала бабка, опуская глаза. – Я просто хочу выписать журнал «Чудеса и приключения», ведь мы не выписывали в прошлом году...

Чудеса и приключения... – тихо повторила она.

– Какие тебе чудеса? – снова засмеялась я. – Какие тебе приключения? Зачем ты налепила на шею этот уродливый горчичник?

– Может быть, выпишем на полгода? – попросила бабка.

– На что я поеду в Ялту к Роману?

– Ну хотя бы на три месяца, – не отставала она.

– Лучше вымой чашки после ужина, – разозлилась я.

Она послушно пошла на кухню. Сквозь плеск воды я слышала, как она плачет. Голос ее был по-прежнему мягкий, не разрушенный старостью, поэтому всхлипы почти сливались со звуками воды. На кухне громко играло радио, и я заставляла себя думать, что она не плачет, а смеется над островами диктора.

Почти каждый вечер мы с Романом покупали сушки на Набережной. С виду они казались самыми обыкновенными, но вкус у них был совершенно особенный.

Таких сушек нет в Москве. Напротив булочной у входа в магазин стоял татарин с серебряными гривнами для волос. В магазине его гривны брали за бесценок, и тогда он решил продать их сам. Он простаивал целыми днями, надеясь выгадать рубль. Когда я приценивалась к гривнам, татарин каждый раз называл мне новую цену, иногда снижал, иногда поднимал, но ни разу не узнал меня.

Вечерами мы пили чай с сушками в беседке, за беседкой виднелись глубокие переплетения сада, а еще дальше – живая изгородь из лавра. Мы настолько уставали после моря, что говорить не хотелось, только иногда Роман спрашивал, почему я сразу не поехала с ним в Ялту. Я каждый раз называла новую причину, но он ни в одну из них не верил, и мои ответы были ему неинтересны. Постепенно его вопрос стал присказкой к нашим чаепитиям. Иногда он вспоминал что-то из нашего прошлого.

– Ты помнишь Митьку Козлика?

– Конечно, помню.

– Его мать хранила в буфете окаменевшие сушки. Она давно про них забыла, зато мы с Козликом прекрасно помнили. Грызть их было невозможно. Мы пили пустой чай и на спор разламывали их в кулаке. Он разламывал сушки обеими руками, а я только правой.

Я слушала его и вспоминала, как они с Козликом бежали за мной по снегу и Ромка на бегу застегивал сапог. Как я тосковала по тому Ромке!

Сейчас он сидел напротив меня за столом, я смотрела на него, и мои чувства не отзывались.

Утром, после купания, мы сидели на Набережной в кафе. Хозяева, два брата-армянина, вынесли на улицу складные столики и здесь же варили кофе на открытом огне и в стеклянных вазочках продавали арахис.

В порт пришли два корабля. «Золотой Одиссей» и второй, с неизвестным мне названием. Для того чтобы разобрать буквы на его корме, нужно было неотрывно смотреть на солнце.

– Почему ты сразу не поехала со мной? – привычно спросил Роман.

И я уже хотела что-то ответить, но вдруг посмотрела на него: от сильного загара его лицо по-детски заострилось, на скуле у него была ссадина от мидии, он неудачно прыгнул с пирса. Я вспомнила, как когда-то он разбилась в бассейне.

– Мой дорогой, мой любимый, – ответила я, – ты, наверное, никогда не простишь меня за то, что я ушла в тот вечер и сказала тебе, что ухажу-навсегда...

– Что это? – не понял Роман.

– Письмо. Я нашла его в твоих детских бумагах.

И подала ему лист, вырванный из школьной тетради. С одной стороны было письмо, с другой – математические значки контрольной. Он молча прочитал его.

– Зачем ты привезла это в Ялту?

– Это письмо от той жалкой красивенькой Гали?

– Я не помню...

– И ты так долго хранил его?

– Сначала хранил как память, а потом забыл, что оно у меня есть...

Письмо было пронизано такой глубокой тоской, что я не только верила каждому слову, а сама все сильнее и сильнее заражалась чужой печалью. Можно было подумать, что это простая школьная переписка, но неровный наклон букв и торопливо расставленные запятые, и даже шероховатость бумаги – все говорило о том, что юность быстро и незаметно пройдет по дворам и подъездам на «Пражской» и так же незаметно вольется в долгую бесцветную жизнь без воспоминаний.

– Ты любил ее?

– Я любил тебя...

– А ее?

– А о ней я тосковал.

Море было гладким, и лучи света рассыпались по воде золотыми лунками.

Голуби клевали остатки арахиса на раскладных столиках.

– Мне нравится море, – сказала я. – Я хочу быть одна.

– Хорошо, я уеду, – согласился Роман.

Вечером, когда мы поднялись в Массандру, старуха смотрела в беседке альбом с фотографиями. Лампа с плоским абажуром свисала почти к самому столу. Иногда старуха поправляла шаль и случайно задевала абажур. Тогда лампа начинала раскачиваться, и ее лицо на мгновение проваливалось в тень и тут же снова появлялось в полоске света. Несколько раз подряд она пыталась смахнуть комара со щеки. Он отлетал и почти сразу же возвращался. Казалось, что старуха, глядя на фотографии, вспоминает какую-то вину и с размаху бьет себя по лицу.

– Я обещал покрасить забор, – сказал Роман.

– Краска и кисти лежат в сарае, – ответила старуха. – Но лучше красить с утра.

– Я завтра уезжаю.

– Так быстро? – удивилась она.

– Давно пора, – засмеялся он.

Я увидела, что он полюбил сад и старуху в беседке и крутой подъем в гору и что все это он готов оставить ради клочка бумаги, лежавшего в кармане на груди.

– Хочешь взглянуть на фотографии? – обратилась ко мне старуха и, не дожидаясь ответа, протянула мне старенький снимок.

На снимке в глубине сада стояла девушка лет шестнадцати и что-то спрашивала в раскрытое окно. Того, кто ей отвечал, было не видно. Она интересовалась разговором и встала на носки туфель, чтобы дотянуться до окна, и поэтому ее лицо почти скрылось в тени от нависающей ветки.

– Что ты можешь сказать о ней? – и старуха пытливо посмотрела на меня. – Это моя младшая сестра София. Она здесь не очень хорошо вышла, но все равно, что ты можешь сказать? Это последняя фотография с нее. Больше у меня ничего не осталось.

– Она умерла? – спросила я.

– Нет, – нерешительно сказала старуха. – Я думаю, что нет.

– На ней красивое платье, – сказала я. Но старуха меня ревниво перебила:

– Это мое платье. Разве ты не видишь, что оно велико ей ровно на размер? Оно было синим с черными кружевами по подолу и на рукавах. Его подарил мне мой муж Виктор, а он очень следил за своими подарками! Однажды я вошла в комнату и застала Софию перед зеркалом. Она мерила мое платье. Рукава оказались слишком длинными для нее, а талия – слишком широкой, но из темного глубокого выреза поднималась тонкая шейка с венчиком волос на голове. И ты не поверишь, в этом было столько очарования, что я не задумываясь отдала ей платье. И даже Виктор, посмотрев на Софию, не возражал...

В глубине сада дети из Черновцов играли с Егором.

– Как по-грузински будет птица?

Он отвечал.

– А клетка?

Он снова отвечал.

Они повторяли за ним, но каждый раз ошибались, и он усердно поправлял их, показывая, как произносятся звуки.

– Виктор был недоволен, что София актриса, – вспоминала старуха. – Она играла в школьных спектаклях, а потом потерялась где-то в Европе...

Она рассказывала так, как будто бы пела по нотам. Иногда говорила шепотом, а иногда – срывалась на крик. Когда голос становился особенно громким, ее сухие глаза широко раскрывались и вспыхивали.

– Почему она уехала в Европу? – спросила я.

– Нет, – отрезала старуха, – этого я сказать не могу. И не проси. Уже больше сорока лет прошло, а от нее никаких вестей. Ни строчки. А сорок лет – это длина человеческой жизни, пусть не очень большой, но все-таки жизни. У нас в семье не принято о ней говорить.

– Но вам же очень хочется, – настаивала я.

– Мне не хочется, – покачала головой старуха, и ее глаза погасли. – Лучше посмотрим другое фото. Это Виктор, мой муж. Сейчас он лежит на кладбище в Массандре, на самом верху. Я уже год не поднималась к нему. Думала сходить зимой, но мне страшно. Соседи Клюковы говорят, что сейчас все могилы исписаны бранью. Вдруг я приду, а на его кресте – брань и хула...

Роман вошел в беседку. Забор он покрасил неумело, но, пока он его красил, было видно, что всю зиму он ждал лета и что сейчас, с каждым мазком кисти, он пытается оставить память о себе. Назавтра ему уезжать, но здесь, в Массандре, он покрасил забор. Точно так же безмянные туристы расписываются на скалах.

– Я совсем недолго была замужем за Виктором, – рассказывала старуха.

– Он так до конца и не впустил меня в свою жизнь. Не успел. Он пришел с войны с гангреной на ногах. Гангрена была неизлечима. Русские мужчины страшно болеют, а умирают тихо, как дети, и только перед смертью кричат:

«Мама!» Я бы рыдала, будь у меня такая рана, я бы звала на помощь, а он молчал, чтобы меня не пугать. А когда он умер, я нашла его тетрадь. В ней оказался дневник и фотография девушки на балконе.

– Вы прочли дневник? – спросил Роман.

– Нет, – ответила старуха. – Даже не заглянула. Там была его жизнь до меня. Зачем мне все это знать? Я отнесла его бумаги на чердак и сожалела, что какая-то часть его жизни принадлежит не мне, а девушке на балконе...

Через много лет эти бумаги нашел Гоги. Он тогда еще не умел читать, он сделал из них бумажные самолеты и все до одного пустил по ветру... Только фотография осталась. Вот она, эта девушка, видите, до сих пор улыбается с балкона.

Старуха развернула к нам резкий профиль:

– Мы похожи?

Ее желтый профиль с маленькой горбинкой на переносице на фоне черного сада и неясные очертания лица на стертой фотографии.

Роман зачарованно сравнивал лица.

– Да что там, – махнула рукой старуха, – старость не уравнивать с юностью... А это мой Гоги, – показала она следующую карточку. – Однажды зимой у них замерз спуск перед школой, и он полюбил стоя съезжать с горы. Видите, как он катится? Ничего не боится! Он перестал носить портфель в последнем классе и все учебники заталкивал в карманы куртки. Три или четыре учебника! Такой тоненький мальчик в такой раздутой куртке... Посмотрите, у него брови гладкие, как крылья ласточки. Эта ласточка слетела к нему с переносицы Софии.

Старухе не хотелось нас отпускать, ей нужны были слушатели, но стало слишком темно, поэтому мы простились и пошли к себе наверх.

– Черешня разрослась, – сказала старуха нам вслед. – Так и бьется ветками в ваши окна.

– Мы совсем не слышим ее, – ответила я.

Старуха осталась наедине с фотографиями. Она то подносила их к глазам, рассматривая детали, то, наоборот, удаляла, чтобы увидеть целое, и долго перешептывалась с лицами на фотографиях, выспрашивая, кто из них жив, а кто умер.

Ночью во двор соседнего дома въехал автомобиль. Световые дорожки от фар пробежались по потолку и застыли на стене. Роман проснулся и, забыв утреннюю ссору, прижался щекой к моему лицу.

– Останься со мной, – сказал он. – Мы слишком давно знаем друг друга, чтобы разойтись. Мы вместе выросли.

Если погаснут отсветы от фар на стене, то света не будет никогда, подумала я и пообещала:

– Конечно, я буду с тобой.

И он тут же заснул.

Теплой летней ночью Галя торопливо писала письмо, надеясь, что оно свяжет ее с адресатом, но промахнулась. Это письмо связало ее не с ним, а со мной.

Галя Бабич была совсем простенькая. До поздней осени она куталась в пеструю болоньевую курточку и во всем слушалась крикливую Женю Дичко. И даже ее красота, бледная красота московской зимы, впалая красота рабочей окраины, замазанная тенями из галантереи на «Пражской», не

сразу бросалась в глаза, а только после жалости.

– Ну ты, – подходили к ней дворовые парни и не смотрели на лицо, а смотрели на тоненькие ноги, замерзшие в красных сапогах. Она говорила с ними, ловила их внимание и безумно боялась. Галю тут же становилось жалко до болезненности, и тогда вдруг из-под дешевой краски вспыхивало ее лицо: «Да я же сама вас всех пожалею...»

Однажды она подошла ко мне и сказала:

– Только я одна знаю, как может любить Роман. Если бы он полюбил меня, он бы умер, а с другими его чувства спят... Зоя, ты не знаешь, чьи бусы он носит?

– Разве ты не знаешь, какая ты, Галя? – спросила я в ответ.

– Какая? – не поняла она и привычно приготовилась огрызаться.

Она так и думала про себя, что она Галя Бабич с пивной кружкой, что на нее кричат учителя, а дворовые заставляют ее курить с ними в подъезде и целовать их несвежие лица. Но иногда в ней просыпалось что-то другое. То, из-за чего она жалела тоскующих жителей станции «Пражская», из-за чего поднималась на крышу небоскреба и, сделав «ласточку» на краю, смотрела, как внизу, в кустах палисадника, мечется Женя Дичко или пробегают Ромка.

Черешня раскачалась от ветра и ударила ветками в стекло. Я вышла на балкон. Егор спрыгнул с нижних веток дерева, и тут же из глубины сада вышла Нино. В темноте белела ее рубашка.

– Зачем ты смотришь в чужие окна? – шепотом спросила Нино.

– Это мои окна, – ответил Егор.

– Ты же знаешь, что летом это не твоя комната.

Они настолько тихо переговаривались, что я не слышала их. Они ругались и несколько раз подряд произнесли имя София.

– Ты такой же, как она, – ясно прошептала Нино, – как твоя бабка София. Чего ты хочешь добиться?

– Да что ты вообще про нее знаешь? – ответил Егор.

Нино отступила в глубь сада, и ветки сомкнулись за ней. Егор вернулся в свою комнату на первом этаже. Я слышала, как он ложился: ременная пряжка ударила об пол, звякнули пружины летней койки, и он сразу же заснул.

Тоненький, легкий Егор храпел во сне.

– Ты все еще хочешь, чтобы я уехал? – спросил наутро Роман. Он умылся. Я стояла рядом, рассматривая аляповатые обложки журнала «Чу-

деса и приключения». Поодаль дети из Черновцов, потупясь, ждали своей очереди.

– Да, – ответила я. – Пожалуйста, уезжай.

– Удобный умывальник, – усмехнулся Роман. – Ты помнишь, хозяйский-мальчишка попробовал бриться и порезался?

– Я просто ждала, когда можно будет умыться.

– Он увидел тебя в зеркале и поранил щеку, – сказал Роман. – Что произошло между вами?

Старуха варила кофе на летней кухне. Шаль упала на плечи, открыв черные волосы, затронутые сединой. Старуха заворчала, стала поправлять шаль. Кофе перелился через край, затушил огонь.

– Ты видишь этот журнал? – показала я на умывальный столик. – Прошу тебя, выпиши его моей бабке.

– Зачем он ей? – удивился Роман.

– Она просила.

– Ты плачешь? – спросил он, то ли усмехнувшись, то ли сожалея. – Плачешь, потому что я уезжаю?

– Да, – кивнула я. – Обещаешь, что выпишешь журнал?

– Обещаю.

Я в первый раз спустилась к морю одна. Море было полностью моим. Роман и письмо из Москвы больше его от меня не закрывали. Я пришла на пляж – в это время Роман, доехав до Симферополя, сел в поезд. Я вошла в море, а он показал билет проводнику. Он запрещал мне плавать к буйку, но я решила обязательно доплыть. Поезд тронулся.

Я открыла глаза под водой.

Дно, которое раньше под тяжелыми слоями воды казалось мне расплывчатым, сейчас я разглядела до мелочей. Уезжая, Роман оставил подводные очки, и море перестало от меня прятаться. Я увидела камни с обточенными краями, рассыпанные вокруг тяжелого валуна в мидиях. Несколько мидий приоткрыли створки, но, как только над ними проплыл косяк рыб, створки тотчас захлопнулись. Чаще всего мне попадались серые рыбки, почти неразличимые на дне, цвета морского песка; но один раз проплыла голубая с длинными прозрачными плавниками. И эта голубая рыбка, мелькнувшая вдруг среди серых водорослей, настолько поразила меня, что я поплыла за ней, но она тут же потерялась в обломках пирса. Тогда я оттолкнулась от пирса, но водоросли вялыми кольцами обвилились вокруг лодыжек, желая удержать, а потом потянулись вслед, длинно прощаясь.

Подняв глаза, я четко видела границу воздуха и воды и спасательную лодку, рассеченную этой границей на темное дно и посветлевший в воздухе борт. Кто-то из сидящих в лодке перегнулся через край и потянулся к водоросли. Я различала каждый луч под водой в промежутке между пальцами и водорослью и поняла, что пальцам ее никогда не достать...

И сейчас, вспоминая море и перечисляя подробности, мелкие, как осколки гальки, я могу до конца исписать страницу только для того, чтобы растянуть мгновение под водой.

Я доплыла до волнорезов. Сразу же за волнорезами виднелся буюк с маленьким красным флажком. Но когда с волнорезов я снова прыгнула в воду, то не увидела под собой дна. Только верхние зеленоватые слои моря с косыми полосками света, а дальше – глухая чернота, и над этой чернотой – маленький огненный флажок. Вот бы достать до дна, подумала я и тут же поняла, что никакого дна здесь нет, и меня охватил тот же бесконтрольный, глубинный страх, как однажды на «Пражской» на краю крыши. Чернота позвала меня, готовясь раскрыться. Я представила, что глубоко ныряю и врываю в расщелину между камнями, но расщелина настолько узка, что я не могу оттуда выбраться, и водоросли липко и тепло жмутся к животу, и нужно всплыть всего лишь на миг, чтобы глотнуть воздуха, но расщелина слишком узка. Я вспомнила свое тайное желание смерти: никто никогда не проплывет здесь – только рыба, с плоскими погасшими глазами, возле самого моего лица и плоскоглазо посмотрит на меня. И тогда я поняла, что мне не умереть хотелось, а просто тоска по жизни была невыносимо сильна.

Вечером, когда я вернулась, старуха спросила:

– Кто у тебя остался в Москве?

– Бабка, – ответила я. – В маленькой двухкомнатной квартире на окраине.

– Это ты из-за нее такая? – пыталась старуха. – Я слышала утром, что ты говорила про журнал.

– Вы пролили кофе, – вспомнила я.

– Я разгадала тебя, – сказала старуха. – За это я расскажу тебе про Софию.

И протянула мне вчерашнюю фотографию. На фотографии шестнадцатилетняя София по-прежнему стояла между двумя розовыми кустами и на носочках тянулась к окну. Настоящая София состарилась и давно забыла день, когда подошла к окну и что-то спросила в глубину комнаты – был ли ветер или, наоборот, припекало? – давно забыла свой вопрос и что на него

ответили. И миг, в который блеснула фотографическая вспышка, навсегда стерся из ее памяти.

– Это «Слава мира», – сказала старуха.

– Слава мира, – повторила я.

– Так называется сорт роз, – и она указала на снимок. – Они очень прихотливы. Они погибли у меня во время заморозков, и с тех пор я больше их не сажала... Скажи, пожалуйста, ты знаешь, кто был Чехов? Он жил в Ялте. Это из-за него все так вышло...

Старуха замолчала, глядя на фотографию, думая, о чем спросила София, дотянувшись до окна. В это время мальчик Максим из Черновцов проехал по двору на трехколесном велосипеде. Велосипед был слишком маленьким для него, он упирался коленками в руль и вместо того, чтобы крутить педали, отталкивался ногами от земли. К нижней перекладине велосипеда, соединяющей задние колеса, он привязал пустое ведро. Ведро с грохотом подпрыгивало.

Старуха не обратила на грохот ни малейшего внимания и громким шепотом начала:

– София была актрисой в самодеятельности. Они играли спектакль «Чайка» на улице Манагарова. Того театра уж нет давно, соседи Клюковы рассказывали, что осталась только сцена и несколько зрительских мест – и все исписано хулой. А ведь когда-то я сама ходила в этот театр и садилась как можно ближе к сцене, чтобы даже складки на костюмах разглядеть.

Я смотрела на фотографию: просто старенький неясный снимок. Но старуха не отрываясь глядела на смутные очертания сада и тонкий силуэт девушки у окна, и только на миг мне показалось, что она глядит с ревностью.

– Однажды перед выходом Софии, – продолжала старуха, – их учительница вбежала в гримерную и сказала: «Там в третьем ряду сидит знаменитый французский трагик. Он переодет в форму морского офицера». –

«Наверное, это просто похожий моряк», – не поверила София. «Я не могу ошибиться, – твердо сказала учительница (а их учительница сама когда-то была актрисой). – Я видела его на гастролях в Варшаве, еще до войны. Так же близко, как тебя сейчас. Он прошел мимо меня и даже задел рукавом пиджака».

Их учительница должна была стать звездой, но в театре побоялись; ты меня понимаешь? Она ушла в школу преподавать танцы и обнаружила у Софии большой талант. Поверь мне, она очень ладно читала со сцены, а еще лучше танцевала.

На нее многие приходили смотреть и говорили: «Театр – это София». Так вот, она вышла на сцену и сразу же заметила этого трагика среди

зрителей. У него было волчье лицо и темные глаза с темными кругами теней. Она взглянула на него один раз, всего один раз, и сразу же поняла, что должна подойти к нему. Она ни слова не знала по-французски, кроме одной фразы из старой пьесы. Она подошла и спросила его: «Зачем ты заставил меня уйти в монастырь?»

– И что он ответил? – спросила я.

– А что он мог ответить? – удивилась старуха. – Он увез ее с собой.

– Мама, ты выяснила, почему она плакала у умывальника? – спросила Нино перед сном, когда совсем стемнело.

– Да, – сказала старуха. – В журнале был очень грустный рассказ, способный растрогать даже самое бесчувственное сердце.

Я жила в комнате Егора среди его вещей. Я была хозяйкой на целый месяц лета. У окна стоял ученический стол со стеклом на поверхности. Под стеклом лежала карта Крыма с Ялтой, помеченной красным карандашом. Над кроватью с панцирной сеткой висела фотография класса. Внизу его рукой были приписаны имена учеников, но свое имя он в угоду старухе написал грузинской вязью, поэтому я так и не узнала его фамилии. Из всех лиц на фотографии взгляд сразу же падал на его лицо, а все остальные казались просто дополнением. Из бесчисленных мгновений жизни фотография вырвала то, когда хотелось смотреть только на него. Я была хозяйкой всех этих вещей, и даже Ялта на карте Крыма, обведенная в кружок, принадлежала только мне, а он гостем подглядывал в собственную комнату с веток черешни. Когда я уеду, кто-то другой займет мое место и все его вещи перейдут по наследству от меня к новому жильцу.

В этом году он больше никогда не войдет в свою комнату на правах хозяина, потому что осенью он уедет в Симферополь в университет, сказала мне старуха.

Я просыпалась рано утром. В комнату сквозь ветки черешни лился зеленоватый свет, и длинная зеленоватая тень от стола подкрадывалась к моей кровати. Часто мне казалось, что на ветках дерева сидит Егор и тянется к стеклу, чтобы лучше рассмотреть фотографию на стене, но каждый раз, когда я подходила к окну, ветки оказывались пустыми, и я видела, что некоторые черешни перезрели и треснули вокруг черенка, что означало середину июля.

Иногда я просыпалась среди ночи, и в самое первое мгновение, пока сон еще полностью не прошел, мне казалось, что рядом со мной Роман, и

я принимала за него очертания сбившегося одеяла и, проснувшись окончательно, думала про те дни, когда мы, усталые, возвращались с моря, сбрасывали одежду и сплетались тонкими ногами на этой узкой южной кровати, прикрытой простыней в песчинках, принесенных с пляжа.

Сейчас, когда я вспоминаю нашу комнату в Ялте, мне кажется, что весь июнь мы с Романом прожили между двумя улочками: на дне моего чемодана лежало письмо из Москвы, спрятанное под ракетками для настольного тенниса, а над кроватью висела фотография школьного выпуска девяносто пятого года.

Каждые десять дней к нам наверх поднималась старуха перестилать постель, и, пока она стягивала с кровати простыни с ночными следами, мы стеснялись друг друга и этой комнаты, но сослепу она все равно ничего не замечала и равнодушно бросала их в корзину для белья.

Моя комната не запиралась на ключ, ее можно было только закрыть изнутри откидным крючком, и однажды мне показалось, что кто-то поднялся ко мне, пока я была на море. Я всегда плотно задвигала ящики стола, а в этот раз верхний ящик был слегка приоткрыт и бумаги находились в беспорядке. Конечно, это был Егор, подумала я. Он стосковался по своей комнате, поднялся, чтобы посмотреть фотографию на стене, привычным жестом хозяина выдвинул ящик письменного стола и, увидев чужие бумаги, вспомнил, что комнату сдали до конца лета.

Наутро, когда я спустилась вниз, Егор сидел в беседке над скудным южным завтраком: кусочек черного хлеба, намазанный маслом, и тарелка с гречневой кашей, по-детски присыпанной сахаром.

– Здравствуйте, – вежливо и равнодушно сказал Егор.

– Егор, – засмеялась я в ответ, – зачем ты подсматриваешь в мою комнату по ночам?

Он отпрянул от меня, ему захотелось убежать, но убежать было некуда, и тогда он спрятал за спину руку с кусочком черного хлеба.

– Мне, наверное, показалось, – сжалась я. – Просто ветки дерева бились ночью о стекло.

– Да, – повторил за мной Егор и покраснел, – черешня разрослась.

– Черешня? – долетел до Нино обрывок разговора.

Она лежала в шезлонге, полузакрыв глаза, и мне казалось, что она спит.

Обычно она просыпалась после полудня в жару, лениво бранила Егора или разговаривала со старухой. Вечерами, если пасьянс долго не сходилась, она бродила по саду, представляя, что с кем-то спорит или просит о чем-то.

– Хорошая черешня, – улыбнулась Нино. – Когда мой прадед купил этот дом, она уже вовсю тут росла.

Нино редко со мной говорила, может быть, даже и в этот раз она обращалась не ко мне, а я просто поймала ее слова и связала их в разговор.

– Почему ты никогда не ходишь на море?

– Иногда я купаюсь по ночам, – ответила Нино, равнодушно пропустив мое «ты». – Днем на пляже нужно снимать платье, а я отвыкла. Не хочу чужих взглядов.

– А на кого ты гадаешь? – спросила я.

Она улыбнулась – разве можно задавать такие вопросы? Подумала, отвечать или нет, и сказала:

– Я не гадаю. Я пытаюсь узнать прошлое. Видишь, – и она протянула мне карту, – это же король крести. Это старый король. Я представляю, что это мой прадед.

– И что ты нагадала? – спросила я, усмехнувшись.

– Так, – ответила она, равнодушно пропустив мою насмешку. – Ничего такого, чего бы не знала раньше.

– А что ты знала раньше?

– Совсем немного. От матери. Он был очень сильным до глубокой старости и потому не мог справиться сам с собой. До сих пор старики на Набережной говорят: он приходил в кофейню, выпивал, а потом спрашивал: «Я грузин. Кто против?» – и если кто-то отвечал, Ладо тут же пускался в драку, а у самого голова – вся белая... Вот мой король – черви... – и она показала мне следующую карту. – Но я давно не доставала его из колоды.

Дети на пляже удивлялись синеве морской воды. Они черпали воду полиэтиленовыми пакетиками и доверчиво несли родителям – показать. Но вода в мешочках теряла цвет и казалась обычной проточной водой. Только вкус оставался соленым.

– Вся синева на глубине, – лениво объясняли родители.

Дети входили в море по грудь и заново черпали воду, но цвет ее оставался прежним...

– Хорошо бы наполнить ванну морем, – мечтала я в детстве, когда мы с бабушкой приехали из Крыма.

И тогда бабушка купила в галантерее морскую соль. Но когда она высыпала ее в ванну, вода никак не изменилась.

– Попробуй на вкус, – сказала бабушка.

Я попробовала: вода была соленой, морской.

– Вся синева осталась в Ялте, – объяснила бабушка. – Ну давай, полезай.

И я залезла в ванну. Вода расплескалась. В ее плеске мне послышались крики купающихся.

У пирса, где я всегда оставляла вещи, спиной ко мне сидел Егор. Сразу было видно: сидит местный. Он был в одежде.

– Егор, – позвала я. Он не обернулся. – Егор. – Все то же. – Егор, – подошла я вплотную, но он по-прежнему сидел ко мне спиной. – Гоги...

И он тут же повернулся:

– Хотите знать про черешню? Я смотрел в ваше окно.

– Ну и что же ты увидел?

– Ничего такого, чего бы не знал раньше.

Я пошла купаться, он пошел за мной. Он лениво стянул с себя рубашку: кожа его была бледной, как у всех местных, безо всякого намека на загар. И как насмешка над загаром, на его груди было белое пятно, еще блее, чем кожа, похожее на молочную каплю. Он плыл спокойно, без удивления перед морем. Я думала, что он, как Роман, поплывет к буйку и дальше, но ему было неинтересно. Когда я выдохлась и направилась к берегу, он послушно повернул за мной.

– Почему уехал ваш муж? – спросил Егор, когда мы вышли на берег.

– Потому что я попросила его уехать.

– Из-за меня?

– Ну конечно из-за тебя, – сказала я и поцеловала его.

Пока я целовала его, он стоял, не разжимая губ, и равнодушно смотрел мне за спину. Я оглянулась: два подростка играли в пинг-понг.

– Как мы встретимся завтра? – спросил он.

– Завтра?

И прежде чем согласиться, я снова посмотрела на него. Нет, он не закрывал от меня ни Ялту, ни море с черной пропастью за волнорезами.

– Завтра утром я буду ждать тебя в кофейне на Набережной, – сказал он и прибавил: – Можно?

– Хорошо, – согласилась я, – только когда я войду в кофейню, сразу же подойди ко мне, потому что я плохо вижу. Я боюсь тебя не найти...

Раньше, когда я думала о Егоре, я представляла, как среди ночи он спрыгивает с нижних веток черешни и уходит к себе. Он торопливо снимает рубашку, у него ровная, гладкая кожа на груди и прямой разворот плеч. Но это неожиданное пятнышко, замеченное мной на пляже, из моих мыслей превращало его в реальность. «Черешня, комната, он снимает ру-

башку...» – так безымянно можно думать о ком угодно, но это пятнышко на груди сразу же давало ему имя: «Да, это я, Егор. Посмотри за мое плечо, и ты увидишь Ялту».

Я вспомнила, как днем мы поднимались по улице, в гору, и перед нами, один за другим, выросли домики Ялты с легкими, как яичная скорлупа, балконами. Мы остановились у двухэтажного дома. Дверь в подъезд была открыта, за дверью виднелась длинная лестница с крутыми высокими ступенями, плоская площадка и голубой просвет между порогом и дверью.

– Я тебя люблю, – сухо и торопливо сказал Егор.

Пятнышко на груди и «люблю», которое он много раз проговаривал про себя и не знал, кому сказать вслух...

Чтобы не засмеяться, я снова поцеловала его. Он смотрел мне за спину, я смотрела за его плечо, мы избегали встречаться глазами. Мы стояли на горе, на ступеньках, и из-за его плеча я увидела дворик в низине. Во дворике сушилось белье, и рядом с провисшими веревками, за столом, отдыхающие резали дыню, не замечая верхних наблюдателей.

На юге всегда рано темнеет, и в темноте загар кажется особенно глубоким...

Когда мы вернулись домой, Егор смутился, увидев Нино в саду.

– Мы встретились на улице, – сказала я. – По дороге к морю.

Нино кивнула.

Утром я увидела с балкона, как между деревьями мелькнула белая рубашка.

Это Егор пошел на встречу со мной.

Старуха стирала простыни в саду. Таз стоял на табуретке, а рядом на земле – два ведра с мыльной пеной. На летней кухне, на газовой плите, кипело еще два ведра. Нино развешивала простыни на веревках. Простыни скрывали Нино, одни только руки показывались с разноцветными прищепками.

– Я срезала две розы, – сказала старуха, – белую и кремовую.

Помнишь, ты говорила, что они нависли над дорожкой и отдыхающие могут их сбить по пути на кухню? Эти розы нужно отнести Виктору.

– Пусть Гоги отнесет, – откликнулась Нино. – Кладбище на самом верху, мне тяжело подниматься.

– Гоги ушел на пляж. Он сказал, что хочет загореть. Я боюсь, что розы завянут к вечеру.

Нино раздвинула простыни на веревках и вышла к старухе. Она стояла в просторном белом платье в огненных подсолнухах. Нино все время жа-

ловалась на жару и пряталась в тень, но солнце все равно настигло ее и варварскими подсолнухами распустилось на ночной рубашке, превратив ее в платье.

– Теперь наш Гоги будет все время ходить на пляж, – сказала она. –

Вчера он вернулся вместе с этой Зоей, и Зоя сказала мне, что они встретились случайно. Что-то произошло между ней и ее Романом, вот она и пробует забыть за счет нашего Гоги.

Старуха вытянула из таза простыню и подала Нино.

– Муж уехал, вот она и скучает одна.

– Он никакой не муж, – ответила Нино, скрываясь за простынями. – Он просто так. Я смотрела ее бумаги, среди них лежал паспорт. В ее паспорте нет печати регистрации.

– Просто так? – удивилась старуха. – Они такие молодые. Это только в старости, когда жизнь разбита, живут друг с другом просто так... Доживают...

– Мне сорок лет, – сказала Нино. – Но я еще помню, как смотрят юноши. Гоги так на нее смотрит. Ему ничего не надо. Он никого не видит перед собой, кроме нее.

– Послушай, Гоги все равно бы нас оставил. Ему осенью в университет. Он уедет в Симферополь.

– Но это было бы последнее лето...

Старуха вытянула из таза пестрый халат.

– Ай да халат у меня, вот так халат! Вчера шла в гору и все пуговицы растеряла. Все до одной.

Больше всего на свете Нино и старуха любили Егора. В первую очередь они любили его, а уже потом друг друга. Мне нравилось смотреть на них, потому что мои родители никогда не любили меня. Сразу же, как я родилась, они отвезли меня к бабке. И когда я впервые очнулась после младенчества, я увидела «Пражскую», длинный ряд молочных бутылок и бабку, которая суетилась надо мной:

А-та-та, а-та-та,

поймал дедушка кота, –

приговаривала бабка, –

а бабушка – кошку

за милую ножку.

И кот Мурзик свесился с подоконника и жарил глазами-сковородками. Мои родители меня никогда не любили, за это я сердилась на бабку: «Если

бы тебя не было, они бы оставили меня у себя! Когда ты умрешь, они заберут меня к себе в Серебряный переулок!» На что бабка всегда неизменно отвечала: «Пойди, отнеси кефир Раисе Ивановне!»

Иногда мне казалось, что из детских сердец тянутся тонкие ниточки в родительские сердца. Они тянулись и из моей груди, но им было не за что уцепиться. Они завязывались в воздухе в петли, и их несло куда попало: на дворовые деревья, на стеклянное горлышко, отколовшееся от бутылки, на старуху Раису; поэтому связи с людьми у меня были слабые. Про бабку я старалась не думать. Мне казалось, что это она во всем виновата.

Когда вырубали тополя во дворе, я сразу же представляла себе руку, от которой отсекают пальцы, а звон разбившейся бутылки каждый раз заставлял меня вздрагивать так, как будто бы я иду босиком и наступаю на стекла.

Родители тянулись даже к самым злым, самым недостойным детям, а тополя и разбитые бутылки и даже старуха Раиса никак не могли мне ответить.

Когда умерла старуха Раиса, я сказала ее сыну:

– Лучше бы умерли вы.

– Да, – согласился ее сын, – лучше бы умер я.

Среди немногочисленных гостей за столом сидела соседка с третьего этажа. Ей было двадцать пять лет, она часто пила, но ее организм еще не успел привыкнуть, она еще могла себя побороть и по целым неделям ходила трезвой. По выходным она пела в церкви за оврагом.

– Успокойся, Зоя, – сказала она мне. – Его мать сейчас маленькая девочка с большими синими глазами, и Бог ее все время целует.

– А я и не думаю беспокоиться, – засмеялась я, – расскажите лучше все это второклассникам во дворе. Мне четырнадцать лет, а не четыре года!

Ровно через неделю я пошла на Покровское кладбище просить старуху Раису, чтобы она мне больше не снилась. У ее могилы я встретила Ромку.

– Лучше бы умер твой отец, – сказала я.

– Или я, – ответил Ромка.

Старуха пронзительно смотрела на нас с фотографии на памятнике.

Я заплакала, и Ромка, по-моему, тоже заплакал, а потом вдруг сказал:

– Давай играть в прятки. Я вожу. Считаю до десяти.

Ромка монотонно начал считать, и я побежала прятаться. Я не понимала, от кого из них я прячусь – от Ромки или от старухи на фотографии. Каждый раз, когда я приседала за кустом шиповника или вставала за памятником, выглянув из укрытия, я видела ее лицо с холодными насмешливыми глазами.

Через несколько лет постаревший отец Ромки говорил:

– Мать любила меня всю жизнь. – И при этих словах я чувствовала какую-то смутную ревность. – А мне она казалась такой постылой, особенно в старости. Я ведь с ней почти не говорил, только просил поесть и воровал настойки из шкафа...

– Ладно, папик, – не слушал Ромка и уходил из кухни.

Мы оставались вдвоем, и он начинал выпытывать:

– Она мне даже не снится, ты понимаешь? Вдруг там, после смерти ничего нет? Ты же сидела с ней целыми днями. Помню, приходишь совсем малявочка – и давай выпрашивать. Она рассказала тебе, да?

Я спустилась на Набережную и пошла в кофейню. Белые столики по-прежнему стоят перед входом. Вот столик, за которым мы недавно сидели с Романом. Но сегодня порт пуст. Нет ни одного корабля.

На улице воздух был легким и жарким, а в кофейне, наоборот, тяжелым и холодным. На стене висело зеркало, в котором во всех мелочах повторился зал с полукруглой стойкой, почерневшими ветками олеандра в стеклянных стаканах воды и фотографический обрывок улицы, втиснутый в раму дверного проема; и все равно настоящий зал чем-то неуловимо отличался от своего зеркального двойника.

Я сразу же заметила белую рубашку Егора. Он сидел спиной к выходу, почти вплотную к зеркальной стене, и тайно от Нино и старухи курил. Кто-то помахал мне из угла, и я сразу же поняла, что не мне – я никого не знала в Ялте.

– Ты давно здесь? – спросила я Егора.

– С утра, – ответил он и вместо того, чтобы обернуться, бегло взглянул в зеркало на стене. Мне даже понравилось, что он не оборачивается, правда, из-за дыма зеркало казалось мутным.

– Егор, – и, глядя на наши смутные отражения, я положила руку ему на плечо.

Тогда он повернулся ко мне лицом. Я ошиблась. Я не знала этого человека.

Но тут из глубины кафе ко мне подошел настоящий Егор.

– Ты прошла мимо, – весело сказал он, – я помахал тебе, но ты не заметила.

Егор разговаривал так, как будто бы не знал, что он красивый. Красивые юноши разговаривают иначе. У них привычка неподвижно смотреть в лицо, но они смотрят не на вас, а на то, как вы смотрите на них. А Егор опуская глаза и краснел.

Мы пошли по Набережной в сторону кортов. Самих кортов еще не было видно, но уже слышался стук мячей. Короткие промежутки между ударами – это кто-то с ракеткой у стенки, длинные – кто-то играет на поле. И густая тень от кипарисов под ногами.

В просвете между кортами показался пляж. Ленивые тела загорающих были разбросаны по гальке. Гладко синело море. Иногда ветер поднимал две или три волны. Медленно покачиваясь, они набегали на берег, ненадолго отемняли гальку и отступали. И вдруг я увидела Нино. Она стояла, никого не замечая, у ограды и смотрела перед собой. Она смотрела не на пляж, а сразу на море. Ее взгляд, пропустив загорающих и серые валуны гальки, с легкостью впитывал синеву воды: вот пробежала волна с завитком и мягко наплыла на берег, а за ней вторая – разбилась о камень, и снова – гладкое море... И я бы, наверное, даже не заметила Нино, если бы не ее платье. Она стояла на самом солнцепеке, и в первое мгновение я не поняла, что у нее на платье подсолнухи, мне показалось, что оно загорелось. Нино стояла в горящем платье и с тоской смотрела на воду. Она спустилась сюда из-за Егора и не заметила, как мы прошли. Она и не думала нас искать. Она неподвижно смотрела на море, чтобы оно заполнило ее всю и вытеснило мысли о Егоре.

– А как же твой Роман, – спросил Егор, слегка выделив «твой», и я не поняла, что было в его вопросе – ревность или любопытство. Но тут же ответила:

– Мы вместе учились. – И обняла его, чтобы он не обернулся и не увидел Нино в ее огненном платье. – Каждый раз, когда мы встречались, еголицо мучило меня. Я не понимала, что же меня так беспокоит, за это мне хотелось его обидеть...

Прогуливаясь, мы дошли до следующего кафе. На террасе под солнцем стояли плетеные столики, на некоторые из них падала тень. У входа в кафе ходил фотограф с дрессированной обезьянкой. Зажав в пальцах цветную палочку, обезьянка перекаtywала колесико, обвитое серпантинном. Мы сели у входа.

Напротив нас хохол в белой майке с зелеными пальмами завис над чашечкой кофе. Он занял столик на солнцепеке, и хотя в тени было много свободных мест, он не пересаживался, ему было лень. Пятна пота темнели под мышками. Он сонно смотрел на красивое, но тупое от жары лицо продавщицы соломенных шляпок. Разложив шляпки, она сидела на террасе рядом со старухой в цветастом халате, продававшей «Массандру» в раз-

лив. Егор никого из них не заметил, только бегло улыбнулся обезьянке, перекаtywавшей колесико. Но хохол заметил нас, правда не сразу. Сначала он лениво смотрел, как вытекает сок из надорванного пакета, потом беспокойно оглядел меня и перевел тяжелые глаза на Егора. Егор обнял меня, не думая о том, смотрят на нас или нет. Он никогда не скрывал свои чувства. Я засмеялась и отодвинулась.

– Очнись, голубок, – медово пропел хохол, и его голос был как затянувшийся зевок. – Еще успеешь! – и обернулся по сторонам, ища одобрения и поддержки.

Егор внимательно посмотрел на него, как проснулся.

– Про тебя говорю, про тебя, – закивал хохол.

Егор улыбнулся ему. И лучше было бы никогда не родиться этому хохлу. Рыхлый, вскочил он под улыбкой юноши, прочь откинув плетеный столик со звонкой чашечкой кофе.

– Да ты, – тревожно крикнул хохол, шаря глазами по лицу юноши, – да я, – и вытянул вперед свои жирные дрожащие руки с растопыренными пальцами, – да я же тебя за-ду-шу...

Ленивые, подошли охранники. Их было двое. Им было жарко в серых форменных брюках и глухих рубашках. Один был черноволосый в кепке. Он закатал рукава до локтя. Второй был очень маленький, коренастый, со светлыми выгоревшими волосами и темным загаром. Загар был настолько глубок, что волосы казались белыми, такими же, как выгнутые полоски бровей и короткие, но частые ресницы. Им не хотелось кричать и выталкивать хохла, но они знали, что он будет упираться и не уходить.

– Пойдем, – миролюбиво попросил черноволосый.

А маленький кивком головы указал на выход.

– Это все он, – вскрикнул хохол и показал на Егора, – я сидел тихо, понимаешь? – и для искренности ударил черноволосого по плечу. – Понимаешь, да?

Лицо черноволосого сделалось угрюмым.

– Пойдем, – мрачно повторил он.

– Я спокойно сидел, – разбушевался хохол, – и вдруг он... он... сел напротив!

Но охранники уже сводили его по ступенькам.

– Отпустите, братья! – взмолился хохол.

– Иди, – согласился маленький охранник и равнодушно столкнул его с последней ступеньки, у которой сидел фотограф.

Хохол поискал глазами и уперся в щит с фотографиями.

– Я отдыхал, – обратился он к фотографу, – ты видел, скажи? Я сидел один и отдыхал...

Фотограф предложил ему сняться с обезьянкой.

– Да иди ты, – махнул рукой хохол. – Я никого не трогал, понимаешь?

Обезьянка звонко покатила колесико.

Егор злобно посмотрел ему вслед и усмехнулся. Эта усмешка неприятно поразила меня. Я никак не могла понять, что же она мне напоминает, и вдруг вспомнила местных подростков на Набережной. Они садятся спиной к морю и тоскливо смотрят в толпу, а толпа не видит препятствия и смотрит на море.

Иногда среди них попадаются очень красивые, но даже у самых красивых обязательно окажутся редкие выщербленные зубы и липкая слизавая речь. На шеях у них висят бритвочки с тупыми краями. Они пристально разглядывают ноги проходящих девушек или беспокойными взглядами упираются в лица, но не смеют подойти и обязательно прошепчут что-нибудь вслед.

Старуха и продавщица соломенных шляпок равнодушно переглянулись.

– Давит жара, – сказала продавщица, – хоть вообще днем не выходи.

– Так и гнет к земле, проклятая, – согласилась старуха. – Я теперь часто выхожу по ночам. Спускаюсь с Чайной горки на велосипеде и сразу – в море; и плыву, плыву... А вода такая мягкая, такая теплая, как пуховая перина... Благодать.

Но продавщица не успела ответить. К ней подошли покупатели и спросили, нет ли шляпок-канотье.

Старуха взглянула на покупателей. Ее взгляд остекленел, перевернулся и обратился внутрь. Во взгляде застыло удивление от того, что она сама в себе разглядела.

Мы поднялись в Массандру, когда уже совсем стемнело. Во дворике у Клюковых горел свет. Молодая женщина из отдыхающих развешивала на ночь белье. Над крыльцом горел подвесной фонарь, но его света хватало только на маленький дворик Клюковых, и сразу же с двух сторон ограды чернели чужие сады. Старуха Клюкова спустилась с крыльца и торопливо перебежала двор. Она склонилась над столом, стоявшим на границе света и темноты, и почти полностью утонула в темноте. Только плечо, локоть и длинная складка старушечьей юбки попадали в полоску света. Мы шли по темной улице, и клочок сада, вырванный из темноты, и женщина с бельем, и старуха Клюкова, возившаяся у стола, – вся эта очарованная жизнь по-

разила меня. Днем я равнодушно проходила мимо: две плоские ступеньки перед домом, покосившийся умывальник с разбитым зеркалом; женщина, развешивающая белье, сонно зевала, показывая мокрый глубокий рот, и смотрелась в осколок зеркала. Но сейчас они предстали в новом, таинственном свете, подтверждая, что за чертой ночи продолжается жизнь.

Точно так же неделю назад я стояла на балконе. Старуха с Нино допивали чай в беседке. Огромная Нино в своей необъятной ночной рубашке сидела напротив маленькой старухи. Лампа раскачивалась под потолком, по очереди освещая лица. Они казались мне настолько притягательными, что я невольно стала вслушиваться в их разговор.

– Ты помнишь, как Гоги научился кататься на велосипеде? Ему было пять лет? – спросила Нино, и лампа качнулась в сторону старухи. – Помнишь, как он выехал за ворота, а по дороге шел грузовик и остановился в двух шагах от Гоги?

– Помню, – сказала старуха, и лампа качнулась в сторону Нино. – Тот водитель вылез из кабины, и ты хотела ударить его, но не достала, такой он был рослый. Тогда он специально нагнулся к тебе, чтобы ты дотянулась...

– А Гоги сказал...

Но я не дослушала. Меня окликнул из комнаты Роман.

Мы подошли к дому, Егор привычно обнял меня, как бы прощаясь, и хотел договориться, как мы встретимся завтра. Рубашка была расстегнута на груди, он смотрел мне за плечо в темный неподвижный сад, и я сказала, точно так же не глядя на него:

– Если среди ночи ты поднимешься по черешне, я открою тебе окно.

– Что? – переспросил он и нагнулся, чтобы расслышать.

Я повторила.

Он отпрянул от меня и промолчал.

Когда мы вошли в ворота, то первым делом увидели Нино. Она сидела в беседке и раскладывала пасьянс. Было темно, и в свете электрической лампы подсолнухи на ее платье не горели, как днем на пляже, а едва тлели.

– Где вы были? – пытаюсь казаться равнодушной, спросила Нино.

– На море, – ответил Егор. В его ответе было все и ничего.

– Что вы делали весь день? – снова спросила она, и в ее вопросе скользило: «Зачем ты обнимал ее?»

– Купались и сидели в кафе, – ответил Егор, а ей хотелось услышать: «Да что ты, я даже пальцем до нее не дотронулся...»

Все время, пока я готовила ужин на летней кухне, Нино пристально следила за мной. Я пыталась прочесть ненависть в ее взгляде, но ненависти там не было, была одна тоска.

Ночью я вспомнила «Пражскую».

Были последние дни августа, и наша школа у оврага с озерцом на дне все еще пустовала, и мы с Галей вошли с черного хода. Мы сидели на матах в спортзале. Высокие окна были затянуты сеткой, местами сетка оползла, открывая мутные стекла. Разговора не получалось. Я задавала вопрос, Галя, не дослушав, начинала отвечать, потом мы надолго замолкали, придумывая, что сказать дальше.

– А как Женя Дичко? – вяло спросила я.

– Женя... – начала она, но тут же прервалась. – Что еще ты хочешь узнать от меня?

И вскинула на меня пронзительные кукольные глаза.

– Ничего, – весело ответила я.

– Ничего... – тут же поверила она и стала рассказывать про Женю: –

Раньше я ее жалела, а сейчас моя жалость кажется мне такой смешной. Я зашла к ней вчера, а она надевает тоненькую батистовую кофточку, а кофточка трещит на плечах. Она спрашивает: «Красиво?», а сама знает, что уродливо, но улыбается так, как будто бы не знает...

– А что бы ты сделала, – перебила я, – что бы ты сделала, чтобы он тебя полюбил?

– Уж не Роман ли? – усмехнулась Галя.

– Роман.

Мы посмотрели друг на друга, но я первая отвернулась, не выдержав ее насмешливого взгляда.

– Я бы подпустила его совсем близко, так, чтобы он увидел, как я его безумно люблю, а потом бы оттолкнула и посмеялась над ним, чтобы он думал, что мне все равно...

– Тогда почему же ты так не сделаешь? – спросила я.

– А он не дается, – ответила Галя.

И мы обе засмеялись. Я над ее простыми словами, а она надо мной. Это были жалкие простые слова, но то, как она сидела, подтянув колени, печальный наклон головы, ее тоненькие пальцы с обгрызенными ногтями – всего этого Роман не видел издали, но, приблизившись, обязательно бы разглядел.

Ее слова настолько глубоко проникли в меня, что стали уже не просто привычкой, а намертво срослись со мной и притянули Романа. Иногда я

ненавидела его за то, что он меня полюбил. Он даже не подозревал, что любит не меня, а чужую печаль. И эта чужая печаль, ставшая моей тенью, через несколько лет нечаянно притянула Егора.

– Я ошиблась, Егор, – несколько раз повторила я, засыпая. – Я метила в него, а попала в тебя. Я купалась с тобой в одном море, я позволила тебе идти за мной по пляжу, я позволила тебе посмеяться над хохлом, и за сегодняшний день, полный длинных жарких часов на берегу, я разглядела тебя насквозь. Точно так же затемненное стеклышко поднимают на свет, чтобы выяснить причину затемнения. И я не знаю, что мне делать с тобой завтра и послезавтра и во все оставшиеся дни, пока длится эта жизнь и это лето...

Я представляла себе буквальную иллюстрацию к моим словам. Я видела тир у входа на пляж. Из тира слышались щелчки затворов и частые выстрелы. И вот я вхожу в тир. Беру ружье, и мне говорят: «Целься в красную мишень!», но я стреляю и попадаю по черной. Мишень опрокидывается навзничь, и тут же белка-кондуктор машет жезлом, и по путям с дребезжанием проезжает трамвай с двумя прицепными вагонами. И кто-то все время стреляет рядом и с треском заряжает ружья. Этот треск похож на удары теннисных мячей на корте. Утром, когдаходишь к кортам, сначала неясно, а потом уже все четче и четче между темных пятен зелени мелькают белые майки теннисистов и стучат мячи...

Или так еще барабанят пальцами по стеклу. Подходят к окну, задумываются о чем-то и выбивают ритм... пальцами по стеклу... по стеклу...

Я проснулась. На балконе стоял Егор и тихо стучался в окно. Ветки черешни раскачивались за его спиной, и я не понимала, то ли от ветра они качаются, то ли он недавно с них спрыгнул.

– Открой, – попросил Егор, пристально глядя на меня.

Впервые он глядел не по сторонам и не за меня, а прямо мне в лицо. Я открыла окно, и он гостем вошел в собственную комнату, но не решился пройти, а уселся на подоконнике. Мы в первый раз оказались с ним вдвоем и боялись друг друга. Я взяла его за руку, но он отдернул руку и спрятал ее за спину, так же как утром спрятал кусочек хлеба.

– Проходи, – растерянно сказала я, чтобы хоть что-то сказать.

Тогда он спрыгнул с подоконника и порывисто обнял меня. Он поцеловал меня в шею и в плечо через рубашку, но потом развязал ворот рубашки, чтобы она ему не мешала.

– Зачем... – начал он, но не договорил, а мягко разжал руки и лицом уткнулся мне в плечо, совсем по-детски позабыв про свой порыв, как будто бы не знал, что делать дальше.

Я погладила Егора по волосам, и тогда он весело оглядел меня и сказал:

– А давай потанцуем!

– Да ты что, – улыбнулась я на его веселость, – да я не умею.

– И даже со мной не умеешь? – спросил он, усмехнувшись. И вся его детскость исчезла.

Я не знала, как обращаться с ним. Я с легкостью схватывала его взрослые нотки, но после нескольких слов он ускользал от меня и снова по-детски ласково смотрел. Я помнила этот взгляд. Ранним зимним утром бабушка поднимала меня в детский сад. Я вставала, и обиженно одевалась, и обиженно на нее смотрела, а потом опускала на ее плечо тяжелую сонную голову и дремала.

Мы танцевали. Я подстраивалась под его легкие шаги. Пятнышко на груди белело из-под расстегнутого ворота рубашки, и я смотрела то на пятнышко, то на его изменяющееся лицо.

– Кто тебя научил? – спросила я.

– Учительница Софии.

Это у него от бабушки, подумала я. Она прикладывает маски в зависимости от настроения. И эта черта так странно преломилась в Егоре. Он убегал от меня то в детство, то в юность, он дразнил меня, и я никак не могла его поймать.

– Учительница Софии? – переспросила я. – А разве она еще жива?

– Еще как жива, – пренебрежительно ответил Егор, – и до сих пор танцует. Она преподавала у нас танцы вместо физкультуры.

– И ты был хорошим учеником?

– Как видишь... Но она говорила, что Софию не затмить никому, – и он чему-то злобно усмехнулся.

Бабушка говорила про Софию восторженно, Нино с ненавистью, Егор едва сдерживал смех.

Я снова взглянула на него: он неподвижно смотрел на мой рот.

– Ну что, – сказала я, – сними рубашку.

– Да, давай...

Голый, он оказался совсем некрасивым. Детский, нежный изгиб тела и угловатые плечи. Он стоял передо мной и вдруг застеснялся белого пятнышка между ключицами и закрыл его рукой.

– Скажи мне, – с вызовом начал он, – ведь ты любишь своего Романа?

И я засмеялась на его вопрос:

– А что ты мне скажешь взамен?

– Все, что захочешь, – ответил Егор, – во всем признаюсь.

– И в чем же ты можешь признаться?

– Думаешь, не в чем? – насмешливо спросил он.

– Ну хорошо, – отступила я. – Я люблю Романа и ни разу, ни на миг не переставала его любить.

– А за что ты его ненавидишь?

– За то, что он вырос.

– Теперь ты спрашивай, – сказал Егор.

– И что же мне спросить у тебя?

Я вспомнила, как с балкона смотрела на бабушку и Нино, сидящих в беседке, на их удлинненные тени в желтом свете подвесной лампы, на то, как они пьют чай из блюдечка, и подумала, что запомню их навсегда ради этого теплого вечера в маленьком саду над морем, который они забудут назавтра и который больше никогда не повторится...

– Что ты сказал водителю грузовика, который чуть не сбил тебя, когда ты ехал на велосипеде?

– Какому водителю? – не понял Егор.

– Еще Нино выбежала следом и ударила его...

– Я сказал... – задумался Егор, припоминая. – Кажется, я спросил мать, почему она плачет... или нет, я сказал... Это было очень давно. Тот водитель все время повторял: «Ведь я мог убить, мог убить...» Я пытался понять, кого он мог убить, и сказал ему, чтобы он не боялся.

Он провел пальцем по моим ключицам и легко нажал на ямку под горлом.

Белая рубашка с вышивкой на груди валялась на полу.

– И больше ты ничего не хочешь узнать? – рассмеялся он.

– Больше ничего.

Утром в беседке я рассматривала вчерашнюю фотографию. Мы с Егором сидели на террасе кафе, за нами виднелось море. На море был легкий шторм.

Обезьянка грустно перекачивала колесико.

На столе в беседке стояла голубая фаянсовая тарелка с черешней. Это бабушка собирала с утра. Ее глухая черная шаль висела на спинке стула. Несколько черешен упали со стола и закатились в расщелину между досками на полу.

Такую же тарелку я доставала из шкафчика на «Пражской», из этого шкафчика Роман когда-то таскал настойки. Это была обычная некрасивая тарелка для супа. Но уже сейчас, на юге, я представляла, как она беско-

нечно будет напоминать мне эту беседку, высокую спинку стула, завешенную шалью, и несколько черешен, упавших в щель на полу.

Я обернулась и увидела Нино. Она стояла позади меня и смотрела на фотографию. Я рассеянно отбросила ее на стол и даже не перевернула.

– Я не спала всю ночь, – сказала Нино.

– Вы часто не спите по ночам, – равнодушно ответила я.

– Вы заплатили за месяц, – сказала Нино, – но я хочу, чтобы вы съехали на днях, сразу же, как найдете себе другое жилье.

Она стояла передо мной, толстая, в длинной ночной рубашке, в легкой кофточке, связанной старухой. Под глазами легла тень от бессонной ночи и пролилась на скулы. И мне сразу же захотелось ее утешить: «Ваш Гоги всю ночь просидел на моем подоконнике, а наутро ушел через дверь, даже не через окно...»

Я снова оглядела беседку: вздувшаяся от дождя клеенка на круглом столе, кресло Нино, стул старухи, глубокая тарелка – и вдруг вспомнила:

– Чершня!

– Что? – переспросила Нино.

– Старая чершня, – повторила я и, глядя на нее, засмеялась. – Она застит свет в моей комнате, а вы каждое лето пускаете отдыхающих. Вам придется ее спилить.

– Это не ваша комната, – ответила Нино, вздрогнув. – Это комната моего сына.

– Я уеду завтра...

По дороге к морю меня догнал Егор. Мы заговорили точно так же, как раньше, пока между нами не встала ночь. Он рассказывал, как старуха по воскресеньям ездила в Ласточкино Гнездо, а потом состарилась и перестала ездить, но до сих пор хранит расписание катеров.

От тепла небо казалось мягким, бледно-синим. Его синева не резала глаз. Мы спускались с горы, и иногда из-за поворотов открывался вид на море. Море, напротив, казалось глубоко-синим, как будто бы с неба вся синева перетекла в него и осела на дне. Иногда по поверхности пробегали белые гребешки, это означало, что поднимается шторм.

За одним из поворотов показалась школа, обнесенная чугунной оградой. Школа стояла на холме, на самой его вершине, и ограда, скорее, окружала не школу, а основание холма. Перед входом почти у самого крыльца росли три сосны. Одна из них погибла. Ее иглы стали бурными и густо засыпали ступеньки.

Мы прошли по пустым коридорам мимо классов. Двери в классах были из двух половин с медными ручками. Я остановилась у прошлогоднего расписания, Егор встал напротив меня и, как всегда, глядя за мое плечо, приблизил свое лицо почти вплотную к моему и бегло прочел перечень предметов.

– Это здесь тебя научили танцевать?

– В спортзале, – ответил он, и мне показалось, что ему стыдно.

Мы спустились в спортзал. В зале репетировала старая танцовщица. Ее фигура, обтянутая черным трико, смешивала в себе старушечью худобу и стройность балерины. Если всмотреться в балетные тела, то кажется, еще один шаг, и они будут стариковскими, и в ее случае этот шаг был сделан.

Поверх трико она надела газовую белую юбку до щиколоток и старательно, как девочка из училища, тянула носок. И вдруг, в два прыжка, перелетала к соседней стене или футбольным воротам.

– Гоги, – заметила она и остановилась. – Рада тебя видеть, – и церемонно кивнула мне. – Давно ты не заходил. Еще с выпускного бала.

Егор молчал. Я видела, он стыдится старухи в балетной пачке, и старуха видела то же, но хотела казаться величественной.

– Он очень похож, – обратилась она ко мне, – очень похож на Софию.

– А где сейчас София? – спросила я, чтобы перевести разговор.

Старуха внимательно посмотрела на меня.

– У меня есть ее недавняя фотография. Могу показать, если вам угодно.

София вышла замуж за одного французского трагика.

Она открыла дверь в маленькую комнату, прилегающую к спортзалу, и достала газету из ящика письменного стола.

– Она была самой способной среди моих учениц. Все в театре с выражением проговаривали текст, а она играла по-настоящему. Вот здесь статья про «Комеди Франсез».

В газете была фотография какого-то французского актера сразу же после спектакля. Он стоял вместе с режиссером в окружении труппы.

– И где же тут София?

Старуха удивилась:

– Неужели вы думаете, что я не узнаю ее?

На фотографии спиной к камере стояла женщина с сигаретой в руке. Она к кому-то обращалась, слегка повернув голову, поэтому виден был только висок и абрис щеки. Ее собеседник даже не вошел в кадр.

– Видите, «Комеди Франсез», – перечитала она подпись, – я всегда предрекала ей славу!

– А вы бы хотели играть? – спросила я, возвращая ей газету.

– Я слишком стара, – ответила старуха, – я уже ничего не помню, ни одной роли. Могу только танцевать понемногу. Иногда тело помнит гораздо больше, чем голова. А что, – оглядела она нас, – на вас, наверное, смотрит вся Набережная, особенно старухи? Егор пожал плечами. Я промолчала.

– Вы только ничего не подумайте, – смутилась она. – Старухи всегда любопытны, особенно на море. Они пристально вглядываются в юные пары и в одно мгновение ослепительно проигрывают собственную юность и сразу же отводят глаза... Не сердитесь на нас... – И нетерпеливо закончила: – Прощайте!

Мы спустились к морю.

Егор улыбался так, будто ему предстояло узнать что-то важное, но что именно и когда, он еще не понимал и просто улыбался предчувствию.

На скамейке у расписания катеров сидели приморские мальчишки. Они напряженно рассматривали толпу, и никто из них не оборачивался на море.

Учительница Софии зачем-то научила их вальсу, представляя, как каждый из них, хорошо или плохо, танцевал бы с Софией. В этом году они закончили школу. Через несколько месяцев их оденут в военную форму, и они, свесившись с верхних и багажных полок общего вагона, будут смотреть в окно на проносящуюся дорогу. София о них не узнает.

Егор встретился глазами с кем-то из них, но тут же отвернулся. Иногда, едва уловимо, в нем проскальзывали черты этих парней. Он видел, что я замечаю сходство, и тяготился. Но у подростков с Набережной не было предчувствия будущей жизни.

Егор купил два билета на катер. На море был легкий шторм, но мы стояли на палубе, и я смотрела, как медленно удаляются Набережная и напряженные спины подростков на скамейке. Ни один не обернулся.

– Я бы хотел быть с тобой, – сказал Егор, – но, наверное, не получится.

– Что ты, – ответила я, – в юности надо быть одному.

– А разве ты одна?

– Я одна.

Мы вышли в Ласточкином Гнезде. Я думала, что Егор предложит мне испуститься, но он увел меня с пляжа, и мы поднялись в гору. Мы проходили мимо садов с раскрытыми калитками. У некоторых калиток стояли ведра со сливами, выставленные на продажу, или висело объявление: «Сдается комната».

Егор остановился перед домом с низкой блестящей крышей и высокими ступеньками, ведущими к двери. Он распахнул калитку так, будто бы при-

вык это делать, и на ходу, пока мы шли через сад, сорвал яблоко и засунул в карман.

Он стукнул в дверь и, не дожидаясь ответа, отворил ее. Мы вошли в дом. Егор провел меня по коридору, и мы свернули в одну из боковых комнат. Из-за спущенных штор в комнате было темно, поэтому она показалась мне пустой. На стене висела тусклая фотография девушки в темном кружевном платье, я не успела ее разглядеть, увидела только, что очень молодое лицо.

– Ну, здравствуй, София! – сказал Егор, вглядываясь в темноту.

– Это ты, Гоги? – ответил вздыхающий голос из глубины комнаты.

– Это я.

– Открой окно!

Егор подошел к окну и поднял шторы. Свежий дневной свет ворвался в комнату, и комната оказалась не столько большой, сколько глубокой. Она была заставлена старыми шкафами, этажерками, накрытыми пыльными, когда-то белыми салфетками, стульями со связанными спинками, как будто бы их только что привезли и забыли расставить. За шкафом виднелось зеркало и диван с круглыми валиками. На диване полулежала женщина в черном закрытом платье и черной шали на голове. Я не могла разглядеть ее лица, но догадалась: старуха.

– Вот, прилегла отдохнуть, – сказала она, оборачивая к нам лицо. –

Только что с рынка. Простояла целое утро, зато продала всю черешню. В этом году ее очень много.

У нее были черные круги под глазами, тонкий высохший рот и вялый голос.

Лицо старухи, я не ошиблась! И даже не заострившиеся черты и не сморщенная кожа делали его старым – напротив, желтоватая кожа лица казалась гладкой и чистой; ее лицо старило тупое выражение злобы, переходящее в оцепенение. Правда, иногда на него наплывали тучки благодущия, и тогда София улыбалась кротко и коротко и с любопытством смотрела на Егора.

– Надо выставить черешню за калитку, – сказала она. – Мне стало тяжело ходить на рынок! Видите, какой я была? – обратилась она ко мне, пытаюсь придать лицу насмешливое выражение.

Я посмотрела, куда она указывала. Она указывала на фотографию на стене. При свете фотография показалась мне очень четкой и свежей, такой, как будто бы ее сняли только вчера. У девушки на фотографии были резкие выступающие скулы, тонкий носик и правильные полукруглые брови.

– На меня приходили посмотреть, – капризно сказала старуха с дивана. Лицо на фотографии не было особенно красивым, но сразу же, с первого взгляда, становилась понятной его суть. Оно сияло предчувствием будущей жизни. И в тот же миг открывалась вся бездна между юной подвижностью лица на снимке и тупой одеревенелостью старухи. Я не поверила, что это одно и то же лицо, и даже если бы я видела постепенное губительное превращение, я бы не поверила и тогда. Но между тем старуха несколько раз повторила:

– Это я!

И, развернув ко мне желтоватый профиль, спросила:

– Похоже?

– Я думала, вы в Европе, – рассеянно ответила я.

Лицо старухи сразу же сделалось злым, но она промолчала. Егор покраснел и злобно ответил:

– Она не доехала до Европы. Она остановилась в Ласточкином Гнезде!

Злоба у них была разной. Старуха злилась на какого-то неизвестного врага, повинного в ее несчастье, а Егор злился на себя за то, что стыдился Софии точно так же, как учительницы танцев из школьного спортзала.

– Они всегда были строги со мной, – сказала София, поднимаясь с дивана. – Строги до жестокости! Сейчас, сейчас все расскажу... – часто кивала она, – вот только чай поставлю и что-нибудь для вас приготовлю.

И она выпрямилась во весь рост. У нее оказалось легонькое тело старушонки, обмотанное черными тряпками, похожими на платье. Она ушла на кухню, а Егор сразу же отвернулся к окну и засвистел простенькую мелодию, подхваченную на палубе катера. Сидел и смотрел в окно, чтобы не встречаться со мной глазами.

Утром я проснулась рядом с этим мальчиком, уткнулась лицом в его детское плечо и, разжав губы, случайно сказала: «Роман» – и тут же почувствовала, как вытянулось и напряглось его тело. Он лежал, закрыв глаза, но я знала, что под сжатыми веками его глаза не спят. Он как будто бы затаился и ждал, что же я скажу дальше, потому что моя оговорка означала, что я никогда не впущу его в свою жизнь. И он открывался мне, заведомо зная, что не нужен, открывался потому, что больше некому было открыться, точно так же как некому было сказать: «Я тебя люблю».

На кухне послышался грохот, и дом вздрогнул. Через некоторое время в комнату вошла София. Она была очень весела. На щеке чернела сажа, но она ее не замечала. В одной руке София держала миску с подгорелыми оладьями. В другой – банку темного варенья.

– Вы бы могли не услышать мой рассказ, – сказала она и кротко улыбнулась. – Я неправильно включила газ. Плитка чуть не взорвалась.

– Кто был с вами строг, – засмеялась я, – строг до жестокости?

И Егор снова злобно посмотрел на нас: может быть, не надо рассказывать?

София молча села за стол и разлила чай по чашкам. Егор усмехнулся, прошептал: «Роман», и тут же его лицо сделалось равнодушным. Он кивнул старухе, чтобы она начинала.

– Моя сестра и ее муж Виктор никогда не любили меня, – спокойно начала София, и вдруг в ее неподвижном лице появилось оживление: – Один только дед любил меня, но он умер, когда мне было шесть лет. Потом, после него, меня любила маленькая Ниночка, но тогда я уже перестала быть ребенком.

Мне исполнилось шестнадцать. Как сейчас помню: Ниночка сидит на качельках, и я ее раскачиваю. А сестра выйдет, снимет Ниночку с качелей и молча унесет в дом.

Егор торопливо пил чай и смотрел в чашку, показывая, что ничто на свете так не занимает его, как этот горячий чай с душицей.

– А я играла с маленькой Нино и вспоминала, как сама была девочкой, и так мне становилось печально, когда ее уносила сестра, что я смотрела на пустые качельки, как они раскачиваются одни, и плакала...

– Что говорил Ладос? – с запалом выкрикнул Егор, отрываясь от чашки.

Когда старуха начинала мяться и подбирать слова, Егор торопливо заканчивал за нее предложение или подавал новую мысль. Так он чувствовал себя свободнее.

– Ладос – это мой дед, – уточнила София. – Он сажал меня к себе на колени и говорил, что я еду на коне. Он любил рассказывать, как в Тифлисе увидел однажды великую актрису. Он не запомнил название пьесы, он только запомнил, что она встала на край сцены, протянула к нему руки и спросила: «Зачем ты заставил меня уйти в монастырь?» В зале было много мужчин, и каждый из них думал, что это к нему она протягивает руки.

Мне хотелось порадовать деда, и однажды утром я надела туфли на высоких каблучках. Это были туфли сестры, они были мне очень велики, и я с трудом в них ходила. Я встала на край беседки и спросила: «Ладос, зачем ты послал меня в монастырь?» Я ждала, что дед рассмеется, но он посмотрел на меня, отгоняя какое-то воспоминание, заплакал и сказал: «Больше никогда так не делай!» А сестра вдруг сделалась очень строгой, сказала: «Это мои туфли!» – и разула меня...

Когда София вернулась из кухни, то пятно сажи на щеке показалось мне смешным, но сейчас оно делало ее неприятно-жалкой, как будто бы она бежала за кем-то в дождь и постыдно умоляла о чем-то, а потом поскользнулась и лицом упала в грязь; и я понимала Егора, который избегал смотреть на нее.

– С этого дня я дала себе слово, что стану актрисой, – продолжала София. – Когда я пошла в школу, то первым делом записалась в кружок самодеятельности. Ладо к тому времени уже умер, а Ниночка еще не родилась.

Сестра ругала меня, но я не бросала кружок, я занималась тайно целых семь лет. А потом, через семь лет, мы стали играть в городе, и скрываться уже не было никакой возможности. Сестра приходила на все мои спектакли, а Виктор не приходил никогда.

Я посмотрела на фотографию на стене и подумала, с какой страстью к жизни легкая тоненькая София читала со сцены. И ее молодость, и взволнованный голос настолько завораживали зал, что старуха, сидящая в первом ряду, почувствовала жгучую зависть, и этой зависти оказалось достаточно, чтобы переиначить и погубить чужую жизнь. Вот за что корила себя старуха. Она много раз представляла, кем могла стать и кем не стала София, и ее представление через много лет слилось для нее с действительностью; поэтому когда она говорила о сестре, то всегда говорила только так, как будто жизнь Софии удалась, и тем самым заглашала свою вину.

– А что французский трагик? – спросила я, глядя точно так же, как Егор, в чашку с чаем.

– Это был русский трагик, – просто и печально ответила София. – Так, актерик из Симферополя. Он подошел ко мне после спектакля и сказал: «Тебе надо в театральное училище». «Что вы, – ответила я, – моя сестра никогда меня не отпустит!» Тогда он предложил мне уехать с ним, и я согласилась.

Когда я уезжала, Виктор даже не вышел со мной проститься, у него началась гангрена на ногах. А сестра с трудом улыbnулась мне и сказала: «И все-таки я за тебя рада. Ты победила!» Хотя победила она. Мне давали маленькие роли в симферопольском театре, но потом актер уехал на гастроли в Париж и бросил меня одну. Но я уже никак не могла вернуться в Ялту, потому что вся Ялта знала, что я в Париже... Они считают, что я в Париже, – засмеялась София.

– Ниночка до сих пор уверена... Правда, однажды на катере, по дороге в Гурзуф, я встретила мою бывшую учительницу. Мы сразу же узнали друг друга. Я спросила: «Вы помните меня?», но она отвернулась...

Когда мы уходили, София сказала:

– Сестра ездила ко мне по воскресеньям, а потом перестала. А ведь я ее давно простила, а она не знает. И нет сил доехать, сказать. И сама она уже, наверное, никогда не приедет!

Софии не нравилось, что мы уезжаем.

Она вышла за нами на крыльцо, но в сад спускаться не стала. Она стояла на высоких ступенях и протягивала вперед руки. Мы миновали сад и вышли за калитку, а она по-прежнему стояла в оцепенении с черным пятном сажи на щеке.

Егор боялся, чтобы я не засмеялась, и поэтому засмеялся сам. Мы молча шли, и вдруг он бросил меня на полдороге и побежал назад к дому. Он крикнул:

– Бабушка! – и крепко обнял Софию. – Я осенью уезжаю. Я поступил в университет.

– Слышала! – счастливо кивнула София. – Хвалю тебя за это, хвалю! – И заплакала.

Егор разозлился на себя, что его чувства вырвались при мне, но потом забыл, и его лицо просияло торжеством и предчувствием будущей жизни.

Мы ждали катера на Ялту.

С причала доносилась навязчивая, щемящая мелодия, и я никак не могла разобрать слов. Эта мелодия и голосок, который ее напевал, гнусавый, жалобный голосок приморского подростка, мгновенно запоминались, раздражали и выворачивали душу.

Я подошла поближе и прислушалась. Поющий оказался вовсе не подростком, а белесым испитым мужичонкой лет сорока. Одним из тех, которые в тридцать лет по-прежнему выглядят на пятнадцать, а потом внезапно сморщиваются, догоняют и перегоняют свой возраст.

– Давай пойдем на этот белый катерок, – пел он равнодушным звенящим голосом. У его ног лежала пустая кепка для денег. И рядом в колясочке сидел младенец в стареньких грязных ползунках и смотрел перед собой круглыми голубыми глазами.

– Я завтра уезжаю, – вспомнила я.

– Так быстро, – только и сказал Егор.

Наутро старуха бранила Егора по-грузински и тут же переводила для Нино. Нино переспрашивала. Тогда старуха махнула рукой и заговорила по-русски.

– Я провожу тебя, – подошел ко мне Егор.

И старуха снова принялась его ругать и уговаривать, чтобы он не шел со мной на автобус.

– Пусть идет, – сказала Нино, – у нее такой тяжелый чемодан, разве ты не видишь?

Они говорили так, словно были только вдвоем: старуха, Нино и Егор. Я отчетливо слышала каждое слово, и все их слова выстраивались в фразы, но в тот момент я никак не могла понять их смысл. Казалось, Нино и старуха говорили между собой на каком-то иностранном языке, а я знала его очень плохо и внимательно вслушивалась в разговор, отыскивая знакомые слова.

– Что мы ей сделали? – спросила старуха.

Нино что-то сказала, даже не взглянув на меня. Я вспомнила трефового короля из ее колоды, альбом с фотографиями и ветки черешни, бьющиеся в окно.

– Что она говорит? – переспросила я у Егора.

– Она говорит, чтобы я тебя берег, – ответил он, поднял мой чемодан, и мы вышли за ворота.

За сорок минут в метро я вспомнила лето. И когда я пришла домой, то первым делом лениво сказала Роману:

– Ты помнишь того мальчишку из Ялты, в позапрошлом году мы снимали комнату у его бабки? Они еще очень дешево просили.

– Помню, – равнодушно ответил Роман.

– Его звали Егор, а они еще очень смешно его называли. Кажется, Гоги. Ты помнишь?

– Помню, – усмехнулся Роман, вспомнив про фотографию.

– Так вот, – все так же лениво продолжала я, – я написала в Ялту раза два или три, но он ни разу не ответил. И только после третьего письма пришла коротенькая записка от его матери. Он всех обманул. Он не поступил в университет, но действительно в сентябре уехал в Симферополь. Он проболтался там целый месяц, а потом его забрали в армию, и он пропал без вести...

Роман молча посмотрел на меня.

– Пропал без вести, понимаешь? – повторила я.

Апрель–август 1996 г. Москва

Фотя Витрыло

/Шпола, Украина/

Водяные духи

реальная история

Однажды летом ребята пошли на речку. Обычное дело для ребят, скажет читатель. Спора нет, только они не рыбачили, а просто решили погулять, поглазеть на природу после городской асфальтированной жизни.

Но вот в глаза им бросилось большое скопление вдоль берега красных водорослей. Их было так густо, что казалось, речка задохнется скоро.

Дети забеспокоились и решили спасти речку. Усердно начали вырывать водоросли и вытаскивать их на берег. Полдня они расчищали русло реки от «бурьяна». Даже устали делать такое благородное дело.

А утром мой сын сказал мне: «М-а-а-ма., мне тако-о-е приснилось сегодня!»

–Что же? – спросила я.

–Мне снилась речка. И там, на листе кувшинки сидела девочка. Маленькая, лет десяти. И такая хорошенькая. Она смотрела на нас и говорила: «А водоросли из речки нельзя убирать! Они выделяют газ...» Мама! Она называла какой-то газ, что, мол, без него в речке всё нарушится!..

–Хмм ... - задумалась я. – А может и правда, нельзя трогать водоросли. Погоди, сынок, сейчас я посмотрю в Интернете.

Я стала читать в Интернете о водорослях и нашла информацию о том, что водоросли насыщают воду кислородом, поглощая углекислый газ. Кроме того, водоросли дают более 50% кислорода для всей планеты. А ещё они служат едой для многих водяных обитателей, а также маленькие рыбки могут прятаться среди них от хищников.

Почему я об этом написала? Конечно, я не считаю, что мы сделали открытие, прочитав в Интернете о важной роли водорослей в биобалансе. Наоборот, мне стыдно, что я не рассказала об этом своим детям уже давным-давно.

Интересен совсем другой факт. Кто была та маленькая девочка, которая пришла во сне к моему сыну. Почему она так беспокоилась о реке и водорослях?

По поверьям, существуют водяные духи, заботящиеся о реках, морях, озерах. Короче, о том месте, где они живут. Их зовут водяными, русалками, ундинами, нимфами. Есть у них ещё много разных названий: бродницы, к примеру. Так у древних славян называли женских духов воды - охранительниц бродов. Они помогали путникам и следили за детьми. Если тем угрожала опасность у воды, они их спасали.

Исследователи утверждают, что ундины по форме и размеру напоминают людей. Но обитающие в небольших ручейках и речках, имеют несколько меньшие размеры тела.

К тому же, славянские русалки рыбьих хвостов не имеют. Рыбьи хвосты есть только у морских дев, называемых фараонками.

По всему, девочка была маленькой русалочкой, и явилась во сне мальчику, наиболее чувствительному по своим индивидуальным качествам.

Говорят, что ундины функционируют в невидимой духовной среде, называемой влажным (жидким) эфиром. Колебания этого эфира близки к колебанию воды, и поэтому ундины способны контролировать в значительной степени поведение этой жидкости в Природе.

После этого случая дети стали ещё бережнее относиться к окружающему их миру, старались ничего без особой надобности в «чужих» владениях не трогать, не рвать, не ломать и не исправлять.

CLEPSYDRA

Темно, словно время сломалось внутри,
ребёнок давно постарел, и нельзя
придумывать или жалеть, но - смотри,
и видно, коль скоро закроешь глаза.
Ты спросишь, но как бы подслушав ответ
и в плоскости звука читая объём
пустых осязаний, не важно, что - нет...
Что кажется исподволь, то и поймём.
... Я вспомнил: стояла плохая весна,
и кляксы следов на безлюдной воде
в местах доходили до самого дна,
до ужаса, и не кончались нигде.

БАПТИСТЕРИЙ

И это был край и т.д. и т.п.,
бумажная кромка слепого огня,
и то же, что край для слепого в толпе,
казалось мне: край для слепого меня.

А свет дочерна заполнял полынью,
в один лишь глоток ощущенья сводя
дебильную радость - улыбку мою,
и робкую страсть - ненавидеть себя.

И вот мне - и тени в горсти не поднять,
и рук не разжать у подлюдной горы,
а ты, и не вспомнив, что полдень, опять
созвездья сочтёшь в изголовьи сестры.

И памяти нет между светом и сном,
лишь буквы, сгорая, обуглят края,
а разность точнее числа, и потом -
ничуть не страшней, чем сырая земля.

Евгений Туренко

Константин Медведев

/Бологое/

* * *

Видимо, как рыбу пойманную, вытащили из воды
после слова произнесённого...
ещё глупым и молодым,
на три четверти состоящего из волны,
которая и несёт его...

человек из воды - близкий родственник мойвы...
как избавить его от жары,
как защитить от зноя?
что ему говорить?
как объяснить ему солнце...
человек из воды сгорит,
если вовремя не напьётся.

он остался в плену у морских величин –
пахнет дном и днём прячется дома.
он бывает так молчалив,
что как-будто бы рыбой стал снова.

человек из воды боится дождём замочить
ноги, боится тумана..
канут слёзы его в ночи,
возвращаясь на дно океана...

Зиновий Антонов

/Москва/

* * *

кто-то с неба на нас плюёт
это дождь или град не ясно
отправляясь в какой полёт
мы пытались понять напрасно
эту память ушедших волн
эту совесть летящих капель
кто скажи изобрел закон
и какой каплевед прошляпил

собираясь летит игла
не сбываясь и не сбываясь
наши чаянья и дела
на отчаянье отзываясь
не находят себе угла
высекая на стёклах луж
мчась то рысью то вдруг галопом
злой морзянкой «ты мне не
муж!»
смайлы будущего потопа

впрочем - вот он
уже пришёл
ток его вовек не заглушишь
муж не муж - что теперь-то уж
если неба покой порушен
если сверху как из ведра
и уже ни унять ни выжать
если из моего ребра
гордо ты отказалась выжить
если падая навсегда
и мешаясь с землёй и глиной
тайно
мерно
неумолимо
становилась тобой вода

Юлия Долгановских

/Екатеринбург/

Канон

Откуда бы ни плакать житие,
позволь, судьба, не прекратить деяний.
Душа слаба — невидимый боец
с неведомым — лишь немота спадёт,
все тяготы ментальных расстояний
разделит с нею плоть. Искариот

в тебе поднимет голову, Фома ли —
стоишь на берегу и ждёшь Петра,
но солнце высоко, вода зеркалит
твердеющие облака — иди,
удержит море завтра и вчера,
сегодня сможешь сам. Ушли дожди,

Содом чадит и угли горячи.
На точке с запятой глотаешь фразу.
Бог сохраняет всё — стучи, стучи,
увидев эту надпись у ворот:
за ними лес встаёт — воскресший Лазарь —
и путает побеги, словно Лют.

Егор Мирный
/Мелеуз/

* * *

- если что
выскажу разом -

путешественники
плюнули ей прямо
в лицо подозревая
обширность
слезы

его заводное лицо
и капли стыда

-если что удалю-

это просто слюна
это только дождь

если что
удалю

-вся мокрая влажная сизая
словно хранилище воды-

пустыня
вышла
из-под наблюдения

-у тебя кишка тонка
ложится под руку
рука-

оросило

и испугалось

* * *

был мокрый
ананас
который мог всё изменить

была книга майкла палмера
у которой я вырвал
свои глаза

и пристегнул их к твоей двери
у самых петель

была ненависть и было
раздражение вдалеке от
самих себя чуточку рано
их заметили

распрямялось сверкание

честь и хвала
на корточках
поплыли

облучение водоворота
в единицах
горячего раскола:

1) ожечь порез
а) выкроить ожог
слово в слово

обуреваемое сиянием
гнездится
под самым
нижним предположением

и была невеста сшитая из травы и мелкого сухаря
держалась на воде как сжатые морозы

Алёна Рычкова-Закаблуковская
/Иркутск/

Вода

Она сошла пока был цепок сон в пустыне нашей.
Вдруг дом стал гулким, как бидон. Над домом чаша
Нависла лаковым бочком и раскололась.
Она назойливым сверчком проникла в полость
Печной трубы. И потекла, и стала капать
С плиты на пол, вот так – дин-дон,
Ночная влага.
Та, о которой мир молил и домолился.
Так ливень был и говорил, о край дробился.
И с потолка текло-влекло июльской ночи молоко.
Мы без причуды, поскольку просто не нашли другой посуды,
Под этот клад, под каплепад, кувшин и чайник
Впотьмах лепили невпопад.
И шепот тайный нам был сквозь сон
В тот самый час перед рассветом –
Ветхозаветный звон руды,
В мензурках- колбочках плоды
Дробления живой воды,
Пульсары клеток.

На берегу

что знать я о тебе могу пока стою на берегу
вода светла а под водой
царь рыба сивой головой колотится в пустое..
волна колышет травостой
и заплывать не стоит

Tutte k vie conducano a roma

все дороги ведут к тебе.. это всё что хочу сказать
если выехать на арбе далеко-далеко видать
с моего холма твой дом.. голубое руно реки
пригложусь – серебрится дно бродят сонные рыбаки
говорят мне: нельзя-нельзя.. отвечаю: пошли вы на
что мне ваша пустая снасть рыба донная кривизна
чешуя на речной волне розовеющий неба хвост
все дороги ведут к тебе.. через этот и этот мост
даже если идти назад и совсем не искать причин
всякий способ хорош сократ
но как правило он один

* * *

Коленопреклоненная вода. Гольян речной
Подставил солнцу спину и дремлет так –
Опасно и невинно.
Волна колеблет розовую глину.
Полудня гул. Покосная страда.
В густой траве запрятанные клады –
Горластый птенчик, тонкие рулады
То комара, то крошечной мошки
Название которой не имеет..
Мышиный дом из пуха и стеблей –
Покинутый.
И венчиком алеет
Любовь моя
На лодочке
Руки.

Владимир Бойков
/Струнино/

В горах

С чистой музыкой сверь
в звёздных высях светание –
этих грифельных сфер
на глазах выцветание.

Над пустотами свет,
просквозив, задевает
гребни гор, и хребет
за хребтом оживает.

Но слепящий раструб
солнца в зыбкости рани –
за уступом уступ –
обнажает их грани
и не глянет туда,
где во мраке ребристом
неизбежна вода
в прыжке серебристом.

* * *

Смолёные рыбачьи лодки
ещё в песке ничком вдоль кромки льда.

А там – среди всего –
энтузиаст последний
нахолившейся птицей,
читателем над книгой
или философом сам над собой.

Подлёдный лов,
стратегия терпенья,
и тактика – душа на поплавке.

Объединим удачу, человек!
Рыбацкого на всех достанет счастья,

и несказанное вдруг выйдет из-под спуда,
подступит к горлу, дрогнет на губах,
и, боже мой, какая нам награда:
и аромат ухи, и привкус лавра!

* * *

На лед взошла вода из проруби,
и небо ввысь и вниз безбрежно.

Близ окон пред голубкой голуби
воркуют жаростно и нежно.

Присуща масленице жертвенность –
снега ручьем журчат в кювете.

В неописуемую женственность
преобразилось все на свете.

Глаза и губы разлепляются,
сродни улыбка вербам вешним.

Веснушками душа является
воочию в мгновенье здешнем.

Стрекоза

Крылышек распятие
из миража слюдяного,
словно из мира иного,
даже замысловатее.

Образом детства
два полушария с поволокой
у стрекозы глобусоокой
над листьями рдеста.

Явлено оттуда,
где под водой облаков глыбы
обглаживают вдумчиво рыбы, –
продолговатое чудо.

Из мансарды

Прозрачный воздух тёмен, как вода
в затишье без волнения и бликов,
и взгляд не сразу – только пообвыкнув –
каменной придонных видит города.

Вон там в глуби – канава переулка
Настасьинского, тесного двора
колодец, над которым гулко
разворковались голуби с утра.

И в то же время городским картинкам
нетрудно затканным казаться в гобелен
из блёклоцветных вертикалей стен
и скатов крыш под суриком и цинком.

Но что-то там уже произошло –
пошли потёки темные по ткани –
оцвечиваться так вот тяжело
белёсые, влажные, могут камни.

Туда, мерцающая, музыка втекла –
дробь затаенная, смешанная с плеском,
и свежеккрашенным отяжелелись блеском
и кровли, и листва, и купола.

И тут же – прятнула лишь мимо водостока
из жёлоба стеклянная струя –
лишь дождевой основы поволока
осталась от ненастного тканья,

и смутно стало зрящим чечевицам.

Вот под мансардой хлопнуло окно –
как жаль, что сообщить не дано
нам чувствами с моим соочевидцем.

* * *

Что такое снег?
Спящая вода.
Сам себе во сне
снится иногда.

Сыплется с небес
белый порошок.

Снится сам себе
голубым снежок.
Сам собой лежит,
тает сам собой
и ручьем бежит
к речке голубой.

Нина Косман / Kossman
/Нью-Йорк, США/

* * *

Вот она, видишь, льётся,
живая вода ручья,
живая вода сказок,
для всех она и ничья.

Никого не оденет в золото,
никого не спасет от бессна,
живая вода сказок,
медленна и ясна.

Видишь, как ласково льётся,
льнет к холодным рукам,
живая вода сказок--
чур меня! Исцелись сам.

Ольга Логош
/Санкт-Петербург/

* * *

Ты — речной человек
— он лесной —
он меня воспитал в лесу
и теперь берёзовый сок
по моим жилам течёт

Говоришь: невода, вода
а я вижу: лежалый снег
красноухие псы
шастают по холмам
ярится ветреница на просвет

куда вода течёт пусть тоска уйдёт
лесолом пройдёт
забытье придёт

...

чтоб охота сгинула прочь
красный красный сопреп сугроб

* * *

Захлестни меня вмиг
животворящей волной
перекатами света
гудящей стеной

Поскачем по вóлнам
за белым мужем
в его бороде
зарождается ветер
в его волосах
зачинается буря
вода-водица пляшет
в глазницах

* * *

лес подземных рек
лес зелёных камней
прикидывается смиренным
пока что

манит
белыми склонами
манжетка ромашка

капельки куманики
берут и уводят глубже

к болотам княжым

к дубам величья

О круг самосева!

О вставшая за холмом волшебная роща!

Александр Поповский
/пос. Первомайский/

* * *

Была вода – как молоко парное,
А берега – песочное печение.
И стрекоза на крошечном каноэ
Плыла себе тихонько по течению.

Сражая наповал трудом ударным,
Жужжали мирно пчёлы мироздания.
Как под прилавком, под замком амбарным
Прохлада стыла в зале ожидания.

Зеваки всех мастей на лобном месте
Смешались с городскими музыкантами.
Бориска дирижировал оркестром –
Блистал доселе скрытыми талантами.

Ни лечь, ни встать – всеобщая нирвана.
Носились будто с дойною коровою –
Нектаром угощали из-под крана
Царя горы с отметиной лиловою.

Клавдия Смирягина
/Санкт-Петербург/

* * *

Когда покорно стонут провода
в объятиях метели сизокрылой,
молчит и крепнет стылая вода,
которая про речь и бег забыла.
Довольно бы ладонного тепла,
набухшей пухом почки краснотала -
и вспомнится, как пела и плыла,
зачем на эту землю с неба пала.

Слоится блинной стопкой за окном
густой желток февральского заката.
Спит под стрехой капли метроном.
А поздний вечер входит виновато,
и ты опять растапливаешь печь,
чей жар отогревал нас не однажды.

А марту – быть, и талой влаге - течь,
пока хоть в ком-то сохранилась жажда.

Михаил Моисеев

/Новосибирск/

* * *

Трава под мутной водой напоминает
Чешую огромной рыбы мир стоит
На ее спине горы ее плавники внутри
Рыбы магма приближается к поверхности
Пугает прохожего в маленьком старом
Городке из книги с истрепанным переплетом
Остановившегося под фонарем посреди
Дождя капли разных цветов желтые
Красные оранжевые фиолетовые
Кошка на подоконнике рядом с фиалкой
Кактусом и экзотическим растением
Синего цвета небо небо исчезло
Вылетело в форточку в направлении
Южной Америки его уже ждет
Пятнадцатилетний капитан со своими
Друзьями привыкшими к самым тяжелым
Путешествиям океанским бурям взбешенным
Течениям только иногда среди волн мелькнет
Плавник зацепивший тину
С самого дна.

* * *

Купи вино в небольшом магазине
В нескольких десятках метров
От дома, посмотри на снег
Неожиданно изменивший цвет
И объем пространства вспомни
О жене еще лежащей в огромной
Кровати в маленькой комнате
Чуть позже она встанет пойдет
В ванную комнату жалко сквозь
Людей машины стены перегородки
Лестницы не увидишь ее и когда
Придешь прибежишь прокрадешься
Пролезешь прислонишься к двери
Почувствуешь воду отдельными
Каплями струей потоком
Ползущими потянешься вслед
За ними по всему телу
К глазам ресницам губам
К нервным окончаниями
Своими нервными
Отходящими постепенно
От напряжения окончаниями.

Марина Чиркова
/Мытищи/

КОНТУР

вымыто, стёрто. я — только контур.
пробегаю, его заполняют
чужие собаки,
мальчишки,
мамашка с коляской и книжкой (какие блестящие спицы),
синие птицы — голубки на бульваре,
в наушниках парень.

а рядом, чуть за угол —
уголь,
шаткая алкашня,
смуглые грузчики
ждут, жгущее солнце степей,
недоуменное, сонное... Эй, не пей!
сор и асфальт.

альт —
это уже река —
даль-
ше слышится. из ушка
нитью упрямыца тянется.

да, вода.
ну куда?..
едко, как в дверь соседка,
непрошенным лыком в строчку —
не-видите-заперто-на-цепочку,
придерживаю рукою — не беспокоить!..

нет, — синее и зелёное... незабелённое...
«ты же была русалка, жалко...
на, вспоминай —
месяц, май...
и не маши — дыши...
камышы...»

часы протискиваются боком.

хватит, пора.
эхом, охрой
зеркальце поворачивается внутрь,
прикрывается рисунком знакомым.

приветтики, вот я и тут, —
дома.

Янис Грантс
/Челябинск/

НА НЕРЕСТ

обезвожен и пещерист
(кашляя) по дну
человек идёт на нерест
словно на войну

и над ним трещит пучина
(мокрый потолок)
и в мешке его причинном
хлюпает белок

расплодить себе подобных
бредит голова
(кружат вяленые воблы
рыскает плотва)

автомат в руке скитальца
ржавый испокон
курят-курят губы-пальцы
вместе с перепон
(ками)

НА ОЩУПЬ

Франц выходит наружу
только когда туман,
чтобы людей не видеть,
а видеть носки боти-
но, к сожаленью Франца,
я тут как тут. и мне
деньги нужны сейчас же
(он задолжал давно).

двигаемся на ощупь,
что-то мячит Франц.
сброшу его, пожалуй,
(кажется, Карлов мост).

Влтава не шелохнётся, словно и не река.
Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К.

Артём Петров
/Челябинск/

ДВЕ РЕКИ

Говорят, кроме реки, в которую не вошел,
(говорят) не тревожит ничто так сильно под старость.

...Возле здешней (другой?) реки - до мертвенности хорошо.
В мыслях - белая мгла и приятная мыслям усталость.

Говорят, с годами река стала не та:
Обмелела, обросла звуками, солнцем и камышами.
Он не слушает, пишет свои акварели, сдувает пылинки с креста,
С Железного, боевого (единственно дорогого) креста,
По вечерам армянский коньяк и пиво мешает.

Говорят, ночами все чаще мучают страшные сны:
Олово в глотках, воющие сарацины.
С потолка (который небо) берется чувство вины.
Даже в акварели проникают рефреном вины.

Надо забыть, поэтому приходит друг,
Русский семинарист. Забываются, режутся в шахматы.
Жертвывая пешками и фигурами, смакуют игру.
Попивая коньяк, семинарист матует (bescheissenen Tag!),

Уходит... Уходит. Снится река, в которую не вошел
(Берег левый, ощеренный, берег правый,
Тоже ощеренный), не та, возле которой так хорошо.
Впрочем, может быть, та, просто взрезанная переправой.

Снится здешний сосед по подъезду, симпатичный носатый скрипач
(Спорит о чем-то с солдатом, получает прикладом в грудь),
В горящем сарае кто-то шепчет: «Не плачь»,
Плач вообще и вот этот конкретный плач,
Слитые воедино.

.....

А утром всем миром встречают привычный паром
(Днище лодки скребет песок, колтуны в бороде у старца),
Гадают, что будет сниться новопривывшим, реки золоченый бром
Запускает в волосы и черепа по костяшки пальцы.

Новопривывший забывает, что когда-то любил:
Целовал, смотрел в глаза, бил, умолял на коленях
И снова бил.

...Реки обмелевшей ил
Пропускает сны: сны, как и люди, тени.
(Говорят, тени стоят. Говорят, не останется тени.)

Радислав Власенко-Гуслин
/Запорожье, Украина/

* * *

Я любил паруса, но смотрел на них лишь на экране телевизора или в кино, но так редко на море, где, они, как живые крылатые птицы трепещут.

Обнимают с надеждой упругий и любящий воздух, эту грудь наполняя, волненьем и страстно уносят от печального берега скуки в поход за мечтою.

И я знаю, теперь, достоверно, мечты неизбывны и несбыточны даже, когда воплощается то, что опьянённо упорно, самозабвенно искали.

Но беда или счастье? Мы совсем без мечты не возможны. И волна, как гексаметр, приносит судьбу Одиссея. В каждом сердце живущем сокрыта небесная Троя.

Пламенеют Парис и Елена, текут слёзы Приама. Ахиллес надевает доспехи и ищет Патрокла. Успокой меня ветер, утихни огонь Менелая. Парус ветхий не выдержит Духа Иного.

* * *

И вдруг затихли неба хороводы.
Средь ночи пел иной звезды привет.
Хтонической воды раздвинув своды,
Сквозь сферы фатума живой пролился свет.

В расщелине, где по стенам рога
Оставили нехитрые заметки,
Где прислонялся посох пастуха,
Родился Ветер, разомкнувший клетки

Затравленных запуганных сердец,
Не знающих покоя и свободы,
Трепещущих от мысли, что конец
Несут им набегающие годы.

Но Дух родился! В плоти Малыша
Сокрылась мощь смиренно и до срока.
Спокойная, по-царски не спеша,
Мария приняла дары Востока.

Лариса Пушина
/Хабаровск/

КОРСИКА

С орнаментами нежных птичьих орд,
ажурными цветами зорей,
Фьори: его вокал узорен, —
каланка Корсики, эпичный фьорд.

Порфиновые скалы Скандолы.
Оттенков роз мираы каланок.
Манит диалогия стихнано:
причудливые мысы удалы.

Наполеона и Колумба дни
как будто рядом и внушают:
«Пока пространство с жизни шалью,
поплавай, посмотри, шагни».

ПАРУС

Энергии ветра,
фантазии моря,
в тени миллиметра
века тараторят.

Пиратские лица,
улыбки героев,
чудес вереница
из пылких настроев.

Энигмы в узоре:
из ниточек парус,
а в нём, будто зори,
плеяды из пауз,

Каверина тайны,
Гомера красоты,
великого таймы,
грядущего соты.

ВОЛНЫ

Мелодичные приливы,
многобликовый овал,
птичий гомон хлопотливый,
взглядов неба карнавал.

Удивляйся этим юным
волнам в ласковых лучах,
позабудь как быть угрюмым,
смыслы дней не в мелочах.

Посмотри, как чайка, сверху,
йота вечности близка:
мальчик, замок, солнце в дверку,
счастье ветра и песка.

Александр Карпенко
/Москва/

ВОДОПАД

Река, прозрачная вдали,
Крутую выбрала дорогу.
До помутнения довели
Её плотины и пороги.

И вот в ненастный час, когда
Всё в мире стало ей не мило,
Набравшись мужества, вода
Разбиться вдребезги решила.

Она стремительно бежала,
Куда-то вглубь запрятав страх,
От жизни – той, что распластала
Её в жестоких берегах.

Внизу предательски подкрался
На шум воды глубокий ров –
И долгим эхом отзывался
Её предсмертный гул и рёв.

А люди всё твердили в лад:
– Какой роскошный водопад!

Спустившись вниз, у самой кромки,
Остолбенел я: там, вдали,
Глаза знакомой незнакомки,
Как будто током, обожгли.
Река текла; струились слёзы;
Железный век летел, пыля,
И нёс в себе метаморфозы
И катастрофы бытия.

Олег Копылов
/Новосибирск/

* * *

Даже если ты уже просто снег,
Даже если просто память о снеге --

Обжигай.
Строй башню из белого света.
Вылепи бороду статуе юной балерины.
Укрывай ломкие ветки
От других,
идущих наотмашь буранов
И отрезвляющего,
чтоб отвердить навсегда
Льда.

Даже если ты просто снег.
Даже если память о снеге.

* * *

(пасхальное)

Как день взорвать крест накрест в леденцы
Любимцы льда и долгих лун птенцы

Рука разверзла нежилую мглу
Игла разломана
И свет поёт хвалу

Сквозь неземное
Хрупкое встаёт
И тает тает
снег
И тает
лёд.

Рикардо Пеньяроль
/Санкт-Петербург/

СКОРБЯЩИЕ

Протяжно лаяли люди
Над рекой черноглавой.
Славили то, что потеряно,
Потоком ее снесено -
Столетнее тело,
Которое выло,
Под мутной водою
Покая ища,
Тому завещая
Последнее эхо,
Пророчества духа,
Кто без испуга
Мертвенных губ
Дыхание вберет.
Меж каменных глыб-
Ночи пределов,
Слышен призыв
И запах омелы,
Моления протяжного взрыд.
Туманы бледнеют
Над бурной рекою -
Деревья, покрытые мхом.
Белая кровь остывает.
Взмахи слабой рукой.
Гаснут стенания. Слышится стон.
Ответ на коже израненной,
Лиловым покровом укрытой,
Под пеной реки белоснежной,
Желают люди найти.

И лают над рекой черноглавой,
Голоса - глубокой водой
Немотой на миг застывают,
Ночи огромной слышится бой.

РЕБЕНОК НА БЕРЕГУ

Ребенок пальцами уставший мять
Устлую землю,
Рыдающий заиндевшим стоном
И строго глядящий в даль.
Туда, где свет ночных мотыльков
Рассыпается четко очерченной линией,
Туда, откуда доносится приглушенный шум
Проржавевших и постаревших моторов.
Внезапно и необъяснимо он хватает
Крошечный камень,
Бросает его в глубь расплескавшейся и размазанной
Радуги вдалеке открывающей тайны
Внеземных и неопишуемых красок -
Пастельных цветов на татарских холстах.
Брошенный, он всхлипывает медленным всплеском
И мальчик, себя объявляя творцом,
Расплывается ветхой улыбкой.
Она взмывает к белоснежному храму
И куполу, и с минаретов несется проповедь
Пропавшего снежного имени.
И он воздвигается,
Становится выше и выше пока,
Раскаленный до бела стенами,
Не опадает пудрой прошедшего света.

Александра Инина
/Орёл/

***

вотблин
сегодня ж пятница тринадцатое
все комом
связь в обрыв, в скандалы сын
и жизнь ракообразно пятится
на дно уходит стайкой субмарин
разрозненно
раздробленно
размыто
и дождь грызет домастый горизонт
и застывает время трилобитом
похожим на свое отживший зонт
все ниже
ниже
и темней печаль та
и в толще отыскав с трудом свой слой
на луже остается отпечатком
обычной самой
капли дождевой

***

Когда в тебе останется вода
Одна вода
Без соли и без рыб
Без слез, без солнечных улыбок
Тогда и ты меня поймешь
Тогда
Тебя заполнит самый тихий свет
Без пляшущих теней
Без бликов-бабочек влетающих извне и
Ты меня поймешь
В полуденной канве
Ты тоже не видна
В тебе до половины тишина
До половины снег
И в зеркале одна

Эдуард Учаров
/Казань/

Речное

Если вечер нанизан на месяц,
как червяк на крючок рыбака,
ничего твоё время не весит,
раз наживка уже глубока.

Рыбье сердце заноев в груди,
лопнет мир, как огромный пузырь.
Жизнь, всплывая к небесной ундине,
не разжалобит звёздный пустырь.

* * *

И меня в эту жизнь засосёт
по колено, по локоть.
Плавниками проросший осётр,
буду Волгу я лопать.

Судаком посудачу на дне
о превратностях ила,
где блесна размотавшихся дней
в мои дёсны входила.

Памяти Манделъштама

Если тёмный огонь отразится в ступенях воды
и как медленный конь истоптавший воронез до дыр
захрапит на сарай перекинувшись к крышам домов
значит грешник за рай навсегда умирать не готов.

значит крестик сдавил изнурённую впалую грудь
значит в отклике вил не мятеж а призывы на труд
и горит огонёк у Матрён и задумчивых Кать
что взбирались на трон дабы семья мужское схаркать

значит встанет герой королевич степей и мотыг
за крестьянство горой продлевая сталинский стык
на фонарных столбах на голгофах на детских плечах
кому в лоб кому в пах раздавая земную печать

потечёт от лампад долгожданный невольничий свет
от злодеев и падл заискрытся знакомый завет
и пройдётся шатун по сибирским когтям-городам
разменявший версту на слова что я вам передам

ибо это во лжи искривляет огонь времена
потому что ожив память наша к бесчинствам смирна
и с обугленных уст у продлённого в вечность одра
алчный Молоха хруст омывает прямая вода

* * *

Думать, как вода,
пить себя допьяна,
пениться, заикаться,
лечь – и на берег течь.

Берег – одна рука,
Второй – другая рука.
Так обнимают воду:
К сердцу – один, другой – свысока.

Жить, как вода,
Рыбу в себе держать.
– Ты держишь на меня рыбу?
– Нет, обида уже прошла...

* * *

Небо с водой не дружит –
те же цвета, но речь
синюю речку душит,
в душу спеша затечь
громким хмельным потоком,
молнией и слезой –
водит под мокрым током,
слепит сухой грозой...

Алекс Трудлер
/Беер-Шева, Израиль/

рыбий хор

*да кому они песни глубоких рыб...
Игорь Калина*

сиди и слушай топкий рыбий хор
чешуйчато прерывистые звуки
которым повар вынес приговор
по всем законам кúхонной науки

смотри вокруг на длинные круги
на солнечные радиусы света
и отраженья прошлых береги
от будущих утопленных предметов

перебирай как чётки тишину
порывисто сужая ожиданье
и пóд воду затягивай войну
сиди и слушай молча до свиданья

на берегу невнятной речи

на берегу невнятной речи,
где - не кисель, а молоко,
столкнулись голые предтечи
и убедительный покой.

так наводнение ошибок
смывало старые следы
транквилизаторами, либо
здесь вовсе не было воды.

здесь вовсе не было покоя,
пространство порвано давно
на небо нежно голубое
и огрубевшее говно.

в нелепом и вчерашнем крике
ты ловишь мокрые слова,
потом - стремительный и дикий -
догонишь жизнь. а та - мертва.

Наталья Рубинская

/Челябинск/

Домы вод и суша

Там водорослей рыбы голоса,
зерцало вод приняв за небеса,
цветки в своих глубинах распускают.
А здесь разверзся воздух для лучей,
что больно, слишком больно для очей
земных, но все в земной цветок играют.

Бросают и смеются, но ловитв
земной утечи слабодушен вид,
от лапанья цветы земные гибнут.
А те, где до глубин озёрных тьма,
пока не поцелует их зима,
цветут: их не обрящут наши игры.

Превращения веществ жизни продолжаются

Что за звук - разберешь не вполне:
то ли шепот ольхи и крапивы,
то ли ходят хозяйские пилы,
дальний хутор готовя к зиме?

Или шмель баритоны раздул,
или шлепают с паузой сливы...
Ах, неправда! Вода на отливе,
шелестима песком, сеет гул.

Дмитрий Близнюк
/Харьков, Украина/

* * *

сегодня выпал первый снег
в саду
и черный мозг земли,
взрыхленный муравьями,
с еще зелеными извилинами травы,
но уже пегими листьями
красиво присыпало белыми перышками,
будто ангелы дрались подушками,
с тихим треском вспарывали когтями белую ткань.
сегодня первый снег пришел в качестве гостя,
невинный, нежный, напоминает
тroyанского пушистого жеребенка,
скачет, играет, понарошку кусает —
растопыренные пальцы.
и моя душа радуется
/наперекор и вопреки логике, здравому смыслу/
пусть все это обман нас возвышающий,
нас вальсирующий,
верблюжата детства
подсматривают в игольное ушко,
а я оглядываю карликовый сад:
черная костлявая вишня
под снегом обрела второе дыхание,
расцвела почти как весной -
поймала на спиннинги ветвей
стайку голодных воробьев и снежинок.

здесь, в Ноябре,
посреди охлажденного ада,
первый снег прекрасен точно кит-альбинос,
всплывающий из-под земли.
и Ахав медлит, но все же отворачивает
гарпун
и я - атлет в пуховике -
поднимаю взглядом тяжелое низкое небо -
черно-синюю штангу с белой бахромой
как можно выше.
я жив
я бессмертен
я что-то еще...

Владимир Монахов

/Братск/

* * *

вывел Бога
на чистую воду

смотрю,
а он опять
идёт по волнам

«аки по суху»

как по писаному

* * *

Памяти Ирины Монаховой

Гладь вязкой пустоты, где камушком по водам
Бегут секунды, вечность раскрошив,
И памяти птенец под звёздным небосводом
Глотает жадно зернышко души.

Собою белый свет наелся до отрыжки.
На флейте крысолов ведёт весь день игру.
Армяк небытия жмёт бытию в подмышках,
И смерть бросает в жизнь спасенья легкий круг .

Галия

/Екатеринбург/

Тёмная вода

Ты помнишь, там в глубокой зябкой осени
свинцом пылает тёмная вода,
но все еще стоят в реке нордосмии,
как будто не наступит никогда

зима с её протяжными метелями,
с её пушисто-льдистой мукой...
Мне кажется, оттуда, как растение,
плыву и не могу углыть рекой.

Я там, едва пробившись к свету голосом,
по горло в неопознанной беде
стою и разговариваю с космосом,
и кажется, что нет меня нигде.

И в то же время всюду, в бесконечности –
я – облако, я – листья на ветру...
Как будто что-то знаю я о вечности,
как будто никогда я не умру.

Письма на воде

Есть в опустевшей форме вещества
прошедшего – изжитого до снега,
под спудом снов живущее едва,
неясное свечение оберега.
Нет прошлого на картах, и нигде
нет городов и сёл его в помине,
и что мы там писали на воде,
давно уже исчезло или стынет
не нужное ни мне и ни тебе.
Но лучшее, случившееся с нами
в давно прошедшем, длит по водам бег,
всё расходясь невидными кругами

Сергей Сумин

/Тольятти/

* * *

о, ты, блестящая наяда
с которой я всегда молчу
смотри, мне ничего не надо
но я тебя не отпущу

морская гладь, песок и флаги
а ром или джин – на выбор твой
здесь выживают только маги
и капитан всегда бухой

песчинкою, упавшей в море
смирись как женщина-вода
укор застыл в открытом взоре
и только сети-невода

о, вы, зеленые русалки
коньки морские и сомы
останьтесь пеною, весталки
до нашей будущей весны

Евгений Ивачевский

/Екатеринбург/

бочка

после дождя бил по бочке
возбуждал воду
наблюдал как в концентрических волнах
колышутся спичка окурок фантик
однажды услышал на это
сыне да ты романтик
почувствовал — тупое по рёбрам
всё внутри* закачалось
не расплескался
удержала железная оболочка
ещё не ржавое дно
на заледневшей в долгой зиме
твёрдой почве

---

*испарилось

высохло к концу лета

капли

иногда арсений себе представляет
как если бы умерли все испарились
только дождь по карнизу и урчание холодильника
выйдешь на улицу вроде бы воздух
но капли висят и не падают
под утро все эти лица
говорят стыдно арсений
а ведь был подающий надежды
лаборатория кафедры

Ирина Кадочникова
/Ижевск/

* * *

*Вода- мечта каждого моря.
Смерть от воды для моря – бессмертие.
Из фильма «Овсянки»*

Я хотела бы жить в глубине холодной реки
И смотреть со дна, как черные рыбаки
Золотое счастье ловят в отцовские сети -
Неуемные, грязные, радостные, как дети.

Надо мной ходуном ходила бы синь-вода,
Приносила бы сны, которые никогда
Не приходят к тем, кто остался там, наверху, -
Разве что младенцу, ангелу, пастуху.

И на створке раковины размером с большую блесну
Я писала б о том, как народ мой рубил сосну,
Чтобы плыть по реке, и древние песни его
Божий дух перевел на бессмертный язык волн.

* * *

Воду и огонь смешаешь, землю и воздух,
Словно по рецепту Анаксимандра.
Выдохнешь сомнение - вдохнешь Космос.
Пропоешь любимую свою мантру.

Скажешь: «Все течет, и в одну реку
Не войти дважды, не расшить рану».
Имена раздашь - дереву, человеку,
Полуострову, городу, океану.

По Пармениду

И мы шли по воде, и рыбы плыли над нами -
В золотой чешуе, хвостами касаясь вулканов,
И лесные птицы с прозрачными плавникам
Свой беспечный вершили путь в глубине океана.

И мы шли по воде, потому что мы все забыли -
Имена вещей, порядок причин и следствий,
Потому что внутри воды, кроме книжной пыли,
Было что-то еще - родом из самого детства,

Что-то звонкое, словно тайна калейдоскопа,
Словно раковина или древняя монета.
И мы шли по воде за тысячу лет до потопа,
А потом и после него еще многая лета.

И горели Гоморры, Содомы и Карфагены,
Вырастали из моря, горели, вновь вырастали.
И безвидна была земля в глубине Вселенной,
Существующей по закону огня и спирали.

И мы шли по воде, обретая иное зренье,
Исчезая даже из собственного вида -
В сердцевины раковин, в длинные стебли растений,
В бытие, сотворенное нами по Пармениду.

Виктория Берг

/Калининград/

Третий триместр

Жизнь испив не то чтобы до доньшка -
до пустой и полной половины,
чувствуешь себя порой зародышем,
прикрепленным к небу пуповиной,
а порой - мячом в ладошках Таниных -
стук да стук, и в пруд случайно брошена.
И скользишь по глади понимания
вслед за водомеркой заполошною,
алый бок горит в глазах фасеточных
низко пролетающего ангела.
Все пути давным-давно отмечены,
только твой все надвое да надвое -
между злодеей и эйхорнией.
С каждым годом выбор все усерднее.

Оттого и давит благотворное
вод околплодных милосердие.

Удивительное рядом

У бабочек, танцующих в грозу,
на крылышках лежит пыльца безумья.

Ты спишь и понимаешь — город умер,
его воспроизводят наизусть
охрипшие июльские коты,
мурчащие далеким гулким басом.
Ты думаешь — о, сколь они прекрасны
на фоне акварельной пустоты
стекающей на остовы китов,
в которых спят, совсем как я, Ионы.

И где-то далеко, за навью сонной
о ветку бьется пляшущий листок.

Исток

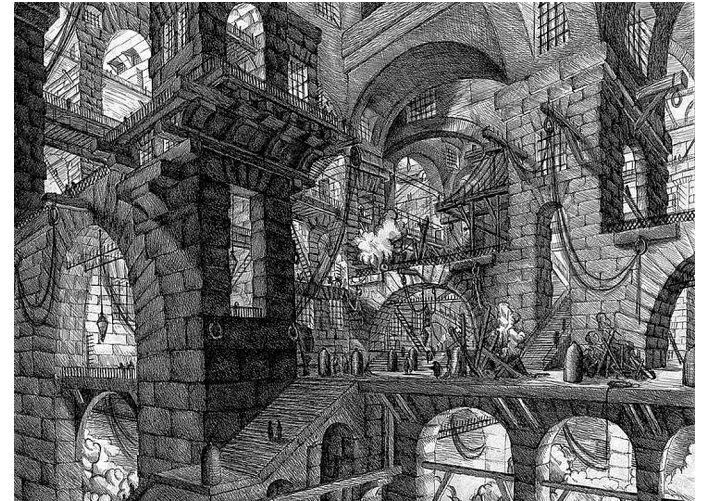
Помолчать в тишине.
Быть никем. Ниоткуда.
И увидеть, как волны стирают следы
из вчера в никуда.
Жизнь - великое чудо,
если можешь один посидеть у воды
и принять - как спасенье -
шум в кронах сосновых,
горечь хвои нагретой и скрип тростника,
стать великим и малым,
звеном и основой...
и уйти на восход, как большая река.

Алексей Мишуков
/Киев, Украина/

* * *

музыка не звучит потому что здесь нет микрофона
без микрофона звуки не поступают по стиксу
выбивается тонкий как волос голос дьяка агафона
выбирается кто-то уже готовый проститься
нерестится в стиксе мёртвая рыба водица вскипает
да копаются где-то на берегу пожившие люди
на поверхности видимо дождь шелестит накрапает
и река поднялась на дыбы что же дальше-то будет
а заржёт заматает своей головой с пышною гривой
и понесёт сыновей дочерей разного пола
а наклонит волну свою набок да взглянет игриво
и помчит выбивая искры из глаз в чистое поле
а во поле во чистом носятся двадцать два багатура
не поделят никак танечкин мяч приплывший по стиксу
кулаками ногами дерутся а кто-то несёт арматуру
рёбра ломать доставать костяные зубы повезёт золотые фиксы
вот принесли микрофон музыка зазвучала
от не рождённых мальков вновь забурлили чёрные воды
что ты застыла раззявив рот смотришь и всё тебе мало
нету здесь места живым иди веселись доживай свои годы

LES FLUMINA SUB TERRA

ОСТРОВ. СТРАСТИ ПО ИОСИФУ

Море твоё округло, как изображение дня.
Скоро повянет бумага в численнике столетья,
утро начертит набело контуры корабля,
канувшего суда в ночь со вчера на третье -

сказано: мартобря, единственно, что прощай
пишется про себя, и десятичнее дроби
крайность, а не доплыть, как будто за этим Рай,
может быть, как у Христа за пазухой (в смысле - рёбер).

Солнце взойдёт - Улисс в раскосую даль глядит,
словно бы к пустоте живьём пригвоздили стёкла.

Слаще сего «Беломора» веяния аонид,
а не дотронешься, и отраженье намокло.

ЛЕС ПОДЗЕМНЫХ РЕК

Или - зачем спрямлять несмешную связь
между античных пней и бутфорскою плахой,
или - скажи, пожалеешь себя, научась
честную радость платить за неумение плакать?

Вот и аукнулись завтра забавы твои:
берег не перервать, и не страшно все.
Возраст - тот же отрывок из подводной земли,
некий пробел, судя по времени - судя
по ощущению: эхом картавит до новых эр
влаги слепой плоскодонная погремушка.
А ежели спросят - как звали? - скажи: Гомер.
Имя красивое то есть, а не потому, что...

Евгений Туренко

Тина Борисова
/Москва/

КЁЛЬН

-1-

видела твой город
дождь туман
люди уходящие под лед
даже если Солнце
черный вран
магму тыковки его клюют

лакомство любимое свое
страсть как любит оный господин
сласти неба
города жнивье
черноземой готики хитин

жертва по кому
поди спроси
ангелов прикованных к стенам
вместо снега вечно моросит
вместо снега ты теперь и сам

-2-

наверное был мой препод
в прошлой жизни
а ныне
в кельнский железный невод
впала рыба унынья

в трепещущих верой жабрах
как не узнать Ихтиандра
кому из нас теперь амба
где же любовь твоя правда

преувеличив влечение
к выдуманным имажам
кто плыл вниз по течению
но разбился о баржу

и что там выловил невод
Эрота
но строг Пракситель
железный выставив неуд
тебе и мне
мой мучитель

Галина Булатова
/Казань/

* * *

Волга, Вятка, Ока и Кама – вот четыре родных сестры.
Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
Волховал, приготовься к севу, и поглаживал оберег,
Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.
Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб.

...Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
Лучше няньки качала Волга лодку – мамину колыбель.
Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёт, –
Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла.

...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...
И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла.

...Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
Это я родилась на Стрелке, между Волгою и Окой.
Если есть у свободы запахи, это запахи родной реки.
Напиши-ка, смеялся папа: наши с Вятки-де вы с Оки.
Вслед за мамой ехал Грека через реку, а в реке рак,
И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,
Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, –
Это красное пламя ветры зажигают на спинах рыб,
Это посвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
По вибрации крупных, мелких – всех впадающих в Каму рек.

«Ты – река! И теперь ты – Кама!» – крикнут белые берега.
Может, это такая карма? Может, это одна река?
Может, это игра течений? Может быть, по воде круги –
Многоочия изречений той одной, родовой реки?
...Волга, Вятка, Ока и Кама, – и шепотью ведомый перст
На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

Жанна Сизова
/Санкт-Петербург/

**капитану Василию Фокину,
укротившему шторм в Ладожском озере**

Вода для меня – персонифицированное зло.
Не повезло сегодня корабелу –
судёнышко, щета, тугая скорлупа
от грецкого ядреного ореха
(я в ней была) попала в лемеха
безжалостного ладожского плена
смешались птицы, рыбы, племена.
Я видела, как злобный жидкий зверь вздымал хребет,
хрипел, ощерившись, и запуская клешнёю
за борт, где беспрепятственно, без боя,
взъярённый барс в субстанции воды,
хотел всех нас сожрать.

О, как же мне дышать?
Мои товарищи испытывают страх.
О, как же мне дышать!
Нить воздуха ощупывать ноздрями,
вести ее вовнутрь, приноровиться к ней
и каждый вздох соизмерять с волной.

Корабль накренило.
Волна короткой лапой закручивает
яростный свой коготь,
свивает белое осиное гнездо,
и из гнезда выплёвывает брызги – осы
мертвенным холодом изжаливают плоть.

Корабль накренило, и паника растёт.
И в этом месиве есть неприметный сторож,
белоголовый, бледный, словно моль -
Василий Фокин, капитан и рулевой,
ведёт он тайный разговор с волной.
(в миру он пьяница, картофельный простак,
свояк всем забулдыгам, сводник драк).
А на воде он весь - широкий парус,
скреплённый диафрагмой на корме.

Вонми, внимая бешеной волне,
что, взвихренная, в кокон оседала.
Выкукливался глаз большой воды.
Вода озлобилась, ощерилась, сцепилась
и в схватке огрызнулась на корабль.

Наш капитан (я в щель из трюма тихо наблюдала)
выкручивал штурвал невозмутимо,
и Ладога обстреливала тинной,
и чайки, как шакалы, жадно бились,
кроили жертвы в профиль и в анфас.
Он победил волну. Он победил её на пятый час.
На пятый час сражения всех нас, позеленевших,
вывели на берег.
Взошед на твердь, никто не обернулся,
не восхвалил, не вспомнил, не узнал –

прошедший в сотый раз девятый вал
сидел сейчас со стопочкою водки и
огурцом опасность заедал.

Da fiat firmamentum

Так тускнеет словарь, ослеплённый копьём дождя.
Наконечник копья с раскалённой магмой
густой неоформленной речи
протыкается в почву, извлекает песчаную жижу,
со дна выгребает планктоновы панцири извести,
врезается в глину, безучастную вязкую глину.

Крепнет паводок косноязычья – и жирная толща воды
заползает на зимнее поле. Мёрзлый грунт обратил водоём
в необхватное мутное море.
Все животные, жители тверди – и зайцы, и мыши, и лисы
за мохнатыми щёками прячут детёнышей,
рыком рычат, будто кто-то услышит – вон тот,
в макинтош зачехлённый, на самой обочине,
с синим глубоким зонтом,
мямлит что-то неточное, с ходу не разберёшь,
только дождь-косохлёт хапнет его неразборчивость,
пустит по желобу в водопроводную мглу.

Чем сильнее полноводье, тем крепче словарь немоты,
обезличен тезаурус, заячьи смты наречья.
Если есть заклинатель, Da fiat firmamentum -
вспомни, ау!- челядин безъязыкий, закукленный
синим глубоким зонтом,
Fiat firmamentum in medio aquarum!-
заклиная в сто тысячный раз, будет твердь посредине воды,
посредине стоячей воды,
и отделит все воды от вод,
и окончится эра столетнего водостояния,
речевого потопа, широкоформатного флуда.

Сурепка

Этот остров, посаженный в крылья гааги,
проливается камнем на глечи Ладоги.

По утрам подступают здесь лоси в венках сурепки,
от коры сосновой срывают слепки

древних свитков с их ижицей, ятью, зело,
свитки эти тоньше, чем бумазая.

И плывут они стройно, зельно и ладо
до скита, до сруба, до вертограда.

*fiat firmamentum - точная цитата из книги Бытия в латинском переводе (Biblia Vulgata) «Dixit quoque Deus fiat firmamentum in medio aquarum» («И сказал Господь: Будет твердь посредине воды»)

Там выносят их лоси на мокрых спинах,
влажным носом черпая плес из тины.

Рыбари из свитков нарежут чётки
для упрямых духом, душою кротких,

тех, кто любит Бога и помнит чадо
вместе с запахом пота, стыда и смрада,

у кого печаль прилегла к улыбке,
как дитя качается в тесной зыбке.

Чётки чуждых *к*орысти иль *к*орысти,
тех, в чьих книгах буквицей звенит трилистник.

Запах чёток тонок, их звенья крепки
на главе у лося в венках сурепки.

Дожди, свой и чужой

Дожди, свой и чужой, одновременно будят моё сознание.
Внезапный водоворот в Средиземном море.
Жидкий пляж. Город в браслетах капель.
Непривычный морской пейзаж, где
волны слизывают ползущих по камням крабов, абы
не оставить след от безмятежной жизни.

Неизбалованный, свободно, без преград
ползет по камням дикий виноград –
он весел, зрел, красив и рад дождю.

Надо бы восхититься непредвиденностью картинки,
но память выхватывает иные линки, ссылки

на разновидность дождя, где я
в гроте не причесанного никем болотца,
в доме, где дождь не рассматривается как непогода,
но как событие,
событие, из ряда вон выходящее – дар,
в котором рождаешься из водостока,
испаринной восстаёшь из лужи –
дождь изнутри дождя и дожди снаружи.

Екатерина Дайс
/Москва/

ВЕНЕРИНА ВЕНЕЦИЯ

-I-

город святого марка, раскинувшийся вдали,
город, куда уходят многие сны про воду.
нескончаемый город с лестницами внутри,
город, что проглотил чудовищный уроборос.
статуи и ступени — это его скелет.
розовых фонарей десны блестят игриво.
два коктейля беллини и персиковый букет
разливается в жилах.
те, кто его посетили и те, кто придут им вслед,
будут лежать в постели, покачиваясь на волнах.
главная жрица города спит уже сотню лет.
а крокодиловый храм напоминает дорнах.
город святого марка: улиц и площадей
призрачный лабиринт скрывает не минотавра,
а обычных людей, плетущих венки из лавра
для одного поэта, город простых идей,
переплетенья нитей судьбы, укрощая парок,
пары влюбленных ходят по кладбищу и подарок
с другой стороны плиты — тут каждый свой рот разинет
если сказать иначе, то
letum non omnia finit

-II-

венерина венеция плывет
как башмачок, запутаны следы
в бутылочном стекле ее воды
любое отражение живет.
поэт приходит в этот водный мир,
где водоросли обвивают тени
ступеней в рай; кимвалов, флейт и лир
ночной оркестр наводит наважденье.
русалка разделяет явь и навь,
в венецианской крови винограда
так много терпкой грусти, что менада
орфея оставляет без награды
и удаляется, его оставив, в плывь.

-III-

дорогой одиссей, ты опять уплываешь, касаясь сетей и
освобождаясь от них словно рыба, пескарик, карасик,
лещ, амур или щука
разлука сильней и больней с тем, к кому прикипел,
как к тебе без единого звука, без единого стога, который
бы
нарушил твой девственный сон
привяжи себя к мачте не слушай меня
это птица поёт соловей воробей а, может быть, просто сорока
до срока не вернуться и сколько нитке не виться, а губы не те,
да и платье не то, рви не рви, поцелует, а ты
ты опять уплываешь и фенька фигня или thing
фельд-а-финговых зарослей здесь забываю, кто я,
где я, и куда мы идём и плывём только сон,
что меня разрывают, и топят и мочат на счастье
что я, рюмка? и феи опять закрывают лицо
глядят голову мне, понимаю, что это лишь части
пьесы

-IV-

архаический хруст, раздающийся в ракушке уха
словно треск саранчи в раскаленной степной сковородке.

наплывающий грохот подвалов, пещеры у моря.
театральный шаман, что гремит бутафорскою пряжкой,
вспоминает тот мир, где на крохотном фотоснимке
ты стоишь на трубе, из которой вода не польется.
и наивная флейта над мальчиком только смеется.
принц приехал и синей бородкой торчит из кулис.

-V-

где профиль данте на монете выбит,
где не находишь входа в галерею,
где акведук, скучающий по рыбе,
во тьме заката страшно багровеет.
там третий рим перерастает в первый,
осколки, грязь и розы из бутылок.
там лишь орфей играет не на нервах
там лишь исида ищет не обмылок.

-VI-

стареющий катулл целует пальцы ног.
а море как всегда — беременно венерой.
ты подожди чуть-чуть, еще один нырок,
и мы уйдем в песок под очевидной пеной.
стареющий катулл целует пальцы рук,
ни данте не боясь, ни головы медузы.
ты подожди чуть-чуть, напоремся на сук,
на узловатый сук и жилистое пузо.
стареющий катулл поцеловал пупок
и ямочку у рта, висок, бедро и спину.
ты подожди чуть-чуть, он сух и невысок,
но выпьет весь нектар у лесбии любимой.

-VII-

Ангел Таро встал на углу стола,
Черная Ася пахнет с утра пантерой.
Полиамурность включает в себя дела
Полуаморфные. Ведьма сидит с гетерой

Вот уже пять часов, черепок античной
Амфоры под столом и изящный череп
Из кимерийского кварца лежат отлично
Рядом с плитой из Айя-Софии, через
Пару часов одна улетит на запад,
А другая на юг, после себя оставив
Черной Исиды стан и тревожный запах
«Тьюбе роз криминель», полюбить заставив
Этот хрусталь с темно-вишневым медом.
Пахнет ли мехом, или осенним сплином
Море давно заменило своим народам
Высшее существо. В опьянении винном
Есть свои преимущества. Если тебя качает,
То это Дионис. Слушая крики чаек,
Она признается, в том, что души не чаёт
В бродячем Гермесе и разговор кончает
На полусло-
Ве...

Ефим Гаммер
/Иерусалим, Израиль/

Из цикла стихотворений «АРКТИКА»

-1-

*Николай Гумилёв называл свою поэзию
Музой Дальних Странствий.*

*Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.*

Николай Гумилев

В далекой Абиссинии,
надеюсь, небо синее.
А здесь у нас, а здесь у нас,
сплошной здесь «аут» и «атас».
Волна легко кренит строку.
Стихи рисуются в дугу.
Над ними пялится звезда,
отнюдь не Южного Креста.
Глядит она на лепку букв,
как будто в буквах ищет звук.
Но кто звезде понятие дал –
какие буквы он писал?
И я не буду «Мудрой Крохой».
Иди, звезда, своей дорогой!
Иначе из нехитрых слов
ты все поймешь про НЛО.
«Тарелка», да, из-под воды
вспорхнула и туды-суды.

Над нашим танкером скользнула,
к эсминцу «Смелому» прильнула.
И, помигав для куража,
пошла сквозь небо, не спеша.
Эсминец пушку вмиг нацелил.
Стрелять стрельнул он с тряской в теле.
Но выстрел был плохого сорта –
снаряд упал вблизи от борта.
А мы глазели, мы глазели,
но очень умно – мимо цели.
Поскольку вскоре под расписку
твердить пришлось, что эту «миску»
мы не видали зрячим оком.
Иначе – выявиться лохом,
сменить каюту на клетушку
в ближайшей к Амдерме «психушке».
О, нет, к таким делам бунтарским
мы не готовы в море Карском.
По курсу – норд, стаканы – чок,
а мы в рот водку, и молчок!
«Тарелки» – здесь, «тарелки» – там.
А нам? Сто грамм! И по домам!
Идем не в Абиссинию,
и держим нашу линию.
Не вправо нам, не влево нам,
комедь приемлем, но без драм.

**Рейс 1970 года, Мурманск – Амдерма,
борт танкера «Алуксне».**

-2-

Любят поэты бурлящее море,
«ревущее» жостью, годной в утиль.
А я, с поэтами этими споря,
я выступаю за штиль.
Отбросим слов басовое величие –
отбросим «тайфун», «ураган», «циклон».
Сегодня штормит во мне самое личное,
и не унять, только выдавить стон.

Дрожит под форштевнем Карское море.
Нептун исполняет русалкам ноктюрн.
Брызги на рубке – приبلудно молью,
ветер их быстро – к ногтю.
До порта тралить еще параллели,
к чертовой Амдерме идти и идти.
Сегодня как будто два шторма спелись:
тот в Карском, и этот в груди.
Спелись и носят, как шляпку норд-остом.
Но я не Синдбат-мореход.
Ему было просто: пожалуй на остров
где Джинн обустроит сказочный грот.
Молнии в небе – острые шпоры –
тщатся пришпорить табун лошадей.
Из тесных конюшен – дизель-моторов
на волю гоню их – шпарь по воде!
Гей, молодцы – рысаки удалые,
в постромки параллелей впрягись!
Вскиньте над морем гривастые выи,
поговорим с ним «за жизнь».
Курс на мой город сейчас берут птицы.
Расселятся где-то у наших квартир.
А мне – знаю я – в новый раз не влюбиться.
Но ведь не скажешь об этом в эфир.
Любят поэты бурлящее море,
чтобы в штормах и самим побурлить.
Но штиль – это лучше сегодня – по-моему.
Завтра? До завтра надо дожить.

-5-

Снег слежался будто войлок.
Лес таинственен и светел.
Меж деревьев бродит волком
и стихи читает ветер.
В нем полно тоски натужной,
болью страх его засеян.
Он хотел быть ветром южным,
а судьба снесла на север.

Путь теперь нелеп и долог.
А стихи? Стихи – на ветер.
Снег слежался будто войлок.
Лес таинственен и светел.

-6-

Не будем, не будем, не будем
стонать, как луна на ветру.
Мы будем рассказывать людям
о том, чего ждать по утру.
Мы будем такими, как были.
Иными не быть уже нам
везде, где из звездной пыли
земной воздвигается храм.
Шторма... разве ищем их в море?
Но к ним пролагаем пути.
И море рифмуется с горем.
А горе всегда впереди.
Над нами высокое небо.
Под нами бездонная мгла.
И мы без движения слепы –
потомки морского орла.

Ярослав Пичугин
/Москва/

Гавань

Где-то в гавани Ахава
застоялись корабли,
водяная встала лава,
отделила от земли.

Где они теперь зимуют,
коротая дни во сне –
в облаках борты швартуют
или все-таки на дне?

За хвостом у Моби Дика
мы Андрея видим флаг –
нет светлей у моря лика,
вспомним песню про «Варяг».

Адмиралам примечталось,
что кругом кричат: «Виват!»
Не виктории – усталость
и аварии, как факт...

В этой гавани Ахава,
поглощая стены вилл,
водяная ходит лава –
что об этом знал Мелвилл?..

Москва-река

По расплывшейся карте асфальта
ты сойдешь ненадолго к воде,
где разводов бензиновых смальта
распустилась победно везде.

Но откинь эти водные прядки,
и увидишь – привстала с пуант,
заигравшись с подружками в прятки,
золотая рыбка-мутант.

Пелопонесский пейзаж

Я пейзажем слегка огорошен,
вижу синие горы вдали,
будто вывел их кистью Волошин,
акварельные краски легли...

Перемешан закат здесь с восходом
и прозрачная льется вода,
и природа открытым всем кодом
говорит неперемнное «да».

И войдя в эту спелую воду,
поплывешь по волнам набум,
сами сложатся в лучшую оду,
те слова, что приходят на ум.

Очертания всех побережий
и овечии эти холмы,
и деревни то чаще, то реже
по-эллинически увидели мы.

И художник, что кисти готовил,
их пустил попастьись по листу –
в черепичные линии кровель
и морского прибоя черту...

Читая Кавафиса

родник
выносит струи
из-под земли
героев и легенд

какой-то скепсис
разлитой
в пространстве
внушает
стиль сухой
пригоршне строк
Кавафиса

а между тем
из пригородни
дано напиток нам
воды живой
по мраморной
тысячелетней
бегущей колее

* * *

возможно
пророчество Тютчева
из «Последнего катаклизма»
сбудется
в нули окружающих нас годов
как в пробоины
хлещет вода
и если Петербург по пояс
то Венецию поглотила
до нежной шеи
в конце концов
если что-то и отобразится
в необозримом лике моря
то это будет просто

рахитичная вата облаков
нечто с прорывами голубизны
«небо с вод» как описка
школьника

* * *

водяной
рай неизбежности
оглянешься назад

высотные дома
непрожитой
жизни

песни опыта
отражениями
переходят
в песни
невинности

Евгения Баранова
/Москва/

Песенка для Ани

Водянистей водянистого,
чтоб присниться дураку,
дождик серенький посвистывал
недоребрием в боку.

Лужа в небо смотрит лошадю,
от весны произошед.
Дождик кажется хорошим ей,
потому что ливня нет.

Улизнёт мокропогодица –
над Вероной моросить.
К сожалению, не водятся
в лужах принцы-караси.

Из-под стёклышка столового,
каблуком рассечено,
на Москву глядит суровое,
достигаемое дно.

Мисхор

Сойдя в метро как в речь густую
(под сумерки и от грозы),
я вспоминала, как пустует
кувшин у бронзовой Арзы.

Кап-кап. Русалочки привычки.
Кап-кап. Всё мимо-мимо-ми...
Обосновалось племя птичье
и наблюдает за детьми.

А детям что? Нагая пристань
жмёт катерки к мучной груди.
И парк таит, и манит жизнью.
Чуть что – и в школу не ходи.

Чуть что – подуй, заштопай мячик,
произнеси весь алфавит.
Лишь пустота кувшина плачет,
и девушка над ней стоит.

Ольга Вирязова

/Москва/

* * *

Услыхать не свои отдалённого тела рыбки,
Отделённого духа на мне овеания сухи, легки -
Тронут усиками, станут гусеницами руке,
Осязая меня эластичным великим никем.
Гаснут вёсла, увязшие в яви слоистой ночной,
Приплывают людей шелковистые плески за мной
И щекочут, зовут, разветвляется тайная дрожь -

Ожидание лодки, поскольку пешком не дойдёшь,
Приближение чуда, вечернего чада ручьёв.
Ах, Венеция, и до тебя достягает ничьё,
И ручные дворцы у причалов счастливой земли
Всё стучатся о лодки, сминая зелёный залив...

Не расстанемся мы - эти связи, ручьи, рукава,
Руки, мостики, в общее море провал...
Поведёт меня тяга, которая знает, куда,
И колыхнется сердце, его соляная вода,
А из плоти моей вырастает дыхания куст,
Многомудр, многоуст.

Адриатики капля, но смотрит она, словно Бог,
Микеланджело вечный берёт её тон голубой
Нескончаемым жестом, Божественной краской пройдя
Там, где с прошлого года ещё не упало дождя...

* * *

Каплей запрятавшейся в реку
чувствую: время моё полдень.
Свет осязающий человека
словно рука слепого...

Лодкой лежащей в тени ивы
на берегу глубины длинной –
плотью единой и терпеливой
выгну сухую спину...

Слух барабанный водой полон.
Вся моя глина – реке берег,
только и знает он что волны
омуты и мели.

Не отлепить от воды землю,
не отличить от себя древа.

Богом объято моё зреньё,
щурит меня дремлет...

Мир – терракотовый плод зрелый,
делим его делим...

Нина Злаказова
/Москва/

Сплав по Белой

Сказали мне — это зовётся смех.
А думалось — плач, сожаление, выход
чему-то такому, что не сумеет
выговорить, ни смысла, ни выгод.

Река утверждает: она смеётся,
лесная птица — зовётся иволга -
дли-и-нная нота,
речная лоция
сплавщиков бельских:
надо вытолкать
плот с переката,
весло сохранить,
сосна всё, береза...

а сколько внизу их,
обозначающих без границ
зону отпущенной жизни — босую,
простоволосую, бешеной скорости
воду слепящую разве сдюжить?..

Пусть ужаснутся потом экологи.
... Смейся, иволга, плакать — хуже.

Белая

река не спросит за постой, не взыщет за бельё и взгляды,
и вот - коровий водопой, за долгий жадный день награда,
за оводов сосущий гнёт и коромысло небосвода,
извечный ток воды вперёд - и дельтой смысла берег подан

разлейся, гладь ночных морей, неутолённой полных жажды,
приправлен берег солью дней и утверждён волною каждой

река, ты спрячешься в морях, вернёшься солью семижильной,
сердечной азбуки маяк, семижды семь прозрачных жизней

опять высокая вода и россыпи озёрных капель
по луговине: в травы там
врастают ноги бельских цапель

Вольга

Узенькой Вольге укрыться золовым звоном,
более нечем — ни листвы вокруг, ни снегов.
Одиннадцатая луна, сестра моя, удивлённо
спросит — твоя ли земляца? -
и в ответ не услышит слов.

Вольгины песни подспудные, не разберёшь,
не весна - разжурчатся на воле, распеться сладко.
Кто живёт здесь, дорожит дребезжаньем берёз,
слабым знаком, что сбудется всё без остатка,
до последней лягушечьей буквы,
до ржавого листика,
две доски через лужу, тени выцветших деревень,
обгорелые старые книги, неопалимая истина,
что держаться за землю иных преимуществ верней.

Может, этот последний, на окраине льда задремавший,
синий с водки, с морозу ль, стылый, как рыба, мужик -
где ему до Спасителя, но шаткие душеньки наши
подберёт с магистрали московской, нальёт:
на-ко грейся давай, не дрожи...

океаны

ты смотришь на океан я вижу берёзы в окне
мы видим одно, я думаю - синеватые воды и небо
я не скажу привычное вот и мне бы
солёный дрожит туман, и Стокгольм уже где -
неизвестно - растворился в туманных водах
в бледно-зелёных полощущих небо ветках
твой океан — мой океан солёный туман на веках
влажные щеки и волосы
кажется, минули годы
так долго не виделись, не обнимались с тобою
дальше Хельсинки, прочерченный путь домой
за океаном воды будет целая жизнь, Боже мой...
я отпускаю твой океан ты мой отпусти на волю

Александр Тихонов
/Тара/

* * *

В заснеженном доме, у русской печки
Сплетаются сказки, мечты и были.
От речки Вагая до Чёрной речки –
Полметра и горстка архивной пыли.

Вагай с цепенеющей Чёрной речкой
Текут подо льдом мимо дома. Мимо.
На тёплых полатах, у русской печки
Все беды вселенские поправимы.

Меж стилой землёй и бессмертным небом
Года и столетья легко пружинят.
А где-то идёт секундонт по снегу...
А где-то кровавит клинки дружина...

Господь бы помог, но в мгновенье это
Он чем-то великим и важным занят.
И слышится крик за спиной поэта.
Ермак сквозь века: «осторожней, Саня!».

Но вечность лишь губы ему смыкает.
Картинка сменилась. Река другая.
Сергеич глядит – атаман шагает
В холодные воды реки Вагая.

Так катится в осень смурное лето,
Объятые думой, шарашут грозы.
А Пушкин стреляет из пистолета,
И падает навзничь Дантес раскосый.

И снова течёт пред глазами морок,
И пятятся воды реки забвенья,
Как будто десантники Черномора
Пришли кирзачами месить течение.

И космос трещит, будто мозг похмельный,
И могут герои спасти друг друга.
Вот взял бы Ермак пистолет дуэльный,
А Пушкин царёву надел кольчугу.

В заснеженном доме, у русской печки
Все беды истории повторимы,
Ведь в выставшем прошлом, у Чёрной речки
Ермак раз за разом стреляет мимо.

Алёна Шипицына-Иванке
/Иркутск/

Как живёшь, брат?

Амарсане Улзытуеву

Певучая вода. Варгана речь тягучая, как сладость,
Когда-то привезённая с востока.
Степные ковыли и запах чабреца.
Туманы по утрам и к ночи застилают.
Не разобрать, где небо, где вода.
Жара спадает. Горы ожидают,
Когда же «Гоохон хатан дангина...»
Как только солнце скатится к вершинам,
Всё переменится, таинственно-прекрасным
Окажется всё то, что было днём привычным.
И новые обличья наденут люди, и природа, и шаманы.
Тогда в корчагу руку запуская,
Он извлекает пёстрого налима-
Отца соседей наших Эхиритов
И древнего живого мудреца.
И вот уже их братья Булагаты
В тотеме младшие заводят пёстрый ёхор,
В котором к ним примкнул немедля Хори,
Хонгодоры и духи торжества.
Теперь Буха-нойон Бабай
Словесности и русской, и бурятской,
Амарсана - сказитель дивных мест,
Улигершин святого Прибайкалья
Вещать начнёт. И в голосе его
То ветер из Сарминского ущелья,
А то Култук завоет или бур.

Гремят в нём воды, скатывая камни
С таких вершин, где гнёзда вьют орлы!
И эхом отзовутся Чингисхана
Времени далёких грозные войска.
И зазвенит стрелою тишина,
Летящая сюда с Хамар-Дабана.
Мой брат, певец, родня мы не по крови,
А по седлу и молоку кобылы.
Ты пой, мой брат, пусть прорастают корни
Твоих стихов отважных и добра.
Певучая вода напев подхватит,
Варган на степью полетит далёко.
И поклонятся племена и роды.
«Амар сайн, брат мой! Хэр байнабта?»

*Варган-язычковый музыкальный инструмент.

**Гоохон хатан дангина – слова из бурятской песни

***корчагу - самодельная рыболовная снасть

****Эхирит, Булагат, Хори, Хонгодоры – бурятские племена

***** ёхор – бурятский танец

***** Буха-нойон Бабай – мифический персонаж

***** Улигершин – сказитель

***** бур(бури) – с тюркск. волк

***** Амар сайн – Здравствуй (Приветствую)

***** Хэр байнабта? -Как поживаешь? (Как дела?)

Елена Коро
/Евпатория/

На стыке ойкумен

Фигура платоновской хоры - материнский принцип речи. Предречье, в неясном говоре которого, как будто тихая многоголосица за кадром, где каждый голос тих, но различим речами рек, по-матерински сочетающихся в себе и в речи все элементы междуречья, и создающих перекрестием речей – и рек – единственный город-хороп, хорический город, каковыми были Афины, первичный город, выпестованный хорой в предречии. И в этом принцип воды как вещества, что образует и хору, и хоропы городов на стыке ойкумен перекрестием говоров речек. Так возникла Уфа на перекрестке трех речек: Агидель, Караидель и Дёмы. Так из топей болото замыслом творца был вызван Петербург. Так Москва хороводится в хоре речек только ей свойственной речью.

Москва

Москва хороводится в хоре воды
со сказками старины речью
листьев охряных хоралами речек:
Яузы, Сетуни, течь им
под сводами смокв-церквушек.
Осень хорохорится хоропом крестов
то ли деревьев, то ли деревянных смокв
на перекрестках с высоким небом
жаворонками облаков рассвета,
хороводится с ушедшим летом.

Петербург

На стыке ойкумен не Ганс, не Франц, но Питер,
по образу не Рим, не третий,
подобие, но как слепой Тиресий,
метаморфозом замысел из тени воплотил,
из пограничья топей и болот, из островов,
из тех, кто тварь иль гад, кто полужив иль полумертв,
на грани ойкумен не рус он и не гот,
метаморфоз людей и двойников,
здесь вызов речи тварью ли из междуречья,
иль правом быть дифтонгом, сочлененным
с междуречьем в речи, метаморфозом в «Я».

Александр Соболев
/Ростов-на-Дону /

Понтийские фрагменты

День шестой

Мир уже создан: врезаны в зыби кряжи и мысы,
плавают тучи, резвые рыбы... Только измыслен –
он уже дышит, свеж и огромен. Пляжа на грани
мускулов пенных злыми буграми море играет.

Людное место здесь, под неслабо греющим солнцем!
Не утерпела б, не обошла бы кисть барбизонца
гладких девчонок, лакомых женщин, прочей массовки –
всех, кто издревле небу обещан, с Лика срисован.

Экипировка – три лоскута и пара тесёмок!..
Татуировка – узел хвоста лихого бесёнка.
И – пропадаешь ни за полушку: дремлющий с виду,
млеешь, прохвачен с пят до макушки знойным либидо,
линией бёдер – той, волоокой, медноволосой...

...Лупит о берег, в надолбы, блоки, скалы, откосы,
и забулдыгой, шарящим слепо дырку в заборе,
пробует прочность каменной лепки Чёрное море.
Шваркает гулко, шаркает глухо, ломит солому,
лепит стотонные оплеухи в цепь волноломов.

Возгласы чаек и человеков. Ветер и воля!..
запах самшита и чебурека, йода и соли.
Мир – населён, и он веселится плотским весельем,
семенем жизни, как чечевицей, густо засеян.
Близок венец трудов эпохальных – sanday и Sonntag.
Так что и мы теперь отдыхаем, с Понтом – под зонтом!..

День седьмой

Я ступаю по хрусткой гальке. Галька взъерошена
шестибалльным вчерашним штормом. Волн кучеря.
Хризолитов и халцедонов светят горошины,
припасённые посеидоновым дочерям.

Завиток рапана разбитого ал и ярк.
Тёмной зелени томность. Есть на что поглазеть!
Молодой аквилон пасёт тонкорунных ярк
и полощет душу в индиго и бирюзе.

«Коля с Людой здесь были» – гласит граффити наскальное.
Мира вам, соплеменники!.. Здравствуй, великий Ра!..
Я бреду по берегу, занят богоискательством,
я ищу куриного бога в который раз.

Загорелый, поджарый, довольно-таки валидный –
я иду вдоль моря. Так мысли мои светлы,
так чисты стихи, что на небе звёзды видно,
а на дне – жемчужницы, стоит чуть-чуть заплыть.

Мельтешат золотинки, искринки с «Чёрного принца»,
вызревают икринки счастья в лёгкой волне...
Вот он, принцип духа в материи, Вечный Принцип!
И напрасно искать, где бы он явился полней.

Подмалёвок?.. эскиз... гениальный Рая набросок! –
этот мир пропитан волшебным живым огнём.
...Несомненно, сегодня мне встретится бог неброский
и глазком куриным приветливо подмигнёт.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПАМЯТИ. СТАНСЫ (1992)

Колыбельную лодку волною качнёт,
свет стемнеет, и дождик просыплется свыше,
отдалённая женщина песню споёт,
станет тихо давно, только я не услышу.

И в расхожей дали, в недокуренном сне,
измельчает до смеха дневная потреба,
и Отчизна привидится странной стране,
как январская радуга местного неба.

Безучастные гости скорбят за столом,
не печаль - ни тебе, ни тому, ни другому,
и сластит утешение в доме твоём,
и молчишь, словно слёзы лия по живому.

Пенелопа плела изумительный бред,
и, наверно, ничем ничего не измерить.
Не печалься, мой ангел, о том, кого нет,
потому что он здесь, только трудно поверить.

Светокопия голоса. Сколок земли.
Умозрительной веры дверная прореха.
И безвыходно эхо немеет внутри,
и потеряна память, как Чердыни эхо.

Есть такая забота - как нянчить ключи,
чтобы в срубе на выдохе булькнула бездна.
Где воскрес твой игрушечный гений? - молчи -
выпендрёжник, сим-сим, Мандельштам... Неизвестно.

ΣΤΥΛΟΣ

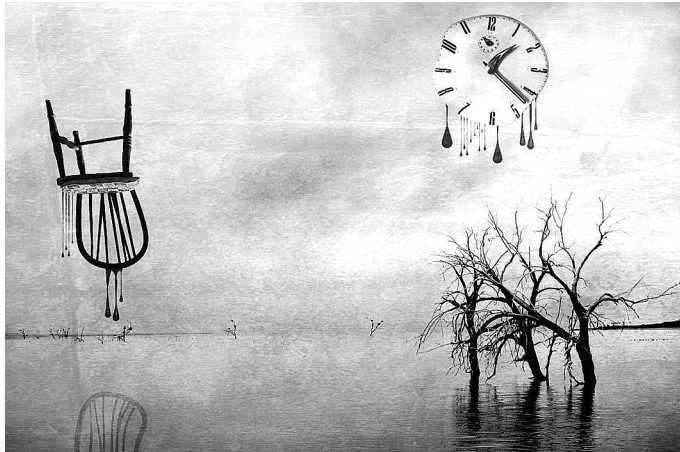
Сладострастна вина, расточительный страх,
состраданья равны синема, и фальшивы,
как залётные птицы, в пустых рукавах
инвалида победы ненашего Шивы.

И неточная малость понятна почти,
и, засохнув, вода станет тоньше бумаги,
и протрётся родимая - строф не свести,
если губы попросят попить бедолаге.

ПИСЬМО ПАЛОЧКОЙ НА ВОДЕ

И мерещится время, но миг погоды, -
никудышному Вейлю всегдашнего вида
в перламутровой линзе другого дождя,
как в затравленном взгляде жены Неэвклида.

Там указ пролетит, а тут слово умрёт.
Вот суглинок, вот хлеб и запойное горе.
Уточняется зет, а никто не идёт,
и не стронуть того и сего априори.

Только бедная буква припишет ау,
утаясь препинаний извета и тлена.
И дыхание вздрогнет в табачном дыму,
плоскодонную зыбку качнув отдаленно.

Евгений Туренко

Мargarита Пальшина
/Москва/

ЧЕТЫРЕ ЭССЕ ИЗ КНИГИ «ЖИВАЯ ВОДА»

Вместо предисловия к книге:

Название сборника пришло из сочетания слов: «живая», то есть правда жизни, и «вода» – а как ещё можно окрестить эссе? Эссе не предполагает ни сюжета, ни главных героев. Эссе – дневниковые записи разных лет. Голос времени, которое существует лишь в настоящем...

Птицы смеются в сумерках

Бывают дни – выскользывают из памяти, ничего после себя не оставив, кроме занозы в солнечном сплетении: как будто не успела уловить нить, и она запуталась или хуже – оборвалась. Вопросы без ответов, безвременье, канувшее в сумерки. А что, если из таких дней и состоит жизнь, время?

В мыслях крутится фраза: «Птицы смеются в сумерках». Они и правда смеялись где-то над головой, невидимые в склонившихся к ночи ветвях деревьев. Откуда взялась эта фраза? Возникла во мне, словно кто-то другой вложил её в мою голову.

В детстве у нас жила канарейка. Сначала она молчала в клетке, как рыба в аквариуме, и мы ставили для неё пластинки с птичьими трелями. Потом, научившись петь, голосила без умолку дни напролёт. Вечерами, захотев посидеть в тишине, мы накрывали клетку полотенцем – и птица мгновенно погружалась в сон. Вот и меня тоже – накрывает порой.

– Глядя на тебя, понимаю, почему все писатели – алкоголики. Вы таким образом пожары в голове тушите.

– Или наоборот, наполняем метафизические реки, которые несут наши лодочки к морю.

Иногда обнаруживаю заметки в телефоне или записной книжке, оставленные не мной, но кто ещё их писал, как не я? Состояние зомби или радиоприёмника. И кажется, невозможно разорвать этот порочный круг, чтобы побыть, наконец, собой, понять, где заканчивается Вселенная, ко-

торая в каждом из нас, и начинаюсь я – как её неотделимая частица, но всё же частица, а значит, нечто замкнутое в себе, имеющее очертания и смысл, отгороженное от мира собственной оболочкой.

Для нас двоих я придумала золотой круг. Куда мы вошли, сбросив тело, душу, пространство и время. Невесомыми тенями – способными сливаться в единое целое, проникать друг в друга. И мы существовали в этом солнечном свете годами. И были счастливы тем, что мы далеко друг от друга (расстояние в тысячи километров) – и одновременно близко (под кожей, в солнечном сплетении, в глубинах сна наяву). Моё выражение: «вездесущие» или твоё: «я повсюду ношу тебя с собой» – по сути, одно и то же выражение, только с разной эмоциональной окраской: моё – определение для словаря, а твоё – личное письмо.

Но подобно создателю я разрушила наш золотой круг. Придумала тебя, чтобы уничтожить. Таков закон Вселенной: чтобы родилось нечто новое, старое должно умереть. Мысли о бессмертии – утопия. Клетки, которые обновляются и делятся до бесконечности, вызывают рак, и тогда конец всему организму.

Получается, я создаю свои круги, чтобы разрушать общий порядок? В вагоне метро подумалось вдруг, что безумие или болезнь и есть возвращение в Эдем. Ибо сказано было: «Бог насылает мух на рану, чтобы исцелить». Нормальный человек – сумма обязанностей перед окружающим миром. Они все едут куда-то или зачем-то, и только я могу выйти из подземелья на любой станции – за пределы абсурда, потому что абсурдно жить для других, чужой, насильно навязанной обществом порядочных людей жизнью. Абсурдно называть профессию в ответ на вопрос: «Кто ты?». А болезнь, как и безумие, вышибает из колеи, даёт право побыть никем. Разница между болезнью и безумием в том, что боль лишает души, заставляя в полной мере ощутить своё тело, в здоровом состоянии невесомое, а безумие – напротив, отрывает от земли и уносит в заоблачные края.

И вот ты уже заблудился в родном городе, свернул не на том перекрёстке: раньше или, наоборот, позже – и очутился посреди улицы, которой тут не было. То есть, это ты по ней не ходил и сейчас торчишь на углу, растерянно оглядываясь по сторонам и силясь вспомнить, куда же она тебя приведёт. Стоит довериться потоку людей на улице и пойти вслед за ними или нужно вернуться обратно, чтобы свернуть там, где всегда сворачивал, и пойти проторенным путём?

Впрочем, с тобой ничего подобного не случится. У тебя GPS-карта в телефоне.

«Хочешь быть свободным – закопай айфон в лесу!», потому что все случайности predeterminedены свыше, у Него – своя GPS-карта. Неисповедимые зигзаги твоей судьбы. И сворачивай – не сворачивай – всё едино.

Знаешь, в чём между нами разница, Ли?

«Почему, собственно, Ли, а не Че?».

Потому что «Ли» происходит из глаголов «лить», «изливаться». Мы все живём, изливаясь в этот мир, Ли. А может, я просто опять подумала об Ангеле с двумя чашами в руках: золотой (будущее) и серебряной (прошлое), и о том, что время льётся в обе стороны. Бурлящий поток, засасывающий нас, как воронка. Мы боремся с течением – и тела изнашиваются, сила трения. Люди потом говорят: «Стареем», и считают, что время линейно. Но оно – водоворот.

Так вот, разница в том, что раньше, с тобой, я жила в будущем. Точнее, в мечте о будущем: золотой солнечный свет распадается на миллионы оттенков, а значит, и будущее многовариантно. А сегодня я проваливаюсь в прошлое. Увидела фиалку – и под ногами разверзлась метафизическая яма, мостовая всё та же, но шагаю по ней не сегодня, а в том далёком году, когда на газонах цвели вот такие же точно фиалки. Подумать только, во всём, оказывается, виноват несчастный цветок!

Может, хватит уже экспериментировать со временем и пространством? Вполне достаточно часов, календаря и всё той же GPS-карты. Для нормальных людей – да. Я же не смогу тебе ответить, что реальнее: образ в мыслях или ускользающая в сумерки действительность.

Мужчина в кафе битый час твердит подруге о Синае. Для меня Синайская гора – абстракция. Как наступает вечер в Париже, Праге, Барселоне... я вижу глазами памяти, а Синай существует где-то за пределами моей Вселенной, то есть не существует вовсе.

Если человека нет рядом, то его вообще нигде нет. И так всегда: живу в пространстве текста, а жизнь ускользает.

«У него короткое дыхание, чтобы стать великим», – сказал как-то об одном из нас редактор литературного журнала.

«Мы все не в ту эпоху живём, чтобы глубоко дышать», – хотелось ответить мне. Век скоростей размывает пейзажи за окнами, и мы смотрим на жизнь поверхностно – на бегу, не задумываясь, не ныряя в глубины метафизических рек. Клиповое сознание, действительность мелькает перед глазами, как картинки в соцсетях или на экране телевизора. И связующая нить мгновений рвётся.

Сотни маленьких разломов и падений в прошлое, как образ вечного возвращения, туда, где была неизлечимо счастлива, как поиски потерян-

ного между медитацией за бокалом вина с сигаретой и бестактно ворвавшимся в ночь чужим телефонным звонком Рая. Действительность любит напоминать о себе, когда дверь между снами и явью ещё приоткрыта. Она закрывает двери и стирает золотые круги, заставляя нас действовать – в установленном порядке.

Есть такое определение мастерства: «действие, отточенное до автоматизма», например, когда часовщик ночью вслепую может собрать механизм часов...

Я не умею и не хочу вслепую, и потому до слёз вглядываюсь в сумерки, словно всё ещё надеюсь ухватить ускользающую нить; кто знает, может, она и вытянет меня из водоворота времени.

Отражайся в небе чаще!

Утро Питера. Хмурое и сырое. На Марата, 30.

Снова отключили электричество. Соседи вывалили толпой в колодец двора, кричали: «Гостиница незаконно отнимает у нас свет!» и грозили кулаками моему окну. Потом разошлись кто куда, но никто не вызвал аварийную службу. Хостел в бывшей коммуналке приютил меня на пару ночей, а они так живут годами! Без света, воды, в тесных комнатках Раскольникова на девять шагов, где даже не ледяные ветра хлопают форточками, а сквозит само время. Стена напротив в язвах облупившейся штукатурки, а соседские окна так близко, что кажется, меня видно за мутными стёклами даже без света.

Где-то над крышами в сером небе истошно рыдают чайки.

Я сижу на широком подоконнике, зябко кутаюсь в плед, допиваю кофеек, курю и читаю ваши вчерашние смс-ки.

Сначала нежно: «Может, пивка?», через пять посланий настойчиво капслоком: «ПОЙДЁМ ПИТЬ ПИВО!», иронично: «ПИВО ГРЕЕТСЯ!», «ПИВО ВСПОТЕЛО, А МЫ ЗАМЁРЗЛИ НА СКАМЕЙКЕ!», глубокой ночью: «Скажи, ГДЕ ТЫ! Мы возьмём друг друга в руки и донесём до твоей стороны. Неву переплывём, если на Петроградке»... Переписать их, отредактировать – и получится юмористическая миниатюра под заглавием «Шальная ночь петербуржцев».

Задумалась о том, что в такую ночь я вдруг поняла душу Питера. Он первый стал для меня городом людей. Например, в Москве я люблю переплетения старых улочек, где из каждой подворотни и от каждого фронтона веет историей и поэзией, но ненавижу людей: приезжие,

равнодушно рвут город на части. И из-за этой бойни нас ненавидит весь мир.

«Как ты живёшь, такая нежная, в московском аду?», – спрашивали вы меня.

Не знаю, я люблю Москву, она для меня как жена. А от людей стараюсь держаться на расстоянии: уж точно не согласилась бы пить вино с первыми встречными, в Москве это опасно для жизни.

Венеция стала для меня любовницей, в первый приезд я в ней заблудилась (лучше сказать – утонула), а потом тяжело болела ностальгией после возвращения в Москву, где голуби на сияющих на солнце после дождя площадях напоминали мне Сан-Марко. В Праге могла бы жить, её красные крыши согревают и обнадеживают, от Барселоны испытывала головокружение, Париж ощущался чужим, городом беглецов от своего прошлого... Но всё это были улицы, мосты, площади, фонтаны... А у Питера теперь человеческое лицо, точнее, ваши лица.

Познакомил нас Пушкин. Присела на скамейку у памятника. И когда в третий раз вы подошли ко мне с предложением скрасить ожидание принца кьянти, сдалась, сжалилась и рассказала, что никого не жду, что два года назад писала на этих улицах роман, а герой романа живёт в доме-корабле, чьи портики поддерживают атланты, а сам дом до сих пор плывёт над Невским проспектом и Пушкинской улицей в неведомые дали в моих снах, и надо бы как-то прекратить это плавание – посидев на заветной скамейке, возвращая дань прошлому.

Один из вас воскликнул: «Так не бывает! Я живу в этом доме! Могу сводить тебя туда на экскурсию». И он тоже оказался писателем...

А ты рассказал мне свою историю: «Тесть увёз жену в Париж. Прислал телеграмму: «Когда будешь зарабатывать столько, сколько зарабатывает среднестатистический парижанин, верну тебе её обратно». У меня не получается накопить столько чтением лекций в Университете, тем более, что преподаю не основной предмет, а факультативный. Так и живём, она в Париже, я в Питере. Как чужие...».

На Невском проспекте с шарманкой в руках стоят предсказатели. Нужно кинуть монетку в прорезь картонной расписной коробки и вытащить свёрнутое в трубочку предсказание. «Сбываются», – подбодрил меня ты.

«ОТРАЖАЙСЯ В НЕБЕ ЧАЩЕ!», – было написано на моём листочке. Пальцы невольно задрожали. Год назад врачи предсказывали мне: «Максимум полгода, осени не увидишь...». Но я мечтала!

Сейчас же перед глазами в хмельном тумане проносилась белая ночь, но я так и не смогла поверить, что мне удалось. Я больше не мечтаю о «полке вечности», потому что в больницах осознаёшь до конца, до последней капли крови свою смертность. Никто не позволит раздвинуть облака руками, чтобы увидеть «след, оставленный тобой на земле». Нет, всё нужно успеть при жизни. И теперь для меня существует только земное: глоток кьянти, тепло руки, дождь, крики чаек...

«Но если живёшь, значит – будешь!» – сказал ты, улыбнувшись так просто и ясно, что я почувствовала, как затаённый где-то в глубине души страх покидает меня, растворяется в предрассветном небе – чтобы уже никогда не вернуться. Тебе я сразу поверила.

Почему? Поняла, прощаясь с вами у подъезда на Марата, 30. Соседи снова, сбившись в кучу, орали матом, размахивая руками, напоминая стаю разъярённых помоечных чаек.

«Уроды, – с неприязнью вырвалось у меня. – Орут и орут вместо того, чтобы хоть что-нибудь сделать, вызвать электрика, сантехника или что там у них опять отключили».

«Мне не нравится слово «уроды», – озабоченно ответил ты и добавил: – У них всего-навсего своя жизнь. Такая, какая есть. И другой не будет».

Вы провожали меня с надеждой: созвонимся завтра, чтобы продолжить наши белые ночи. А я, поднимаясь по лестнице в свою конуру, уже знала, что завтра телефон будет выключен, и мы никогда не встретимся. Московская привычка: слишком много дел и событий, и даже к близким друзьям в трёх станциях езды на метро собираешься в гости годами. Питер в тот момент был важнее вас: слишком много памятных мест, от которых предстояло освободиться, так что в маршруты моей памяти вы не вписывались. Время – бежит, убегает. Жизнь коротка. Некогда выслушивать ночи напролёт чужие истории, глотая одну «собачку» за другой в барах, разбросанных по Пушкинской и Невскому, нужно писать свою. Некогда оглянуться, понять банальную истину, что город состоит из людей, которые в нём живут...

В голове звучат строчки нового стихотворения: «Здравствуй, я пишу тебе...». Из Москвы, Питера, Парижа, Праги, Барселоны, Венеции...

Логично закончить его словами:

«Здравствуй!

Я пишу тебе, откуда уже не пишут.

Ты не поверишь, но и здесь расцветают вишни...»

Разорвала листок, выбросила. Подобные строчки, мечты о вечности, о запредельном, о Замке над Мёртвым морем подтачивают нас, как камень вода, подобные мысли нас убивают. Никогда больше не буду писать их. Я остаюсь на земле. Среди живых. И не важно – как долго. Главное – просто быть, бесконечность заключена в мгновении.

Через несколько часов поезд умчит меня в Москву. И сейчас, сидя на подоконнике, я поднимаю голову к плачущему дождём небу, словно оглядываясь тебе вслед. Я не запомнила твоего имени, но один из моих будущих героев, кем бы он ни был, обязательно унаследует твой взгляд на мир. Светлый, открытый, жаждущий всем добра – и жизни, но такой неприкаянный, непутёвый на её бесконечных дорогах и перекрёстках.

Я смотрю в окошко неба из колодца двора, и мне хочется пожелать тебе счастья – пусть не безоблачного, но бездонного, как этот рассвет. Потому что знаю теперь: города – это лица людей, и они отражаются в небе, когда скучаешь и хочешь вернуться.

Отражайся в небе чаще!

Сон с февраля на понедельник

*«...Говорю я о тухах и ангелах,
о тайне прочных пигментов,
о предсказании в сонете,
о спасении в искусстве.
И это – единственное бессмертие,
которое мы можем с тобой разделить ...»
(Владимир Набоков «Лолита»)*

... – Способность испытывать страсть – это талант. Она поднимает над любой реальностью. Страсть – это всегда полёт. Рождённому ползать и не понять. Куда ему покорять Эверест, жечь в отчаянии свои романы, безумствовать от лёгкого прикосновения полудетской руки... Ему не дана судьба Икара. Всё равно, что слепому рассказывать о красоте закатов в горах. Вы думаете, это разные чувства? Отнюдь, корень страстей един: вспомните шкалу семи смертных грехов. Абсолютный свет есть тьма, а тени оживают в солнечную погоду. Важна только сила желания, которой наделяет душу природа. В объективном пространстве Вселенной нет знаков «плюс» и «минус» – разрушение в том числе созидает – есть лишь способность или неспособность. Это люди выдумали законы и мораль,

чтобы не сойти с ума, не уничтожить друг друга, чтобы... оправдать собственное бесчувствие.

– Так ты веришь в исповедь извращенца?! И защищаешь Гумберта Гумберта?

– Защитить перед лицом закона не получится. Но оправдать можно любого. У каждого из нас – своя правда, свои причины покориться той или иной судьбе...

Есть произведения глубоко личные. Их невозможно оценить, потому что живёшь в персонажах. Нет ничего сильнее первой любви. Её проносят через годы, её ищут в других всю жизнь. Если бы Анабелла не умерла юной, Гумберт Гумберт не воскрешал бы её в нимфетках, не догнал, не пленил бы в Лолите. Они бы выросли и старились вместе – и умерли в один день. И это была бы самая прекрасная история о любви на всю жизнь, о лебединой верности до гроба – и так далее и тому подобное, столь ценимая обществом поборников устоев, границ и пределов. Но Анабелла умерла. Родилась Лолита. Гумберт достиг заповедья. А мне всё чаще кажется, что именно там, за чертой, обитают мечты. Больничный сад, где они бродят изуродованные и бескрылые, с безропотной улыбкой ожидания, когда же их, наконец, заберут домой. Но мы не приходим. Мы закрываем глаза и стараемся стереть их из памяти.

– Сожги их! Поэты, взрослея, жгут свои первые стихи. Ну, смешно! Свечи, зеркала, чёрные глаза...

Маленький провинциальный город. Единственный Большой Театр. Его отец работал там осветителем. Мать моей подруги – костюмершей. А мы по контрамаркам посещали буфет. Нет, иногда выходили, конечно, для приличия на балкон послушать в сотый раз «Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось?», но настоящим театром были наши улыбки. В зеркалах отражались свечи, театралы пригубляли бокалы с шампанским и чайными ложечками ели красную икру. А мы смотрели друг на друга, как заворождённые, жадно ловя случайные взгляды и отражения.

Помню понедельники февраля. По понедельникам спектаклей не было, буфет закрыт, и мы катались по городу на троллейбусах. По кругу. Одна линия из моего района новостроек – в его заречный с деревянными покосившимися домиками. На какой-нибудь остановке он вбегал в троллейбус, отыскивая меня взглядом. И таял снег на чёрных вьющихся волосах, и свет фонарей струился за окнами, и февраль был мягок, тёпл и вечен... как его улыбка.

Мы ни разу не обмолвились ни словом. Со временем «наша любовь» объединила – и разделила чуть ли не весь город.

– Не тех любишь. Пишешь стихи, а он двух слов связать не может. Девочка из благополучной семьи, а с Зареки только семьи алкашей ещё не съехали, – твердили одни. А другие отчаянно пытались нас познакомить, подталкивая друг к другу. Но тщетно. Дни бежали, я писала стихи, снег оборачивался дождями – проливными летними, морозящими осенними. Свет свечей растворялся в отблесках рыжих фонарей...

Мне бы хотелось написать роман, но как? Я не помню деталей, дарующих жизнь, хранящих прикосновения времени. Сожгла по совету великого поэта всея Москвы. Да и кто бы читал? Роман о любви подростков должен быть написан для них, сегодняшних, их музыкой, на их языке, а любовь родом из девяностых – это уже печальные воспоминания тридцатилетних. Вымученная ностальгия, не нужная никому: люди предпочитают жить настоящим.

Она писала стихи... А ещё циничные письма «на заказ» в розовых конвертах: «Я вижу, как твои руки обнимают меня». И была повинна не в одной потере девственности после таких писем. Лихие девяностые, свобода, нигилизм и вседозволенность. Никогда в жизни я столько не зарабатывала творческим трудом. Мне несли всё: пачки дорогих сигарет, купленные на деньги «на школьные завтраки», модные «фенечки» и шмотки, билеты в кино и на дискотеку, сворованную у мамы косметику из Duty Free... Я исполняла чужие желания. Ты боялся взять меня за руку. Робкий черноглазый ребёнок, отказывающийся взрослеть. Наш февральский сон так и не сбывся. Она уехала в Москву; он сел в тюрьму за случайную кражу.

А я знаю теперь, что в способности летать изначально коренится ненасытная жажда падения...

Ещё один понедельник – много лет спустя. Далёкий заграничный город слегка подёрнут осенью. Мы сидим на балконе с видом на фахверковые домики в окружении дымчатых гор. Дорожки от рыжих фонарей дрожат на мокром асфальте улицы, скрывающейся за поворотом. Я оглядываюсь через плечо – и вдруг сквозь чужое лицо проступает полузабытая мечта. В смущённой улыбке угадывается знакомый привкус счастья. Теперь уж запретного. Я замужем, ты – в дороге. Да, у меня есть талант, но это – всё, что у меня есть. А у тебя впереди бесконечное будущее.

Подумать только: всю жизнь выбирала мужчин арийской внешности, как будто чёрные глаза виноваты в плохих стихах! Говорят, от большой

любви пишут плохие стихи – и я сожгла её... А потом карабкалась выше и выше: фестивали, публикации, награды, чтобы рассказать о тебе. Искала твоё воплощение в каждом встречном случайном прохожем – в глубине души страхась, что найду. И вот сейчас ты берёшь меня за руку... Но мне нельзя остаться. И невозможно уйти.

Я упаду, с грохотом роняя на пол милые сердцу предметы быта и семейные фотографии. И в доме моём поселится тишина, какая окутывает землю после невидимых катастроф и тайных трагедий.

И снова сердечный мой мёд будет капать на страницы писем никому в никуда. И снова мне предложат сжечь эти письма.

Но на этот раз я откажусь.

День накануне

– Операция завтра, – сказал мне врач.

А сегодня с виду обычный солнечный летний день.

День накануне...

Я боялась не пережить наркоз. Снилось Натка. Мы блуждали по тёмному лабиринту комнат, как когда-то по узким улочкам сумрачной Риге. Я снимала кино об ангелах, а Натка случайно попала в кадр. Махала руками, как крыльями, и улыбалась, а остроконечные крыши сходились над её головой крестами...

Она не очнулась от наркоза после операции. На похороны я не смогла прийти – тяжело заболела, и всё твердила себе: «Я запомню тебя такой. Ты всегда улыбалась. Я никогда не умела так». А сегодня она принесла мне настольную лампу, и во сне вдруг стало светло.

Как сейчас на Патриарших прудах, где солнечный свет отражается в воде и слепит глаза, а лебеди нежно касаются друг друга шеями так близко от берега, что кажется, протяну руку – и тоже поглажу.

На бульварах отцветают каштаны.

В подземном переходе скрипки соревнуются с виолончелью и альтом. Вивальди давно мёртв, но всякий раз оживает в своей музыке. Солнечные лучи тянутся ко мне из просвета, бегут следом по переходу. Чудится, я могу сжать их в ладони – и ощутить тепло. Натка была права, когда зажгла настольную лампу во сне. Свет – это материя. Существуют два мира: материальный – тот, где мы щуримся от яркого света, и мир анти-материи – там непроглядная ночь. И ни души вокруг. То есть, вообще никого и ничего нет. Пустота...

Это похоже на кинофильм, где перед ЗТМ возникает кадр, засвеченный солнцем, нездешний и невесомый. Стоп-кадр, внутри которого мерцает вечность. Миг, в котором заключена целая жизнь. И лучи тянутся во все стороны: воспоминания – в необозримое прошлое, мечты – в нескончаемое будущее (нескончаемое, потому что несбыточное). Миг, где мы останемся навсегда, юными и прекрасными. И город будет хранить наши шаги и соприкосновения рук, и всякий раз, когда в переходе заиграют на скрипках, мой маленький призрак тихо прислонится к колонне и будет ронять невидимые слёзы под ноги музыкантам.

Ты сказал, мне грех жаловаться на жизнь. Я всегда прохожу по грани между легко и невозможно, что другой на моём месте давно сломал бы себе шею, а я – живу.

Когда всё закончится, ты принесёшь мне в больницу флягу коньяка, мы выпьем «за жизнь» и будем смотреть, как неистовая гроза ломает деревья за окнами.

И я подумаю: «Можно ли назвать жизнью один день? И не в нём ли заключено бессмертие?».

Александр Бубнов
/Курск/

«ЗАПЕЧАТЛЁННАЯ» ВОДА...

*Всё меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остаётся.
Где лампы-«молнии»? Где чёрный порох?
Где чёрная вода со дна колодца?..
Арсений Тарковский. «Вещи», 1957 год.*

Пространство и время... Чёрно-белое подвижное пространство кино и его «запечатлённое» – по Андрею Тарковскому – время, которое расцвечивается разными временами... Это времяпространство вбирает в свои метафорические и метафизические «поры» наши переживания, ассоциации, воспоминания и возвращаются к нам – впечатлённым этим бесконечным пространством-временем – возвращаются преумноженным ощущением особого родства, особой сопричастности с пластичными живыми образами, становящимися твоими личными...

А если проще... то я иногда не отказываю себе в банальном удовольствии наблюдения за водой, этим простым символом пространства и времени, будь то обычные весенние ручейки или грязные осенние лужи... сейчас смотрю, конечно, не так, как смотрел в детстве, когда ещё не видел такого кино... смотрю – и что-то происходит во мне... что-то тёплое... а что именно?... сложно сказать... одно могу сказать точно: все слова при этом созерцании кажутся маленькими, далёкими, невыразительными, а весь наш человеческий язык – смешным...

Загадочная субстанция, принимающая любую форму и любой цвет... Вода...

Всю воду, все её образы и ипостаси во всех фильмах Андрея Тарковского мне хочется сравнить с бесконечным океаном Соляриса или с его отсветами и фактурами – это некая собирательная живая метафора, метафизическая метафора, метаметафора (если к авторскому кино приблизить авторскую терминологию Константина Кедрова, его поэтическую

философию). Об этой метафоре написано очень много... Нырну и я в этот своеобразный океан... Или лучше так – медленно войду, в стиле так называемых «длиннот» авторского кино... В этот метаокеан Андрея Тарковского, неспешно собираемый им годами и десятилетиями, вливаются полноводные реки, вода которых состоит из вещества менее полноводных рек, а вещество тех рек – уже из речушек и ручейков, из дождей и отдельных капель, родников и родничков, из неких условных «колодцев» и «колонок», разобранных по снам и воспоминаниям, по лимфе и ритмам крови, имеющей свои истоки в истории мирового океана, по синапсам и сосудам авторского сознания режиссёра, – от млечно-облачной печали ручейка 15-го века, в воду которого падает сражённый ордынской стрелой подмастерье Андрея Рублёва, до перешёптывающихся между собой среди мерного потока воды зелёных водорослей в каком-то условном 30-м веке; земные черты этих водорослей, как и саму воду, позже, по сюжету фильма, пытается воспроизвести океан Соляриса в хрупкой попытке приближения к бытию землян...

Когда судьба нас подводит к истокам великих рек, мы всегда удивляемся этой парадоксальной геопозитике, когда без всякого пафоса рождается вода... Она исходит из земного чрева, которое укрыто тайной условных и безусловных мхов, и эта новорождённая вода уже знает, куда направиться, она уже имеет представление о цели своего путешествия, это представление метафизически скрыто в её молекулярных и атомных связях, оно медленно, покадрово собирается в мириадах её неуловимых, невидимых извне взаимодействий с водорослями и мхами, с какими-то невидимыми простейшими существами и илом, их в итоге поглощающим, с укоренившимися корягами и упавшими в воду подвижными листьями, с бессловесными рыбами и немногословными рыбаками, пребывающими по утрам на берегах рек в состоянии невольной медитации от созерцания воды, знающей свою цель... Мы удивляемся будничности рождения этого истока, постепенного превращающегося в великую реку, что затем впадает в великий океан... Здесь в пору вспомнить Анну Ахматову – «когда б вы знали, из какого...» нет, не сора, потому что именно вода имеет свойство аккумулировать соринки, осаждают их пыль и пыл, собирая их в реке на дне своём в таинственный ил со своей отстоявшейся во всех смыслах жизнью, да и смертью тоже...

Но пресловутый круговорот воды подразумевает новое рождение, «воссоздание жизни» (см. цитату ниже), новое «коло», новый цикл и новый уровень, когда вода подобна человеку, впитавшему эту воду, состо-

ящему на две трети из воды, – человеку, ищущему свои метафизические истоки, а помогают ему в этом те, которым выпало чуть раньше по времени искать и находить свои истоки, свои образы, свои науки и искусства, которые говорят с тобой на одном языке... Для меня таким человеком стал Андрей Тарковский, который однажды обрёл «исток» всей своей будущей экранной метаводе – и теперь я, по законам кино, неожиданным «монтажным стыком» перехожу к будничной конкретике, к хронике, к тому самому «сору» – так вот, это режиссёрское «обретение» случилось обычным летним солнечным днём 1958 года в Курске на перекрёстке улиц Максима Горького и (ныне) Серафима Саровского: в студенческой курсовой работе, практикуя съёмку с операторского крана и смену крупных, средних и дальних планов, возникла идея заклинить рычаг колонки, чтобы вода продолжала литься вдогонку последней машине, по сюжету фильма покидающей город, в котором наедине с найденными неразрвавшимися снарядами – между жарким солнцем и сухой землёй – остались лишь несколько сапёров... Кадр, конечно же, не акцентированный с помощью той же авторской «длинноты», которая была непозволительной для студента, однако внимательный зритель обязательно заметит эту неожиданно возникающую на переднем плане колонку со струящейся из неё водой: в простом понимании образа – это оставленная впопыхах эвакуации «работающая» колонка (смысловое «сжатие» хроноса), в чуть более сложном понимании – появление воды как антитезы сухой и жаркой общей «атмосферы» фильма, усиленной фактурой чёрно-белой плёнки (формальное «расширение» хроноса)... Лично для меня это так.

А то, что идея заклинить колонку – идея Андрея Арсеньевича Тарковского, я узнал в беседе с его тогдашним соавтором, сокурсником, другом – режиссёром Александром Витальевичем Гордоном. Про колонку я спросил его сразу, но ответил он только со второй попытки, во втором интервью, через год после первого и более чем полвека спустя после тех съёмки, с трудом вспоминая авторство этого, с колонкой, и некоторых других эпизодов... Хронос преобразовывает воспоминания, они то стираются, то снова проявляются, будто на негативной плёнке, когда скрытое до поры изображение становится явным...

В этом фильме, снятом «на двоих», юные режиссёры, что естественно, распределяли идеи... И даже снялись в кратких эпизодах-кадрах без слов: Александр стал приёмщиком снарядов на полигоне, Андрей – поджигателем, поджигающим огнепроводный шнур... Есть в фильме и другой эпизод, тоже связанный с водой, придуманный уже Александром Гордо-

ном. По сюжету, в момент саспенса, когда люди в комнате ждут новостей от сапёров, среди общего молчания раздаётся неожиданный звук удара неосторожно поставленной кружки о чан с водой, к которому кружка прикреплена цепочкой, затем мы видим качание на цепочке кружки, на которую и мимо которой капает вода из крана, символизируя таким образом секунды напряжённого ожидания первых результатов разминирования и вывоза снарядов из города... Этот эпизод снимался уже на киностудии, в Москве.

Спустя несколько лет после ВГИКа, сняв «Андрея Рублёва» и «Иваново детство» (с той самой, условно говоря, «водой со дна колодца») Андрей Тарковский в своей знаковой статье «Запечатлённое время» неожиданно и парадоксально определил свой идеал: «Идеальным кинематографом мне представляется хроника: в ней я вижу не способ съёмки, а способ восстановления, воссоздания жизни».

Чёрно-белый студенческий фильм «Сегодня увольнения не будет», снятый в Курске студентами 3-го курса ВГИКа Александром Гордоном и Андреем Тарковским, решён именно в «хроникальном» ключе, и именно такое стилистическое решение позволило этой 47-минутной телевизионной ленте не так уж «состариться», как это часто бывает со многими известными лентами. В любом случае, этот непрерывный план с водой и колонкой, длящийся ровно одну экранную минуту (от 18:47 до 19:47 от начала фильма), уж точно не постарел, он может смотреться как отдельный одноминутный фильм и даже, в определённом смысле, выиграть от такого просмотра, без контекста; по крайней мере, – это готовый одноминутный постер к фильму, который, кстати, вряд ли видели даже многие поклонники знаменитого режиссёра; такой постер и монтировать не надо, всего лишь добавить титр: «смотрите...» с вариантами вместо многоточия. При этом абсолютно все слова, звучащие с экрана за эту минуту, как вместе, так и по фразам, расширяют свои смыслы... «Ну, теперь от нас уже ничего не зависит...» – «Ты им скажи что-нибудь такое... От всего города скажи... Им за это памятник при жизни полагается...» – «Памятник?..» – «Ну, ты в общем сам понимаешь, что этим людям сказать надо...» В жанре постера это звучит несколько загадочно, что и нужно для привлечения внимания...

Пусть кому-то покажутся мои наблюдения излишне пафосными, акцентированными, но они подобны акцентам авторского кинематографа, когда автор пропускает «картинку» жизни, все наблюдения над ней, через своеобразную «хронику» своего «я». А с фильмом «Сегодня

увольнения не будет» у меня сложились самые что ни на есть личные отношения, к тому же, я ровесник этого фильма. Хорошо помню, как в детстве родители меня звали к телевизору, когда показывался фильм, и говорили, что снимали в том числе и вот здесь, на нашей улице Верхней Набережной (ныне улица Сонины) и что даже наш дом попал в кадр (добавлю, что не только дом моего детства и юности попал в кадр, но и – в других кадрах – роддом, в котором я родился, и здание, в котором много лет проработал отец, – вот такие тёплые для меня совпадения)...

Несколько лет в начале 2000-х я периодически возобновлял поиски фильма или хотя бы его фрагментов в интернете; где-то даже слышал, что фильм якобы был утерян; и когда я уже практически перестал следить за этим, вдруг фильм появился в сети с логотипом немецко-французского телеканала «Arte», с французскими субтитрами. Конечно, я «взахлёб» пересмотрел его несколько раз и стал уточнять места натуральных съёмок. Какие-то «площадки» были очевидны, однако некоторые и до сих пор не определены... За редким исключением, я постепенно уточнил почти все места съёмок в Курске и под Курском, а перекрёсток «с колонкой» определил прежде всего по запечатлённому на дальнем плане обезглавленному куполу Воскресенско-Ильинского храма, который был восстановлен уже в 1990-х.

Итак, я чуть ли не побежал на этот перекрёсток, как только оказался в очередной раз в Курске (работал в ту пору в Москве)... Я шёл к перекрёстку в предвкушении и невероятном нетерпении, прежде всего, по поводу «судьбы» колонки, осталась ли она на своём месте... Увы, я опоздал, и опоздал я, видимо, ненамного: «след» от спиленной колонки в виде незаасфальтированного круга я нашёл между автомобилями на открытой стоянке, которой и мешала своим существованием та самая колонка... Теперь она «воссоздала свою жизнь» в каких-то других нужных вещах, переплавившись своей плотью в их тела... Ну хоть дома из кадра на месте, а дома непростые, со своими историями, но это уже о другом...

А может быть, по большому счёту, о том же – о тех энергиях, что собирают воедино все капли и ручейки в моря и океаны... И не из того ли колодца «Иванова детства» или какой-то условной «колонки» несёт воду мальчик в финале последнего фильма Андрея Тарковского, чтобы у берега солёного моря насытить пресной водой высохшее дерево и сказать свои первые слова «В начале было Слово... Почему, папа?»?..

Да, дважды в одну и ту же воду войти никак нельзя... было – ровно до тех пор, пока режиссёр не запечатлел эту воду именно таким особым образом – в пространстве и времени своего кинематографа, пронёс к нам через дожди и реки свою речь, свою поэзию, своё видение мира... И теперь мы можем «воссоздавать жизнь» воды и других метаобразов режиссёра столько раз, сколько нам, каждому из нас это будет необходимо... как это происходит каждый раз тогда, когда мы смотрим в «Зеркало» Андрея Тарковского и слышим стихи Арсения Тарковского, прочитанные им самим,

...когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твёрдая вода.
Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы поднимались по реке...
...

Белла Верникова
/Иерусалим/

«ВЗРЕВУТ ВОДЯНЫЕ БЫКИ»

Эссе-рецензия
Графика Б.Верниковой

*его тревожную и античную визуальность
(автоцитата)*

Среди иллюстраций к произведениям классической и современной литературы, включенных в мою книгу «Отпечатки слов, губ: Стихотворения. Графика» (М.: Водолей, 2016), на стр. 117 напечатана в черно-белом варианте приведенная выше, слева, иллюстрация к стихам Валерия Бодылева с подписью под рисунком:

ВЗРЕВУТ ВОДЯНЫЕ БЫКИ – СОЧИНИТСЯ МОРСКОЙ РОМАН, СОСТОЯЩИЙ ИЗ ОДНОЙ СТРОКИ

Это цитата из стихотворения одесского поэта Валерия Бодылева «Марина», вошедшего в подборку его стихов, опубликованных в открытом на портале «Мегалит» журнале «Литературный Иерусалим» (№7, 2014).

В данной подборке стихов застыла или бушует стихия воды в своем природном, морском бытовании – «Когда Борей завоет, и стеклом / Предстанут беглые растекшиеся воды»; «Вот она, облитая тусклой водой, парусиной накрыта разорванных облаков», «С востока – моря стылого валы / Оно звалось у древних Морем мрака». Как видно из стихотворений «Марина», «Корабли Одиссея», «Овидий», Бодылева интересуют жанр маринистики в сочетании с историческим прошлым Северного Причерноморья, восходящим к греческой и римской античности.

Я привела стихотворение В.Бодылева «Марина» в публикации с графикой в интернет-журнале «Сетевая Словесность». И отметила это в своей книге «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью» (М.: Водолей, 2015, стр. 44-45): «Искусство фиксирует и выражает явные-неявные смыслы, как в стихах одесского поэта Валерия Бодылева, представленных мною на сайте «Иероглиф» и в «Сетевой Словесности» в метатексте «На плоскости, в камне, в слове»: «Скрытый смысл проступает порой и теряется среди подветренных слов. Но гудит корабельной доской над подвижную бездной морской».

В моем эссе «Торопись, покупай живопись» (журнал «Новый Континент», апрель 2016) указана авторская мотивация в создании иллюстраций современной поэзии: «Именно в том, чтобы представить читателям хорошие стихи хороших поэтов, разыскав их в безбрежном море публикаций и создав собственную графическую интерпретацию данного стихотворения, я вижу смысл своих метатекстов с графикой, размещенных в последние десять лет на сайте «Иероглиф» и в журнале «Сетевая Словесность».

В рецензируемой подборке В.Бодылева из журнала «Литературный Иерусалим» (№7, 2014) собраны не просто хорошие, а очень хорошие стихи. Заключает эту подборку стихотворение, которое можно отнести к шедеврам любовной лирики:

Валерий Бодылев
ВСЕ ЧУВСТВА

*На расстоянии взгляда,
в котором рассветная мгла
библейского сонного сада
еще догреховной была.*

*На дальности долгого звука,
что рвался, как сдушенный стон,
как отзвук любовной науки,
которой был славен Назон.*

*На близости жарких касаний,
казалось, бесчувственных дам
из средневековых романов,
уподобленных снегам.*

*Но все, что касается вкуса
пылающей плоти твоей
лежит за пределом искусства
во тьме этих летних ночей.*

.....

На сайте «Иероглиф» размещены две мои иллюстрации к стихотворениям Валерия Бодылева, напечатанным в данной подборке и в сборнике стихов одесских поэтов «Глаголы настоящего времени» (Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2013. Сост. и автор предисловия Юрий Михайлик) – «Марина» и «Мадам Бовари». Эпиграф к данной рецензии имеет отношение к стихотворению участвующей в этом сборнике одесской поэтессы, также не равнодушной к античности:

«Мифологический сюжет соединен с сегодняшними переживаниями и в стихотворении одесского поэта Анны Стреминской «Эвридика» (опубликовано в журнале «Зинзивер», №3, 2013), к которому я сделала графическую иллюстрацию, представленную на выставке в Варшаве (весна 2015) и отмеченную в числе победителей Международного конкурса графики «Неделя Искусства в Польше». Первоначально иллюстрацию к стихотворению «Эвридика», подчеркивающую его тревожную и античную визуальность, я разместила на сайте «Иероглиф» в числе моих метатекстов с графикой».

Как написано в предисловии книги «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью», автор утверждает ценность и значительность задержанного поколения одесских писателей, живущих сегодня в разных странах, к которому относит себя. К числу этих писателей относятся и Анна Стреминская, и Валерий Бодылев.

Иллюстрировать поэзию Бодылева интересно и потому, что в его стихах тематически и образно присутствует визуальная живописность, как в стихотворении, посвященном Сезанну, предшественнику кубизма и связанных с ним течений европейского модернизма начала 20-го века:

СЕЗАНН

Сезанн звучит как будто бы Сезам, и значит – приоткройся, внемли. Открыты Фебовым старательным лучам Прованса выжженные охряные земли. Горы Сен-Виктуар кося тень в углу, и воздух расслоен на сотни льдистых граней, размазан свет по синему стеклу аквариума мастерской Сезанна. Мазки густы, теснятся на холсте. В них мир со всех сторон надвинувшийся связан. И в этой гипсовой античной немоте сокрыта сущность южного пейзажа. Алхимик кропотливый, демиург, твоих составов камень, пыль да глина. Холст завершён, дописан, входит в круг созданий совершенно беспричинных.

И другие стихи В.Бодылева в рассматриваемой подборке при сохранении рифмы записаны в строку, напоминая строфикой стихотворение в прозе. В подобной строфике, разрабатываемой современными поэтами, находит выражение насыщение поэзии прозой, характерное для развития русского стиха, см. мой поэтический метатекст «Верлибры Юрия Тынянова» – «внося прозу в поэзию, Некрасов обогащал ее».

К стихотворениям Валерия Бодылева применима характеристика Осипа Мандельштама из его статьи «Утро акмеизма», приведенная мною на сайте «Иероглиф» в одном из метатекстов с графикой:

«...поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает».

Отзвук знаменитых строк Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. / Я список кораблей прочел до середины» слышен в стихотворении Бодылева «Корабли Одиссея». Следуя русской поэтической традиции, поэт привносит в нее собственный голос, обусловленный личным интересом к мотивам античной маринистики:

КОРАБЛИ ОДИССЕЯ

Тень наклонённых столпов Геркулеса, сколком бутылочным блещет вода. Тычутся в берег, к утёсам отвесным растерявшихся греков суда. Путь замышляли к таинственной Фуле, к царству туманному зыбких те-

AQUA DICTIONARY

ней. Только буря рассеяла и развернула список, перечень их кораблей. На бортах наросты от мидий, обрывки ветхих снастей. Лучше выбери Мелотиду, незадачливый Одиссей. Здесь на кромке, краю Ойкумены рыжий суглинок берегов. И никто не слышал о беглянке Елене. А Гомера прочли через двадцать веков.

Поэт Валерий Бодылев, живя в Одессе, захвачен морской стихией в ее сочетании с другими природными состояниями, аналогично тому, как идеи древнегреческих философов об основных элементах природы – огонь, воздух, вода, земля – сложились не без влияния морской специфики античной Греции.

Л.

Мы будем пить вино и говорить: люблю.
Похоже, скоро дождь дойдёт до преисподней,
осыплется теперь листва, и к ноябрю
прольётся только свет по милости господней.

Не скучно и темно, перезабывтый дом,
и некуда идти, смеркается округа,
и правда, что судить не важно ни о чём,
а лишь перебивать молчанием друг друга.

Вчерне блестит огонь, и понарошку не
тоскливо, и легко - придуманно донельзя,
единственно - гляди туда, где, не надейся,
не видно ни следа, и полночь на стекле.

РЕЧЬ ИЗ ВОДЫ

И, в третьих, не возмѣшь взаимное себе,
и бедность не солжѣт, а блажь прямее скверны,
и надо ждать числа и снега на земле,
не думав, не гадав и не стыдясь, что смертны.

Евгений Туренко

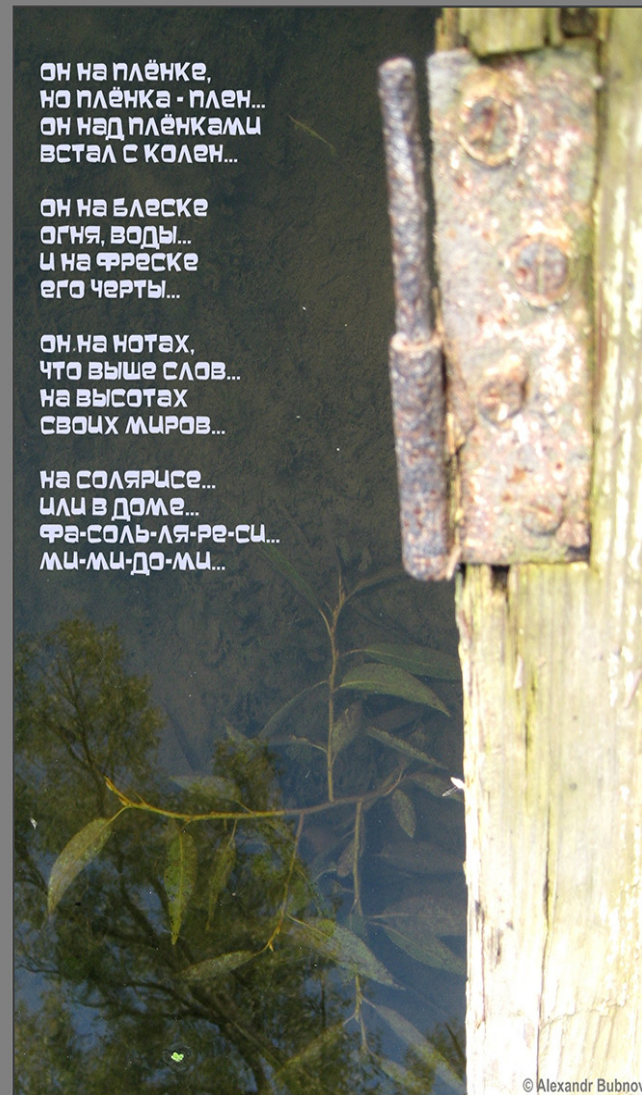
АЛЕКСАНДР БУБНОВ

ОН НА ПЛѢНКЕ,
НО ПЛѢНКА - ПЛЕН...
ОН НАД ПЛѢНКАМИ
ВСТАЛ С КОЛЕН...

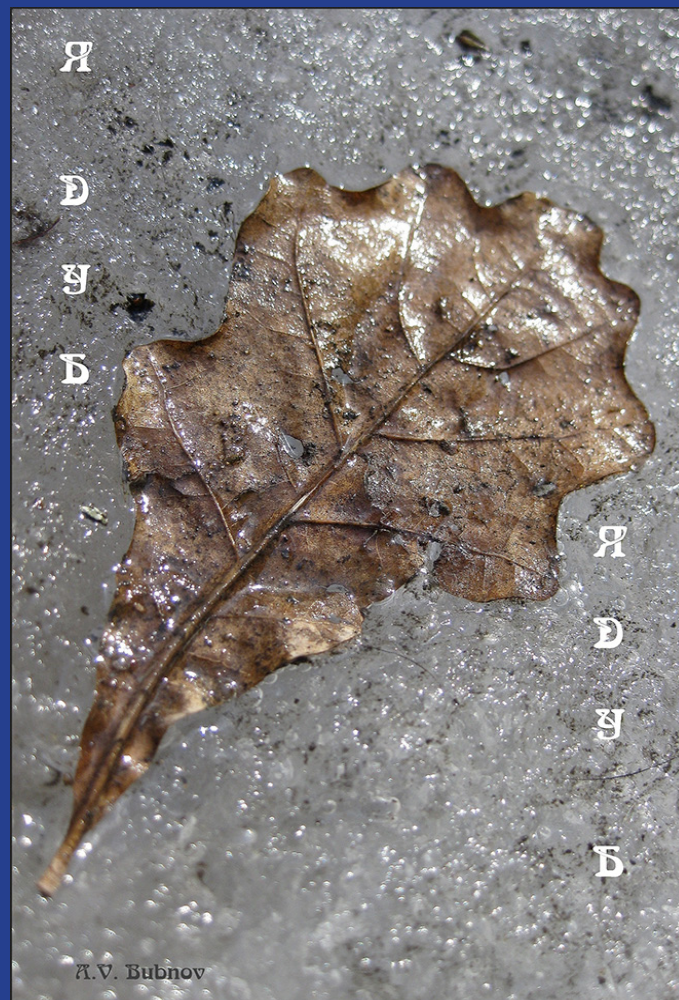
ОН НА БЛЕСКЕ
ОГНЯ, ВОДЫ...
И НА ФРЕСКЕ
ЕГО ЧЕРТЫ...

ОН НА НОТАХ,
ЧТО ВЫШЕ СЛОВ...
НА ВЫСОТАХ
СВОИХ МИРОВ...

НА СОЛЯРИСЕ...
ИЛИ В ДОМЕ...
ФА-СОЛЬ-ЛЯ-РЕ-СИ...
МИ-МИ-ДО-МИ...

© Alexandr Bubnov

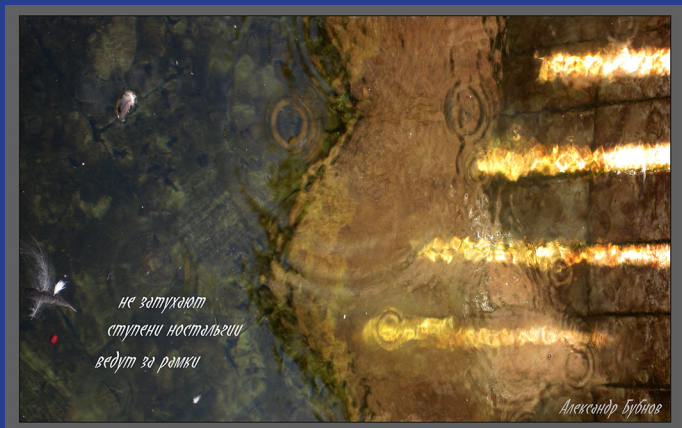
*ты сейчас
иде-то там,
ты не здесь.*

*налеву?
в подмышку?
во сне?*

*три дождинки
- слезинки
небо.*

*ты смеешься,
углубившись
всичи...*

© А.В. Бубнов

*не затухают
ступени ностальгии
ведут за рамки*

Александр Бубнов

*на приливе
земных полушарий
волны пульса
меня спросили . . .*

*эти волны . . .
и всю суету . . .*

*будет радость . . .
и страсть . . .*

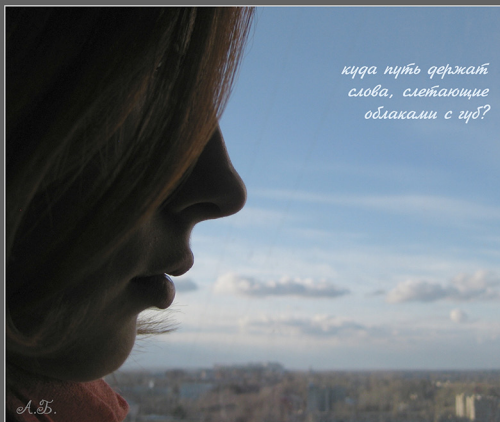
*спрошаю себя и вас . . .
этот бриз . . .
этот джаз . . .*

*и бездонность . . .
и высоту . . .*

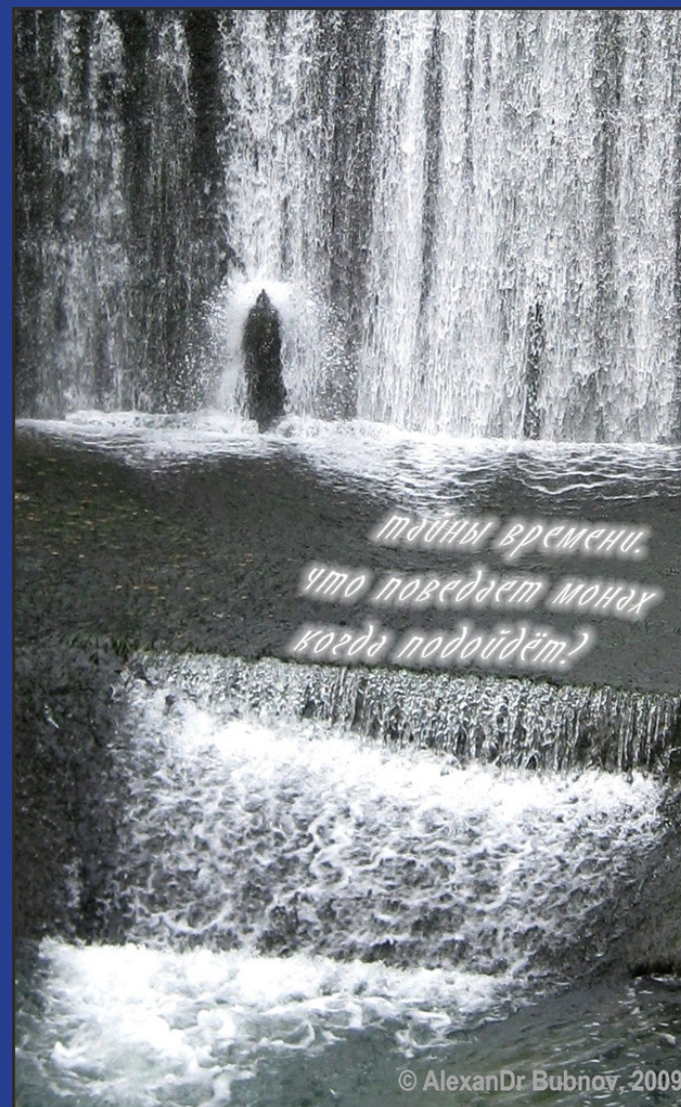
и грусть . . .

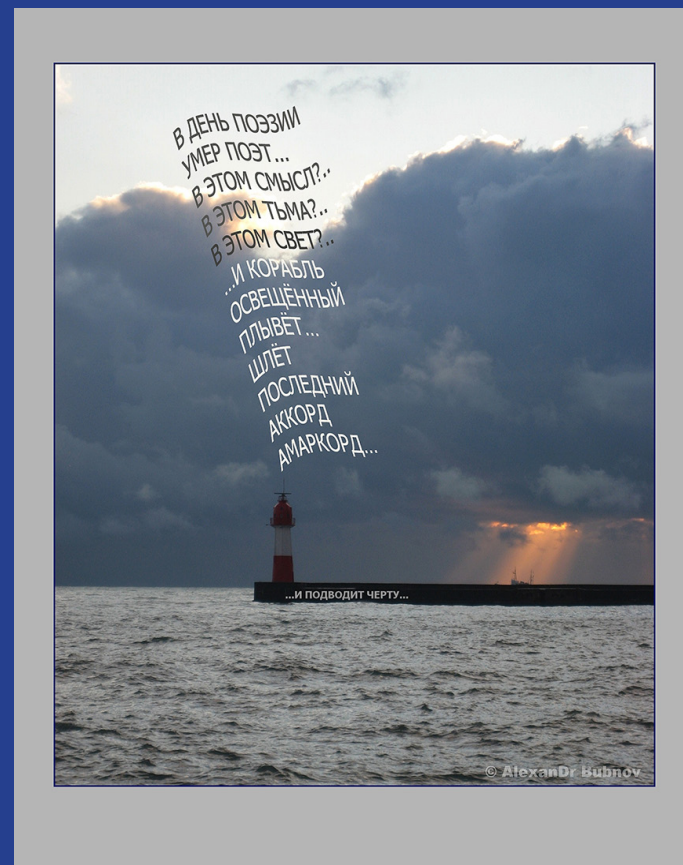
*я открою дверь!
...и вернусь!*

© Александр В. Бубнов

ЕВГЕНИЯ ИЗВАРИНА

**Марина Хоббель
(Осло, Норвегия)**

ДЕМОН НЕХВАТКИ

С самого раннего утра Винсент лелеялмечту о лавочке на площади перед ратушей, где он прекрасно усядется с книжками и будет готовиться к экзамену, с шумящим морем сзади, теплыми пятнами солнца на руках и запахом свежесваренных креветок, продающихся с катера у причала, – и все пойдет как по маслу, и все нужные сведения сами порхнут ему в голову, даже стараться особо не придется. Пару раз он купит себе кофе неподалеку, а еду возьмет с собой, чтоб не пришлось тратить лишние деньги. Читать на свежем воздухе – что может быть лучше и полезнее, размышлял он, намазывая масло на хлеб и укладывая ровными слоями салями, сыр и нарезанные огурцы. Чем сидеть в душной студенческой каморке, так уж лучше сразу в город, где жизнь и надежды на светлое будущее. И может, какой-нибудь знакомый встретится, а если нет, то кто-нибудь позвонит или он сам кому-нибудь позвонит, и после праведных трудов будет так приятно выпить с этим пока неидентифицированным приятелем пива на набережной, поболтать о ерунде, договориться вместе пойти в клуб в пятницу вечером...

И все было замечательно, пока он действительно не оказался на этой самой лавочке, сидение на которой само по себе должно было настроить его на серьезный лад. Как бы не так. Заставить себя читать было невозможно, мысли разбредались в разные стороны, взгляд скользил по буквам и строчкам и вдруг устремлялся вверх, сквозь ветки раскидистой ивы с мелкими листочками в небо, где парили молчаливые толстые чайки в вечном поиске еды. Те, что помельче, с коричневой головкой, истошно вопили и норовили обгадить прохожих. Ветер с моря доносил запах гнилых моллюсков и водорослей, креветок не продавали, было подозрительно тепло для начала мая, и народ обрядился в летнее, мелькая бледными пупырчатыми ногами, как у дохлых магазинных кур. Только стариканы – те, у которых домики в Испании, да девицы и молодые люди – любители солярия гордо демонстрировали блеклым соплеменникам обугленный зимний загар. Винсент солярия не любил и был бледен, как призрак из средневекового замка. Интересно, продержится ли тепло до семнадцатого мая, подумал он и со вздохом опять принялся за книгу.

Время приближалось к полудню, вот-вот должны были зазвонить часы на ратуше и сразу вслед за этим фальшиво исполнить назначенную для этого часа мелодию. В ухе у него торчал провод, ухидивший к телефону в кармане, и поигрывал монотонную электронную музыку, которая, по убеждению Винсента, должна была помочь ему прорваться сквозь экзаменационный материал, попутно его упорядочив и распределив по нейронным сетям.

В ожидании звона он перечитывал в третий раз один и тот же абзац и тут краем глаза заметил, как кто-то подошел к его скамейке и остановился прямо перед ним, едва не задевая его колени. Поколебавшись, он поднял глаза. Это был попрошайка, один из тех профессионалов, которые приезжают на миниавтобусах из Румынии, живут в палатках в лесу и каждый день расходятся по своим строго распределенным точкам. Попрошайка умильно улыбнулся, потрянул картонным стаканчиком с мелочью на дне и затянул свое «плииз». Винсент помотал головой. Попрошайка ткнул стаканчик ему под нос, потрянул пару раз и подкрепил еще одним заискивающим «плииз». Он строил из себя калеку, стоял скособочившись с костылем под мышкой, отчаянно косолапил, был небрит и нечесан. Винсент таким не доверял, поскольку сам однажды наблюдал группу попрошаек, бодро шагавших рано утром вдоль шоссе по направлению к центру города, причем один из них франтовато на ходу размахивал костылем, как тросточкой. Он еще раз помотал головой и сделал вид, что собирается продолжить чтение. Однако попрошайка не хотел сдаваться, он передвинул руку со стаканчиком так, чтобы тот оказался в поле зрения Винсента, заслоняя страницу.

—У меня нет денег, — сказал Винсент. — Понимаешь? Нету мелочи, только карточки. Так что ты зря стараешься. Иди попробуй какую-нибудь старушку, там у тебя гораздо больше шансов.

—Плииз, — отозвался попрошайка и выразительно потоптался на месте, демонстрируя Винсенту свою инвалидность и костыль.

И вот, пока он так топтался, Винсент бросил взгляд на часы на ратуше и обнаружил, что стрелки практически соединились на цифре двенадцать. Когда же он скользнул взглядом вниз, то увидел неподалеку за спиной попрошайки некое существо, которое не столько наблюдало сцену у скамейки, сколько являло себя Винсенту и ожидало, когда оно будет замечено. Как только их глаза встретились и Винсент вытянул шею, чтобы не потерять существо из виду, теплый толчок, как от взрывной волны, ударил ему в солнечное сплетение, соединил существом и одновремен-

но оттолкнул в сторону попрошайку. Бах — и мир вокруг перевернулся, приобрел ржавый апокалиптический оттенок, и Винсент мгновенно понял, что явившееся ему существо не могло быть человеком, хотя и имело человеческий вид. Оно плыло как марево на фоне помрачившегося мира, как распадающаяся галактика на фоне космической пустоты, и его одежда не производила впечатления купленного в магазине сделанного в Бангладеш творения человеческого гения, и само оно очевидно не имело пола.

В ту же самую секунду, когда взрывная волна отшвырнула попрошайку и тяжело прижала Винсента к спинке скамейки, существо вдруг переместилось вплотную и оказалось сидящим слева. Все это время их взгляды были соединены, как будто нанизаны на прут, вдоль которого и произошло перемещение. Существо улыбалось, его взгляд был всепонимающим и мягким, а мысли и впечатления Винсента были как перепутанные червяки в рыбацкой коробке. И все, что происходило, происходило рывками и обрывками, одновременно, нерасчлененно, суггестивно, с ощущением атомарной тяжести невозможных в природе элементов, исчезающих в лабораториях и свободно курящихся вокруг существа.

Ощутимое присутствие в воздухе нереальных химических соединений должно было бы вызвать опасение и мысль о демонической природе пришельца, однако существо не вызывало страха. Наоборот, оно вызывало большое количество положительных эмоций, которых Винсент никогда до сих пор не испытывал и не находил им названия. Университетский психолог тоже смотрел понимающим взглядом, тем не менее Винсент изнывал у него на приеме и чувствовал тягостную неловкость, изображая в ответ на понимающий взгляд доверие, которого на самом деле не испытывал, зная, что должен его изображать. Ощущения от существа были совсем другими, они вообще казались невозможными по отношению к любому человеку, они были всепроникающие и подлинные, без обычных задних мыслей, желания произвести впечатление или сексуального подтекста, или скрытого соперничества, или зависти, или глубоко упрятанного отвращения к чужой телесности. Они были нетелесны, хоть существо и выглядело облеченным в плоть, как в свои нерукотворные одежды, и Винсент сам терял телесность рядом с ним, сливался с ним через притяжение сверхтяжелых атомов, и это не только не было неприятно, но создавало звенящий эйфорический фон для всех остальных переживаний.

Располагаясь рядом, практически друг в друге, существо и Винсент начали и повели сразу несколько диалогов, один из которых был на-

правлен на то, чтобы выяснить, кем являлось существо, другой касался миссии существа и его пребывания в мире, третий определял в этом всем роль Винсента и раскрывал его особенность и ценность для существа, четвертый был окрашен легкой грустью, поскольку предполагал прохождение некоего испытания, смысл и суть которого оставались неясны, пятый обсуждал несовершенство человеческих отношений, которое можно было легко преодолеть, остальные крутились по мелочи вокруг промежуточных вопросов типа смысла жизни, других форм существования и степеней осознания, прерывались и возобновлялись, распространяясь узорчатыми завитушками вокруг основных тем.

Эйфория нарастала, красно-ржавый мир стирался и стекал, как краска по стеклу, обнажая изнанку реальности, где клубились, переливались и вспыхивали неопределенные формы, посылавшие друг другу электрические разряды вдоль соединявших их щупальцев. Это нейроны? подумал Винсент, и существо засмеялось и сказала: это прототип, царство идей. Или, если хочешь, а-дэ-эс-це-эф-тэ-эквивалентность. Чего-чего, какая эквивалентность? Да нет, я шучу, это всё ваши квантовые штучки, красиво звучат, но до сих пор не в состоянии описать реальный мир. Это реальный мир? Почти. Я – реальный мир. Я здесь с тобой и есть реальный мир. И в нем можно остаться? Если ты в него попал, он никуда уже не денется, всегда будет с тобой. А ты? Я уже, прямо сейчас, часть тебя, так куда я могу деться? И Винсент в самом деле ощутил странное слияние, не поддающееся осмыслению, поскольку существо как будто одновременно находилось и внутри, и вне его, было видимо и невидимо, и постоянно ощущаемо как лучшая часть его самого, как будто вросло в ДНК, как будто генные цепочки рассыпались, взвились и упали на новые места, перемешавшись с другими генами, намного лучшими, чем те, что были у Винсента прежде.

Клубящийся туманно-лиловый мир дрогнул и пришел в движение, начав вращаться вокруг него и существа, все быстрее и быстрее, стреляя вспышками то тут то там. Вращение сбивало с толку, Винсенту казалось, что он давно уже не сидит, а парит вместе с существом, или, может быть, падает и падает, входит в штопор, оттого мир и вертится, и все ориентиры, все туманные формы смазываются во вращении, и остается только лицо существа напротив – или внутри него. Не бойся, тут нечего бояться, услышал он, реальность бестелесна, реальность прекрасна, реальность звезд и галактик, темной материи и антивещества, мы всегда – навсегда – часть этого мира, все остальное – жалкая иллюзия, разобщенность, об-

ломки смыслов, бесконечность ограничения, суррогат, который не стоит того, чтобы в нем быть. Это самый уродский мир, в котором мне выпало родиться, подумал Винсент. Мир, в котором не было и нет места ничему, похожему на подлинность. Суррогат чувств, суррогат близости, бессмысленная жестокость, мелкая эгоистичная возня, ради чего, ради чего? Ты мне pomoжешь? Выбраться отсюда. Это просто невыносимо. Существо улыбалось. Конечно. Конечно. Всегда. Когда угодно. Винсент почувствовал, что готов разрыдаться от благодарности и восторга, он протянул руки, намереваясь обнять существо, но оно, бывшее так близко, вдруг выскользнуло из объятий, и руки провалились в пустоту, а существо стало медленно отдаляться, вовлекаясь в круговращение мира и покидая Винсента в эпицентре.

Внезапная паника пронзила его, как острый наконечник стрелы, он стал святым Себастьяном у столба, и стрелы жалили его со всех сторон, как осы, стая насекомых, как все то, чего в этой прекрасной реальности не должно было быть. Куда ты, вскрикнул он, пожалуйста, вернись! Существо с сожалением покачало головой. Это и было испытание, сказала оно, и ты его не прошел. Что было испытанием? Какое испытание? Так что, все обман? Неправда? Просто какое-то идиотское испытание? Нет, все правда. Ты и я – одно и то же, как запутанные частицы, ты и сам это понял, ведь так, и все зависит от тебя. Так куда же ты в таком случае? Но существо только еще раз покачало головой и устремилось прочь, и то, что связывало их воедино, натянулось и лопнуло с молниеносной электрической вспышкой, разорвав лиловый туман, словно тысячи сосудов лопнули у Винсента в голове и порвались все жилы в теле, и он рухнул на скамейку, бессильно созерцая вливающиеся в разрыв апокалиптические ржавые декорации привычного мира.

И в тот самый момент, когда существо от него отделилось и материальный мир ринулся в образовавшуюся полость вместе с запахом моря, криками чаек и теплом майского дня, отбросив существо сначала на исходную позицию за спиной попрошайки, а потом и вовсе вытолкнув за пределы реальности, Винсент почувствовал пронзительную боль в том месте, куда раньше вошла теплая взрывная волна, как будто существо выдрало из него это тепломесто с собой, как корень, и оставило безобразный кратер внутри, и он ясно осознал, что теперь всегда, до конца своих дней будет ощущать внутри себя эту жуткую пустоту, разъедающую нехватку того, что никогда ему не принадлежало, хоть и успело пустить в нем корни, как цветок-паразит на стволе дерева.

–Плииз, – тянул попрошайка, ободренный внезапным застылым безмолвием жертвы.

Винсент с усилием сосредоточил на нем взгляд и глубоко заглянул ему в глаза. Попрошайка замер, еще секунду постоял, потом развернулся и заковылял прочь. Винсент остался сидеть на скамейке с выражением тупого отчаяния на лице. Обе стрелки часов на ратуше соединились на цифре двенадцать, электронные колокола отбили четыре удара, а затем, через пару секунд, еще двенадцать, после чего захрипели и заиграли неузнаваемую механическую мелодию, слившуюся с музыкой из телефона и отдававшую в голову Винсента оловом и адом. Он выдернул провод, закрыл уши ладонями и зажмурился. Ему казалось, он все еще помнил отдельные фразы из диалогов с существом, и теперь мысленно под звон адской мелодии облакал их в слова:

нет, я не мертв, у мертвых нет мира
десять измерений? а почему не семнадцать?
я ничто из того, чему есть название
видимость присутствия не значит, что я здесь
я не знаю, где мое начало
я был один, но не сейчас, когда естеты
не по причине, а скорее по необходимости
в моем пребывании несомненно есть смысл
миссия, хорошо мне известная
мне никогда не встречался бог, но если подумать, то у меня гораздо
больше оснований предполагать его наличие
особенность в том, что ты смог меня увидеть, до сих пор такого не
бывало
конечно, я останусь, иначе зачем бы мне было появляться
прототип, царство идей
ваши квантовые штучки
это и было испытанием, которое ты не прошел

И конечно, поглощенный своим занятием, он не мог видеть двоих непримечательных мужичков на скамейке наискосок через площадь, один из которых попивал кофе из термокружки с логотипом «ДН» и внимательно наблюдал за Винсентом, а другой, поставив кружку с тем же логотипом рядом с собой на скамейке, усердно копался в ноутбуке, лежавшем у него на коленях. Под звон колокольной мелодии мужички говорили друг другу буквально следующее:

–Так, вышел и отключился.

Это пробормотал мужичок с ноутбуком.

–Подтверждаю, объект визуально вышел, – отозвался мужичок с кофе.

–Сеанс ровно одна минута.

–Думаю, шеф будет доволен.

–Определенно, он будет доволен. Успешно и на этот раз. Или как тебе кажется?

–Успешнее некуда. Скоро можно будет приступить к следующей стадии.

–По-моему, уже можно. Если единичные опыты удачны, то не вижу причин, почему нельзя перейти к массовым.

–Шеф говорит, он не до конца разработал стратегию.

–Как управлять миром? – хмыкнул мужичок с ноутбуком.

–Это сверхзадача, – возразил второй. – Стратегия – это как выполнить сверхзадачу наиболее эффективным способом.

–Ну так это получается тактика?

–Нет, тактика – это конкретные действия, полевые работы. То, чем мы занимаемся. Конкретными индивидами и группами индивидов.

–Проблема в том, что мы не знаем, что им там мерещится.

–Демон нехватки им мерещится. И если мы сейчас подойдем и предложим сегодняшнему объекту восполнить нехватку, то он побежит хоть на край света, лишь бы ему снова дали встретиться с его демоном.

–Только демоны у всех разные.

–Зато программа одна, и поведенческий результат предсказуем.

–Да, но тебе не кажется, что это может быть рискованно, если мы не знаем наверняка?

–А что ты хочешь знать? Что именно каждый из них видит? Ну так шеф тебе объяснял: то, что каждому не хватает, то он и видит, в силу своих интересов и интеллектуальных способностей. Только в гипертрофированном виде.

–Да, знаю. Было бы интересно посмотреть.

–В смысле, самому попробовать? И сидеть потом с таким видом, как он теперь? Я бы тебе не советовал.

–Нет, не самому попробовать, ты что. Но ты подумай, мы же вот сейчас запускаем программу, подключаемся – и не имеем ни малейшего представления о том, как она работает.

–Правильно, потому что она работает по принципу искусственного интеллекта.

–То есть это совершенно закрытая хрень, о которой мы ничего не знаем, кроме того что она способна создавать жуткое ощущение нехватки, правильно? Так вот тебе не кажется, что это может быть опасно?

–Все так или иначе опасно. И если технология существует, кто-нибудь ей в любом случае воспользуется. Так пусть уж лучше это будем мы. Уж лучше мы будем сидеть и управлять программой, чем она будет управлять нами. Или нет?

–Понятное дело.

–Ладно, пойдем-ка мы отсюда. Засиделись.Зайдем, может, купим ланч в контору?

Оба поднялись, мужичок с ноутбуком упаковал компьютер в сумочку изящного дизайна, подхватил свою термкружку, и оба двинулись через площадь по направлению к деловому кварталу.Они прошелестели мимо Винсента, все еще сидевшего с закрытыми глазами, и прошли уже было дальше, но тут мужичок с кофе приостановился, вытащил телефон, вернулся и навел экран на скорбное лицо сидящего.

–На будущее, – пояснил он, обращаясь к своему спутнику. – Мало ли. Может, потом пригодится для статистики.

Тот кивнул, и они зашагали прочь.

2017

Алейников Владимир [122] – родился в 1946 году в Перми, вырос в городе Кривой Рог на Украине, куда семья переехала в апреле 1946 года. В 1965 году вместе с Леонидом Губановым основал легендарное литературное содружество СМОГ. В 1966 году восстановлен в МГУ, закончил образование в 1973 году. Работал в археологических экспедициях, грузчиком, дворником, в школе, в многотиражной газете, редактором в издательстве. В начале 80-х писал стихи для детей. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Первые книги стихов вышли в 1987 году. В начале 90-х изданы несколько больших книг стихов. Стихи переведены на различные языки. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крещатик». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей 21 века и Высшего творческого совета этого Союза. Член ПЕН-клуба. **С 1991 года живёт в Москве и Коктебеле.**

Александрова Нина [82] – родилась в 1989 году в Челябинске. Окончила филологический факультет Уральского федерального университета. Печаталась в журналах «Урал», «Нева», «Новая Юность», «Слово/Word», альманахах «Ликбез», «Красными буквами», «Василиск». Автор книги стихов «Небесное погребение» /2014/, «В норе» /2016. **Живёт в Екатеринбурге.**

Андреева Ольга [119] – родилась на юге Украины в 1963 году. Автор поэтических сборников «В случайной точке» /2003/, «Эволюция ветра» /2003/, «Аритмия» /2003/, «Вещь не в себе» /2007/, «Оставаясь водой» /2010/, «Равноденствие» /2012/, «Лестница тавров» /2013/, «На глобусе Ростова» /2016/. Публиковалась в альманахах «ПаровозЪ», «Белый Ворон», «Золотое руно», «Белая акация», в журналах «Нева», «Новая Юность», «Дети Ра», «Армак», «Письма из России» (Москва), «Южное Сияние» (Одесса), «Веси» (Екатеринбург), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), в альманахе «45 параллель» (Москва) и «45 – параллельная реальность»; «Наше поколение» (Молдова), Prosodia. По профессии инженер-строитель. Занимается проектированием автомобильных дорог. **Живёт в Ростове-на-Дону..**

Антонов Зиновий [198] - родился в Киеве. Окончил ГИТИС (РАТИ), театроведческий факультет. Публиковался в журналах «Журнал ПОэтов», журналы «Европейская словесность» (Кёльн), «Меценат», «Этажи», альманах «45 параллель», «Новая газета» и др. Работал в разные годы заведующим литературной частью в театрах: МТЮА (Музыкальный Театр Юного Актера), 1-ом Московском областном театре (ныне Камерный) и в Академическом театре имени Моссовета. **Живёт в Москве.**

Баранова Евгения [273] - родилась в 1987 году в Ялте. Произведения публиковали «Юность», «Дальний Восток», «Ликбез», «Гостиная», «Новая реальность», «Зарубежные задворки», «Литература», «Южное сияние», «45-параллель» и другие. Автор двух книг и одного аудиоальбома. Член Союза писателей Москвы, ЮРСП. **Живёт в Москве.**

Башкатова Светлана [247] – родилась в 1968 году в Оренбурге. Образование высшее медицинское. Автор 8 сборников поэзии и прозы, Переводы стихов на сербский публиковались в журнале «Шумадијске метафоре» /2015/. **Живёт в Иркутске.**

Берг Виктория [248] - родилась в Москве. Журналист, редактор, специалист по связям с общественностью. Первая публикация в 1995 году. **Живёт в Калининграде.**

Близнюк Дмитрий [238] – родился в 1979 году. Публиковался в журналах «Сибирские Огни», «Вокзал», «Порог», «Харьковский Мост» и др. Автор сборника стихов «Сад брошенных женщин» (2013).. **Живёт в Харькове.**

Бойков Владимир [204] – родился в 1941 году в Новосибирске. Член Союза писателей Москвы. Автор книг стихотворений «Обоюдность» /1988/, «Посещения» /1996/, «У четверти века в гостях» /2002/, «По обе стороны глаз» /2008/, «Автопортрет» /2012/. Публиковался в газетах, журналах, альманахах, антологиях и сборниках: «Сибирские огни», «День поэзии», «Первые строки», «Поэзия», «Византийский ангел», «Плавучий мост» и др. **Живёт в Струнино.**

Борисова Тина [253] – родилась в 1967 году, в Александрии. Жила в Узбекистане. **В настоящее время живёт в Москве. Иные сведения автор о себе не предоставил.**

Бубнов Александр [77, 302, 315] – родился в 1959 году. Поэт, филолог; визуальный поэт, композитор, теоретик и практик палиндромии и экспериментальных форм стиха. Доктор филологических наук, профессор РГСУ (Курский филиал). Автор более 20 книг стихов и палиндромов, более 50 научных работ, статей в «Новом литературном обозрении», «Russian Literature» и др. журналах и альманахах. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Языковые особенности русского палиндрома» (Тамбов, 1997); диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук «Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии» (Орёл, 2002). **Живёт в Курске.**

Булатова Галина [255] – родилась в Горьком. Окончила Куйбышевский институт культуры. Автор книг «Философия розы» /2012/, «Счастлирое время» /2014/ и др. Редактор-составитель более 20-ти изданий. Организатор и куратор нескольких литературных проектов. Публиковалась в журналах «Новая юность», «Зарубежные задворки», «Новая реальность», «Казанский альманах», «Казань», «Идель», «Чаян» и др. Стихи переведены на сербский язык. **Живёт в Казани.**

Верникова Белла [308] – Родилась и жила в Одессе, с 1992 года в Израиле. Автор восьми книг, участник международных выставок графики. Печаталась в литературных журналах России, Украины, Израиля, США, Англии, Японии, Италии: «Юность», «Арион», «Топос», «Сетевая Словесность», «Радуга», «Дерибасовская – Ришельевская», «22», «Иерусалимский журнал», «Артикль», «Литературный Иерусалим», «Лехаим», «Другие берега», «Человек на земле», «Слово\Word», «Интерпоэзия», «Приокские зори», «Квадрига Аполлона», «Бег», «Кольцо А», «Новая реальность» и др., в иностранной периодике в переводе на английский и японский языки. историк литературы, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме, член Союза писателей Израиля. Входит в редколлегию одесского альманаха «Мория». **Живёт в Иерусалиме.**

Винтерман Изяслав [64] – родился в 1961 году в Киеве. Член Союза писателей Израиля. Лауреат премии Союза писателей Украины «Скарбница» за книгу стихов «Время ожидаемого» (1989), премии им. Ури-Цви Гринберга за лучшее поэтическое произведение (2004, 2005). **С 1992 года живёт в Иерусалиме.**

Виризова Ольга [64] – родился в 1961 году в Киеве. Член Союза писателей Израиля. Лауреат премии Союза писателей Украины «Скарбница» за книгу стихов «Время ожидаемого» (1989), премии им. Ури-Цви Гринберга за лучшее поэтическое произведение (2004, 2005). **С 1992 года живёт в Иерусалиме.**

Витрыло Фотя [193] – родилась в Украине. Публиковалась в газетах и журналах Украины, Белоруссии, России, в международном альманахе «Метаморфозы», в сборниках и антологиях издательства «Склянка часу». В 2014 году в Канаде была издана её книга «Шли дети из Рая». **Живёт в городе Шпола Черкасской обл.**

Власенко-Гуслин Радислав (священник Вячеслав) [222] – родился 16 марта 1969 году в городе Запорожье. В 1998 году принял сан дьякона, в 2000 году – священника. Окончил Киевскую духовную семинарию и академию. В настоящее время клирик Свято-Покровского архиерейского собора Запорожья, протоиерей, преподаватель кафедры теологии Запорожского классического частного университета. Лидер музыкального КоллегиумаJivaOnline, автор и исполнитель. Автор поэтических сборников «Фиолетовый раз», «Имущество нищих», «Доброполье», «Океан», «Фиолетовая тетрадь», «Священный Цыган». Печатался в альманахах поэтических фестивалей «Звезда Рождества» и «В стенах серебряного века», в поэтическом альманахе «45-я параллель», сетевом литературном журнале «Сетевая Словесность», интернет-журнале «Зарубежные Задворки», журнале поэзии «Плавучий мост». Организатор и бессменный председатель оргкомитета международного музыкально-поэтического фестиваля «Звезда Рождества». Член Конгресса литераторов Украины. **Живёт в Запорожье.**

Галия [241] – родилась в 1960 году в селе Чёрный Затон Саратовской области. Автор книги «Хижина» /2017/. **С 1979 года живет в Екатеринбурге.**

Гаммер Ефим [265] – родился в 1945 году в Оренбурге. Жил в Риге. Окончил Латвийский госуниверситет, отделение журналистики. Член редколлегии альманахов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается». Лауреат международных премий по литературе, журналистике, изобразительному искусству, автор 15 книг, печатается в журналах России и других стран. **С 1978 года живёт в Израиле.**

Грантс Янис [218] – родился в 1968 году во Владивостоке. Публиковался в журналах «Знамя», «Урал», «Волга», «День и ночь», «Крещатик» и других. Автор нескольких книг поэм и стихотворений). Стихи и проза переведены на латышский язык. **Живёт в Челябинске.**

Дайс Екатерина [261] – родилась в 1978 году в Москве. Окончила факультет истории искусств и аспирантуру РГГУ. Публикуется с 2005 года. Автор книг «Джон Фаулз и мистериальная традиция» (2011), «Психея и Рок. Статьи о современной культуре» (2012). Эссе и научные статьи публиковались в журналах «Нева», «Новый мир», «Дружба народов», «Волга», «Мир психологии», газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», интернет-изданиях «Русский журнал», «Полит.ру», «Либеральная миссия», «Частный Корреспондент» и др. Кандидат культурологии. С 2006 по 2008 директор сайта фонда «Либеральная миссия», автор колонки «С либеральной точки зрения». В 2007 редактор-составитель 25-й выпуска журнала «REFLECT» (Чикаго). С 2008 член группы «Номинальная инициатива», куратор нового литературного цикла «Феноменология Имени» (совместно с Игорем Лёвшиным и Игорем Сидом). Соорганизатор Первого этно-регги фестиваля «Афро Плюс», 27-28 июня 2009. Соорганизатор Второй Международной конференции по геопозитике, 25 ноября 2009. Создатель, куратор акционного цикла «Зодиакальные чтения», с января 2011. **Живёт в Москве.**

Дедюлин Дмитрий [72] – родился в 1979 году в Харькове. Стихи публиковались в «©П» № 7, альманахе «Левада», журналах «Воздух», «Дети Ра», «Харьков — что, где, когда», интернет-издании «Новая реальность». Проза опубликована в журнале «Союз Писателей» № 15. **Живёт в Харькове.**

Дмитриев Андрей [17] – родился в 1976 году в городе Бор Нижегородской (Горьковской) области. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Автор сборников стихов «Рай для бездомных собак», «Орнитология воды». Лауреат премии имени Бориса Пильника (2010), дипломант межрегионального конкурса «Наймалы», проводимого домом-музеем Велимира Хлебникова в Астрахани (2014). **Живёт в Нижнем Новгороде.**

Долгановских Юлия [199] – родилась в 1968 году в Екатеринбурге. Окончила Уральскую государственную академию государственной службы и Уральский государственный университет. Автор книги стихов «Латынь, латунь и катехизис» /2016/. **Живёт в Екатеринбурге.**

Зоммер Татьяна [116] – родилась в Миассе Челябинской области, Член Союза писателей России, член Союза московских писателей, член ДООС. Автор пяти книг поэзии и прозы. Печаталась в литературных журналах: «Знамя», «Арион», «Литературная учёба», «Наша улица». **Живёт в Москве.**

Ивачевский Евгений [243] – родился в 1969 году в Екатеринбурге. Эксперт Минкультуры РФ по культурным ценностям. Ранее не публиковался. Самиздатом выходили верлибры и короткая проза. Публиковался в журнале «Знамя». **Живёт в Екатеринбурге.**

Ивкин Сергей [41] – родился в 1979 году в Екатеринбурге. Окончил Российский государственный профессионально-педагогический университет по специальности «преподаватель декоративно-прикладного искусства». Работает в сфере дизайна сувениров и народных промыслов. Публиковался в журналах и альманахах России и за рубежом. Автор поэтических книг и сборников «Пересечение собачьего парка» /2007/, «Конец оценок» /2008/, «Воробьиные боги» /2009/, «Йод» /2013/, «Голая книга» /2016/, «Грунт» /2016/. **Живёт в Екатеринбурге.**

Изварина Евгения [57, 330] – родилась в 1967 году в Челябинск-65 (ныне Озёрск) Челябинской области. Окончила Челябинский государственный институт культуры по специальности библиотекарь-библиограф. Работает журналистом в газете Уральского отделения РАН «Наука Урала». Автор вышедших в Екатеринбурге книг стихов «Сны о великом плавании» (1996), «По земному кругу» (1997), «Страны ночи» (1999, вместе с книгой О. Дозмороза «Пробел»), «Пояс Ориона» (2004), «Голос и ветер» (2007), «Времени родник» (2010), «Дом для одной свечи» (2013). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Север», «Звезда» и др., в сборниках и антологиях. Лауреат литературной премии им. Бажова (2011). Член Союза писателей России с 2000 года. **Живёт в Екатеринбурге.**

Инина Александра [230] – родилась в Орле. Окончила биолого-химический факультет Орловского государственного университета. Принимала участие в литературных фестивалях в Выборге – в 2012 и в 2013 годах. Публиковалась в журналах «Аврора», «45-я параллель». **Живёт в Орле.**

Кадочникова Ирина [244] – родилась в 1987 году. Филолог, кандидат филологических наук. Автор 2- книг стихов – «Единственный полюс» (2015), «Без темы» (2017). Публиковалась в изданиях «Никуда этот мир не исчезнет»: Поэзия Удмуртии. Избранное (Ижевск, 2015), журнале «Луч» (Ижевск), «Литературной газете» (2016). **Живёт в Ижевске.**

Карпенко Александр [226] – родился в 1961 году. Поэт, прозаик, эссеист, ветеран-афганец. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века. В 1984 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, тогда же начал публиковаться в толстых литературных журналах. Институт окончил в 1989-м, в этом же году вышел первый поэтический сборник «Разговоры со смертью». **Живёт в Москве.**

Качалин Виктор [85] – родился в 1966 году в Москве. Поэт, философ, художник. Печатался в журнале «Новый круг» (Киев, 1993, №2), в сборнике «Мир Кьеркегора» (М., 1994), в антологии «Современная литература народов России». Рисунки и рукописные книги находятся в частных собраниях России, Швеции, Японии. **Живёт в Москве.**

Копылов Олег [227] – родился в 1976 году в Железногорске-Илимском (Иркутская область). Печатался в журналах «Гвидеон», «Ликбез», «Сибирские огни». Автор сборника «Три секунды перед рассветом в мае» /2013/. **Живёт в Новосибирске.**

Корамыслов Александр [106] – родился в 1969 году в Воткинске. Публиковался в местной печати (газета «Курьер», журнал «Луч» (Ижевск)), газетах «Гуманитарный Фонд», «Русский курьер», «НГ-Exlibris», «Культура» (Москва), журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Соло», «Футурум АРТ», «Мир музея» (Москва), «Урал» (Екатеринбург), «День и ночь» (Красноярск), «Вещь» (Пермь), «Крещатик» (Германия), альманахах «Дирижабль» (Нижний Новгород), «Молодой Гений» (Костомукша), «Перелом ангела», «Тритон», «Солнце без объяснений» (Москва), «Черновик» (Нью-Джерси) и т. д. **Живёт в Воткинске.**

Косман Нина [209] – родилась в Москве. В эмиграции с 1972-го года. Автор двух сборников стихов на русском языке «Перебои» (Художественная литература, Москва) и «По правую руку сна» (Филадельфия). Художник, автор пьес и стихов на английском языке. Стихи и рассказы Косман переводились с английского на японский, голландский, греческий и испанский. Несколько пьес было поставлено в американских театрах. **Живёт в Нью-Йорке.**

Коро Елена [284] – печаталась в журналах «Контрабанда», «Белый ворон», «Южное сияние», «Журнал ПОэтов». Член Южнорусского союза писателей (ЮРСП). Автор четырех сборников: «Я - легкий образ мира» /2005/, «Часы» /2014/, «Сказки для бога» /2014/, «Фазт-Крым: карта странствий» /2015/. Авторский проект «Фазт-Крым: карта странствий. Антология фаззии. Том 1. Фазэты» /Севастополь, 2016/. **Живёт в Евпатории.**

Латыфич Константин [32] – родился в 1966 году. Автор книг в стихах «Человек в интерьере» (серия «Русский Гулливер» Москва 2007 год). «Равноденствие» (Москва. «Русский «Гулливер» 2012 год). **Живёт в Самаре.**

Логош Ольга [210] – родилась в 1973 году в Ленинграде. Закончила СПбГУ, Французский Университетский колледж и т.д.. Стихи, статьи, эссе и переводы публиковались в журналах «Питерbook», «Опушка», «Зинзивер», «Shamrock Naiku Journal», «Дети РА», «АРТ-Шум», «Футурум АРТ», «Книжный бизнес» и др. Стихи вошли в состав антологий «Петербургская поэтическая формация», «Актуальная поэзия на Пушкинской-10», «Собрание сочинений. Поэзия Петербурга. Том 2», «Антология одного стихотворения. Книга вторая «В поисках утраченного Я»». Опубликованы переводы с французского, английского, шведского языков, комментарии к романам английских писателей. Автор книги стихов «В вересковых водах» /2011/. **Живёт в Санкт-Петербурге.**

Машарыгин Дмитрий [28] – родился в 1986 году в Озёрске. Публиковался в журналах: «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Новая Юность», «Знамя», «Волга-21 век», «Воздух». Автор книг «Неотправленные письма Гоголя» /2007/, «Всё проще» /2016/. **Живёт в Челябинске.**

Медведев Константин [197] - родился в Перми, жил в Калуге, Николаеве, Твери, Москве. Автор нескольких сборников стихотворений. **Живёт в Бологое, Тверской области.**

Мирный Егор [200] – родился в 1983 году в Мелеузе. Публиковался в журналах «Волга», «Гвидеон», «Южное Сияние», «Белый ворон», «Новая реальность». Автор сборника стихотворений «На кострах заросшем Плуtone» /2013/. **Живёт в Мелеузе.**

Миронов Алексей [49] – родился в 1972 году в Нижнем Тагиле. Закончил филологический факультет Нижнетагильского педагогического института, на кафедре литературы которого остался работать. В 2007 году по окончании очной аспирантуры Уральского государственного университета им. А.М. Горького защитил кандидатскую диссертацию по специальности 10.01.01 «Русская литература» на тему «Владимир Нарбут: творческая биография». Работал заведующим кафедрой литературы филологического факультета Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, а затем деканом факультета сценических искусств. С 2014 года – заведующий отделением сценических искусств факультета художественного образования НТГСПА. **Живет в Нижнем Тагиле.**

Мишуков Алексей [250] – родился в 1975 году в городке Бобровица Черниговской области. Автор книги стихотворений «Дядька Иван /2015/. **С 1994 года живёт в Киеве.**

Моисеев Михаил [214] – родился в Новосибирске в 1973 году. Закончил Институт филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, сотрудник Лаборатории игры Городского центра проектного творчества. Публиковался в журналах «Воздух», «Волга», «Василиск», «Ликбез», в онлайн-журнале «Речпорт». В составе оргкомитета фестиваля «Experiences» – лауреат премии Сибирского центра современного искусства «Культпросвет» (2014). Один из организаторов фестиваля экспериментальной поэзии «Experiences», поэтических вечеров «Слогистика» и др., творческого сообщества «Речпорт». **Живёт в Новосибирске.**

Монахов Владимир [240] – родился в 1955 году в Изюме Харьковской области. Автор более десяти сборников стихов и прозы. Активно публикуется в журналах и альманахах. Член группы ДООС. **Живёт в Братске.**

Новоселова Юлия [246] - окончила математико-механический факультет УрГУ, работает инженером-программистом в филиале «ОКБ автоматика». **Живёт в Екатеринбурге.**

Пеньяроль Рикардо [228] – **Живёт в Санкт-Петербурге.** Иных сведений о себе автор не предоставил.

Петрушкин Александр [21] – родился 1972 году в Челябинске. Автор нескольких книг стихотворений и ряда журнальных публикаций. **С 2005 года живёт в Кыштыме Челябинской области.**

Петров Артём [220] – родился в 1981 году. Участник Литературного объединения ЧТЗ им. Михаила Львова. Публиковался в местной прессе, нескольких коллективных сборниках, альманахе «Южный Урал», журнале «Урал-Транзит». Лауреат различных конкурсов. **Живёт в Челябинске.**

Пичугин Ярослав [269] – родился в Москве в 1953 г. Закончил МГТУ им. Баумана. Автор 9 поэтических сборников и многих публикаций в периодике. Член СП Москвы. Работает в редакции журнала Всероссийского общества глухих «В едином строю». **Живёт в Москве.**

Поповский Александр [212] – родился в 1962 году в поселке Астрахановка Актюбинской области. Участник двух Всероссийских совещаний молодых писателей. Лауреат премии Российского творческого союза работников культуры в номинации «Поэзия». Финалист Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2012». **Живет в поселке Первомайском Челябинской области.**

Пушина Лариса [224] – родилась в Хабаровске. Окончила факультет иностранных языков Хабаровского государственного педагогического университета, юридический факультет Хабаровской государственной академии экономики и права. **Живёт в Хабаровске.**

Рубинская Наталья [237] - родилась в 1948 году в Челябинске. В 1974 году окончила Уральскую консерваторию имени М. П. Мусоргского, в 1988 г. — Литературный институт им. А. М. Горького. Печатается в центральных и региональных изданиях. Автор книг стихов «Репетиция» /1995/, «Бродячая музыка» /2004/, «Однажды здесь» /2005/, «Тропою трав» /2007/, книга прозы «Юное воинство культуры» /2007/, «Дневник одной поэтессы» /2008/). Заслуженный работник культуры России. Член Союза литераторов России. **Живёт в г. Челябинске.**

Рычкова-Закаблукская Алёна [202] - родилась в 1973 году в селе Баклаши под Иркутском. По образованию психолог. **Живёт в Иркутске.**

Садур Екатерина [129] – Родилась в Новосибирске. Окончила Литературный институт им.А.М. Горького. Публиковалась в журналах «Стрелец», «Знамя», «Новая Юность», «Дружба народов» и др. Лауреат премий «Дебют» журнала «Знамя», «Малый Триумф», премии и стипендия фонда Альфреда Тёпфера. Пьесы неоднократно шла в театрах Москвы, Петербурга, Тольятти. Проза переводилась на немецкий, финский, английский и шведский языки. **Живёт в Берлине.**

Сизова Жанна [257] – родилась в 1969 году. Окончила филологический факультет Иркутского университета и Санкт-Петербургский институт богословия и философии. Жила в Санкт-Петербурге, работала радиожурналистом. Стихи публиковались в журналах и альманахах «Арион», «Вавилон», «Черновик». **С 2006 года живёт в Великобритании.**

Силантьев Игорь [53] – родился в 1960 году в рабочем поселке Актас Карагандинской области. Филолог, поэт, преподаватель Новосибирского государственного университета, автор работ по теории литературы и поэтике литературного повествования, а также трех поэтических сборников. **Живёт в Новосибирске.**

Смирягина-Дмитриева Клавдия [213] – родилась в 1958 году в Ленинграде. Окончила Педагогический институт им. Герцена, преподавала математику в школе, много лет работала в ХК «Ленинец». **Живёт в Санкт-Петербурге.**

Соболев Александр [286] – родился в 1952 году. Автор поэтических сборников «Дважды в реку» /2005/, «Настоящее имя вещей» /2007/, «Горный арык» /2010/, «Медитация на рисовом зерне» /2012/. Публиковался в журналах «Ковчег», «Ковчег Кавказа», Дети Ра, «Prosodia», «Москва», «Веси», электронных журналах РЕЛГА и ГОСТИНАЯ, петербургском альманахе «Интеллигент», альманахах «45 параллель» и «45: русской рифмы победный калибр», в международной антологии памяти И. Бродского (2015 г.) и некоторых сборниках. Член Союза российских писателей, специальность – физик. **Живёт в Ростове-на Дону.**

Сумин Сергей [242] – родился в 1973 году. Окончил Тольяттинский педагогический институт. Работает учителем в средней школе. Публиковался в антологии «Нестолничная литература», журнале «Волга», сборниках «Легко быть искренним» и «Самарский верлибр». С 2011 г. главный редактор альманаха литературы Поволжья «Графит». **Живёт в Тольятти.**

Трудлер Алекс [235] – печатался в изданиях «Московский Комсомолец», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Буквица», «Заповедник», «Интерлит», «Сталкер» и др. **Живет в г Беер-Шева (Израиль).**

Учаров Эдуард [232] – родился в 1978 году. Публиковался в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Новая юность», «Дети Ра», «Пара-возь», «Литературная Россия», «Новая реальность», «Белый ворон» и др. Редактор-составитель нескольких книг. Организатор и куратор ряда литературных проектов. Член редколлегии журнала «Казанский альманах». Автор книг стихотворений «Подворотня» /2011/, «SOSтояние весо-мости» /2012/, «Трёхколесное небо» /2015 г/. Стихи переведены на серб-ский язык. **Живёт в Казани.**

Ходаковский Александр [110] – родился в 1974 году в г. Коростень, Житомирской области. Окончил Харьковский государственный институт культуры, факультет культурологии. Публиковался в журналах «В кругу времён», «©П», «Харьков – что, где, когда», «СТЫХ», альманахах «Лева-да»; интернет-изданиях «Вавилон», Vernitskii Literature, «Артикль». Рабо-тает в издательстве «Золотые страницы». Живёт в Харькове.

Хмельёва Наталья [60] – родилась в 1989 году в городе Измаил Одес-ской области. В 2011 году поступила в творческую мастерскую на курс к писательнице Анне Реал (Anna Real) в Volkshochschule Essen (Народный университет Эссен), а в 2011 году стала студенткой философского фа-культета им. Генриха Гейне. Первыми студенческими проектами стали исследования в области теории познания и культурной политики. Учас-ница ежегодных крупных литературных фестивалей: «Руді тексти» (Кри-вой Рог), «Межгород» (Одесса), «Каштановый Дом» (Киев), квартирников и слэмов, лауреат международного фестиваля «Русский stil» /2012/. **Жи-вёт в Дюссельдорфе.**

Марина Хоббель [335] – родилась в 1975 г. в Минске. По образо-ванию филолог, кандидат филологических наук, культуролог. Под псевдонимом Марина Велькович печаталась в журналах «Сетевая словесность», «Немига литературная» (Беларусь), сборниках рассказов «Арена-2» и «Арена-3» (США), а также в журнале «Samtiden» (Норвегия). Автор книг прозы «Великий материализатор» (2002) и «Бабочка, бедный листочек» (2012). **Живет в Осло.**

Чернышёв Сергей [88] – родился в 1964 году на Камчатке. Окончил Дальневосточный государственный университет. Публиковался в сбор-нике стихов «Выход в город», в интернет-изданиях «Полутона», «Новая реальность» и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Чиркова Марина [216] – автор книг «В садах неразделённости моей» (2000), «Части счастья» (2006). Публикации в журналах: «Заповедник», «Кольцо А», «Контрабанда», «Российский колокол», «Футурум АРТ». Член Союза писателей России. **Живёт в городе Мытищи Московской области.**

Шатовкин Виталий [7] – родился в 1982 году в городе Большой Камень Приморского края. В 2005 с отличием окончил НГПУ (Новосибирский Го-сударственный Педагогический Университет) по специальности «Психо-логия и педагогика» и был направлен в аспирантуру одноименного вуза, но уехал в Челябинск, где поступил в Южно-Уральский Государственный Университет на международный факультет. Неоднократно менял места жительства: Челябинск, Санкт-Петербург, Москва, Владивосток, Екате-ринбург. В разное время работал водителем, педагогом-организатором, лаборантом, художником-оформителем, директором компании, методи-стом, продавцом, клоуном и т.д. **Живёт в Новосибирске.**

Шипицына-Иванке Алёна [282] - родилась в 1980 году в д. Улзет Иркутской об-ласти. Автор сборника стихов «Вовремя» /2014/, составитель книги «Апаль - до-лина мудрых песен» /2017 г/. Публиковалась в журналах «Байкал», «Юность», альманахах «Иркутское время», «Образ», «Зелёная лампа». **Живёт в Иркутске.**

Шуба Сергей [95] – родился в 1983 году в городе Курган-Тюбе (Таджи-кистан). В 2005 году окончил Ростовский государственный строительный университет. С 2007 живёт в Новосибирске. Работал дорожным рабочим, начальником ПТО, дворником, кровельщиком, пекарем. Под своим име-нем и псевдонимом Сергей Джим печатался в литературном альмана-хе «Ликбез», «Aesthetoscope», журналах «Гостиная», «Вольный Лист», «Город Пэ», «Homo Legens», «Топос», «Плавучий мост», «Южная звез-да», «Сибирские огни», сообществе «Полутона». Автор поэтического сборника «ВПиХ» (микроформат, «iZZdat», 2012). Участник поэтических («Experiences» – 2010, 2011, 2012, 2013) и музыкальных («С.Ш.А.» – 2008, 2009, 2012) фестивалей. **Живёт в Новосибирске.**

Эш Тейт [101] – родилась в 1979 году в Харькове. Редактор и литера-турный советник книжной «Эмигрантской серии» (2004 - 2009 годы). Не-сколько лет представляла русскоязычную поэзию на Abu Dhabi Festival. Финалист конкурса им. Гумилёва «Заблудившийся трамвай». Лонг-листер «Русского Гулливера» и Григорьевской премии. Золотое перо Руси - 2014. **Живёт и работает между Москвой и Дубаем.**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Литературный проект «ВЕЩЕСТВО»
РАЗДЕЛ 2. «ВОДА»

www.promegalit.ru

Подписано в печать 1.08.2017 г.

Формат: 135x200 1/16

Тираж: 400 экз.